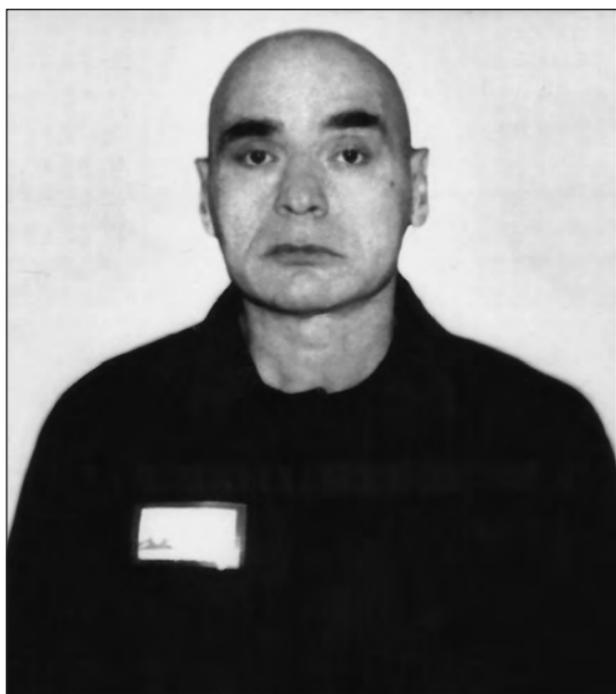

*На территории России багульник
распространён очень широко.
Он охватывает тундровые и лесные
зоны европейской части страны,
Сибири и Дальнего Востока*

Владимир СМИРНОВ

БАГУЛЬНИК

ЛАГЕРНЫЕ ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ.
ПОВЕСТЬ «СУДНЫЙ ДЕНЬ»

Москва
2023

УДК 82-33
ББК 84(2Рос)
С55

Смирнов В.О. Багульник. Повесть. Очерки. Рассказы. М.:
Изд-во журнала «Москва», 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-89097-108-1

Владимир Смирнов, член Союза писателей России, окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М.Горького.

«Книга Владимира Смирнова “Багульник” — это книга-научение, книга-назидание, книга — урок каждому из живущих, кто нынче на пиру жизни, а завтра, увы, под обломками житейского корабля далеко от спасительного берега» (*Владимир Личутин, лауреат Государственной премии России в области литературы*).

Никакая часть данной книги не может быть скопирована или воспроизведена без письменного разрешения автора.

© В.О. Смирнов, 2023

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

Жажда справедливости

Книга Владимира Смирнова невольно сбивает на серьёзные, глубокие размышления о Боге и земной власти, когда между ними, как между молотом и наковальней, находится весь разнообразный русский мир. Эти мысли мне бы хотелось сразу откинуть, насколько это возможно, чтобы не упростить в словах самую сложность бытия. Ведь Господь никого не наказует, не милует, как бы мы того ни хотели, Он всё попускает нам, доверяет нашим силам, нашей воле, чтобы мы собственным трудом приослабили нравственное несовершенство. Если бы мы во всём полагались на Заступника, то наши духовные мускулы невольно превращались бы в тухлое вязкое варево, не способное к совестному (героическому) усилию. Но когда мы пересиливаем свою слабость, то невольно молитвенно кланяемся Верховному, ибо только через Его попущение в битве с дьяволом закаляемся, празднуем пусть и крохотную, временную победу над вездесущим злом и слугами его.

Пусть мои слова звучат несколько выпренне и отвлечённо, но в них, как мне кажется, и таится не только побудительный союз Господа,

верховой власти (суда с его законами) и народа, но и вечный неразрешимый конфликт между ними. Ведь власть (всегда временная) стоит на силе слуги с ружьём и «Правды своих законов», а вечный народ, признавая их необходимость, однако всегда сомневается в их справедливости, понимает по-своему, опутывает заповедями, верою, национальными привычками и пытается издавна отыскать и утвердить навеки Закон Правды (совести), который власти претит.

Увы, Владимир Смирнов не первый, кто в этой борьбе с «законниками» ломал в поединке копья, ибо власть опиралась на суды во всякое время, с глубокой древности; ярыжки и чиновные кляузники, зная свою силу, тянули дело с оскорбительной для человека волокитой, закладывая прошение в «долгий ящик» и постоянно побуждая прошака ко взятке, чтобы тот обязательно позолотил ручку «барашком в бумажке»; и ничего нового, особенного, казалось бы, что случилось с автором повести, нет, но повергает в изумление та иезуитская, вне человеческих норм, нравственная глухота прислужников власти, та душевная неотзывчивость и сердечная черствость, с которой обращается чиновник с простым смертным, безвозвратно отнимая его живое время, считая подсудимого букашкой, «тварью дрожащей», с которой можно обращаться пинком и тычком, судьбу которого можно небрежно пролистать, как страницы судебного талмуда... Удивляет, что душа судьи (чиновника) не споткнётся в сомнении: а вдруг Бог-то воистину есть, Он правит на своих весах твои несправедные деяния, и скоро грянет час,

когда душа твоя канет в преисподнюю, в те дремучие миры, откуда уже не будет возврата. И ведь в церковь ходят притворщики, и порою посулы денежные вкладывают, и молятся, но молитвы как-то ловко выскальзывают из груди, не задержавшись в той глубине, где, несомненно, живёт душа. Тут, в отношении арестанта Смирнова и равнодушного судебного «чинодрала», и открывается весь драматизм вроде бы рядового случая, за которым обнаруживается всё несовершенство правоохранительной системы. Эти ярыжки повязаны круговой порукою, безбожные деяния опутывают куда прочнее стальных канатов, и эта клоака, это червилице, огнездившись в недрах государства, во всех эшелонах власти, плодит себе подобных и создаёт застойный кладбищенский воздух, от которого душно становится раздумчивому честному простецу... И в царское время бедный крестьянин, совершив проступок, долго мыкался по судам, отставив свою честь перед немилосердным супостатом, который, прикрываясь именем Государя, творил самые немилосердные дела. Да, может, те столоначальники горят и стенают нынче в аду, наверное и те судьи, что ломали честь русского писателя, тоже на краю грядущих мук, но Смирнову как стоятелю за истину от этого не легче, эти страсти — его личные муки, и единственное, что смягчает, несколько понижает их градус, — это упорство, с каким добровольно подвинул себя на стояние за Закон Правды, не поддался человеческой слабости, не впал по слабоволию в тоску и уныние, хотя они и подстерегали тюремного сидельца, корёжили его

душу и какие только мстительные мысли не приходили в голову; но Смирнов и эти грешные чувства пересилил, утопил в исканиях истины в смраде камер, пересылок и лагерей, изоляторов и прессух, ссылок и колоний за долгие восемь лет, когда, казалось бы, всё чистое, человеческое, сокровенное и нежное в человеке должно было сникнуть и умереть. Над ним (Смирновым) надсмеялись в судебном присутствии, его топтала прокурорская служивая братия, стоящая горою друг за друга, и мелкая чванливая челядь, которая пыталась истереть в труху судьбу талантливого русского писателя. Невинно осуждённый Смирнов и поныне долбит жалобами и запросами червивое древо власти до самого верху её и никак не может добраться до здорового нутра, где бы сохранилась Божеская правда. И Смирнов, отбив срока, невольно убедился, что не было среди сокамерников ни одного заносчивого богатея и финансового воротилы, ибо они легко откупались деньгою, но коротало годы на барачной шконке обычное бытовое «низкое племя», те «нищоброды», которым сознательно нагоняли срока, чтобы выдавить из мужика его глубинное простодушие, последние капли природной скромности и совестности.

Владимир Смирнов родился в Абхазии, в Новом Афоне, с родителями трёхлетним ребёнком переехал в Латвию, в Лиепае закончил школу, из Лиепайи призывался в армию. Когда распался Советский Союз, создал в Латвии Ассоциацию российских граждан — его объявили шовинистом, «рукой Москвы», агентом Кремля. Ассоциацию запретили, газету Смирнова закры-

ли, против самого затеяли уголовное дело, дали три года за сопротивление полиции, выслали из Латвии в Россию. И вот в марте девяносто восьмого года Смирнов вышел из псковской тюрьмы. Как вспоминает Смирнов первый день свободы: «Я не знаю, где сегодня буду ночевать, но забыл про всё на свете и стою, как истукан, молюсь на Русь, как идолопоклонник. И ничего нет за душой, кроме России. Россия — как и первая любовь, всего-то что поцеловались один раз, а не забыть ни в жизнь... Я ещё не знал, не ведал, что в России против меня сфабрикуют дело и я попаду на восемь лет в тюрьму... Вблизи Россия оказалась тяжело больной и следы проказы прикрывала толстым слоем пудры».

Терпелив русский человек, если он с Богом в груди; даже в теснотах заключения он смиряет себя и строит душу. В своей книге Смирнов пишет не только лагерное сидение, философию тюремного сообщества, законы и привычки арестантов, устройство камерного быта, его особенный внутренний устав, повадки, характер, взаимоотношения и язык арестантов. Он приглаживается к людям, живя среди отверженных, не боясь смешаться с ними, не отвергая грустный, унывный уклад. Лица проходят перед ним чередою, каждый со своей судьбою, можно писать сагу о горемыках, рождённых для печали.

В старину арестантов называли «несчастливыми», их жалели в народе, когда, гремя кандалами, они неспешно брели по этапу на каторгу в Сибирь или в ссылку на поселение; деревенские выходили к дороге, подавали хлебом, яйцами и калачами, кто-то и грошик из последне-

го давал. Оттого они и были несчастными, что добровольно расставались с волею, самым дорогим Божьим гостинцем, который посылается на землю из горнего мира.

И когда писал исповедальную повесть Смирнов о своих злоключениях, его не оставляло это христово чувство; он годами маялся среди несчастных, он и сам был глубоко несчастным, а когда близко к сердцу и самим сердцем принимаешь эту тяжкую юдоль, выпавшую по судьбе, то совсем другие слова находятся для ближнего, лишённые превосходства, презрения и лживости, но непременно тёплые, сердечные и участливые. Синодик имён проходит перед нами, как на строевом плацу на проверке: разные характеры, разные лица, разные судьбы, иные случайно угодили под жернов государства, под его безжалостную ступню, иные — переступили через Божеское по совпадению обстоятельств, по злему року, иные сплеховали по воровскому ремеслу и ничуть не отчаиваются от содеянного, не просят милости, исповедуя древний урок: «Украл, не поймали — Бог подал; украл, поймали — судьба подвела», кому тут станешь жаловаться, если фарт улизнул...

Какое богатство характеров, у многих из них жизнь-то не зачёркнута вовсе, и всё зависит от крохотной случайности, что встретится на миру по выходе из заключения. Наше бытие висит на волоске, качается на лезвии бритвы над бездной небытия. И в каждом из арестантов писатель старается увидеть ту особенность натуры, которая может выдернуть оступившегося из трясины и привести к Богу.

Книга Владимира Смирнова «Багульник» — это книга-научение, книга-назидание, книга — урок каждому из живущих, кто нынче на пиру жизни, а завтра, увы, под обломками житейского корабля далеко от спасительного берега.

*Владимир Личутин, писатель,
лауреат Государственной
премии Российской Федерации в области
литературы*

* * *

Когда я читал предисловие Владимира Личутина к книге Владимира Смирнова «Багульник», то я думал, что Личутин перехваливает автора, но когда я прочитал книгу «Багульник», то понял, что Личутин автора недохвалил. «Багульник» — это светлая книга! Автор, словно с факелом в руках, провёл нас через подземелье.

*Анатолий Парпара,
лауреат Государственной премии РСФСР
им. М.Горького*

* * *

Спасибо Вам большое за эту книгу. Я читал её безотрывно, ведь здесь вся Ваша жизнь. Вся драма этой жизни. А книга как оголённый провод. Это исповедь, конечно, но и наблюдения со стороны. Очень Вам благодарен за неё.

Вы просите, чтобы я стал присяжным заседателем и сообщил Вам вердикт. Вы знаете, я

очень часто думал: «А если мне предложат (попросят, прикажут) стать присяжным, смогу ли я? имею ли право?» И я понимал, что нет, не имею. Ведь кто я такой, чтобы решать судьбу другого человека. Осудить я не имею права. Но я всегда готов всех защищать, ведь адвокат, как Вы знаете, это не профессия, а национальность. И Вас я хотел бы защитить, и верю Вам абсолютно.

Но главное — это книга. Замечательно написанная и очень честно. В этой простоте, очищенной от словесной шелухи, дымовой завесы, и есть вся Ваша правда. И ещё есть отдельные места, сочетания, предложения, абзацы, — ну просто шедевры!

Так что спасибо Вам, Владимир, ещё раз. Всего Вам самого-самого наилучшего. От души.

*Александр Мельман,
журналист,
обозреватель газеты «МК»*

ТЕРРОРИСТ

НЕ НАМ ГОСПОДИ, НЕ НАМ,
НО ИМЕНИ ТВОЕМУ ДАЖДЬ СЛАВУ.
(Пс. 113)

*Светлой памяти родителей, которых
я не мог похоронить, запоздало посвящаю.*

* * *

Я был нещадно бит судьбой, но на лопатки жизнь меня не положила. Господи, как трудно вспоминать, кто бы мог подумать. Два тюремных срока... Один я получил в Латвии за сопротивление полиции, когда меня вынудили взяться за топор; другой срок схлопотал в России по сфабрикованному от начала до конца уголовному делу... Как будто сняли с души плодородный слой, и она теперь болит, сочится кровью, как берёза соком по весне, и каменеет. И сумрачно подчас на душе. Тяжело, так тяжело, что не сказать.

Раньше я не понимал, почему фронтовики писали книги о войне спустя много лет, но потом, когда нечеловеческое напряжение коснулось самого и пришлось заставить себя заново переживать, я, что называется, прозрел.

Книгу надо вычерпать из самого себя, но одному Богу известно, как мучительно идти на поводу у Памяти, когда прошлое, наоборот, хочется забыть, как страшный сон. Подтверждение этим мыслям уже позднее я нашёл у Александра Куприна. В повести «Купол св. Исаакия Далматского» он писал о воинах Белой гвардии: «Эти люди преодолели в такой громадной степени инстинкт самосохранения, пережили такое сверхъестественное перенапряжение физи-

ческих и нравственных сил, что для них тяжким стало воспоминание».

Вот и у меня пока нет сил закончить многие свои рассказы, даром что они не про войну. Поэтому в начале книги вместо предисловия я предлагаю интервью. Это интервью было сделано со мной после всех событий.

Исповедь экс-террориста

В своё время латвийская газета «Курземес Вардс» писала: «В конце 1995 года наша редакция самой яркой трагикомедией прошедшего лета назвала террористическую эпопею Владимира Смирнова. Напомним читателям, что хитроумному лиепайчанину за организованный им спектакль непременно позавидовал бы самый высокооплачиваемый сценарист триллеров на кинофабрике в Голливуде, потому что Смирнову удалось стать самым остроумным террористом новейшей истории Латвии, который, несмотря на обещания должностных лиц полиции поймать беглеца в течение 24 часов, умудрился 112 суток водить за нос самых ловких ищеек Латвии, а Лиепая 4 месяца была практически в осадном положении».

На этом я прерву цитирование. Замечу только, что тон статьи отличался сочувствием, а в конце латышская газета отмечала, что «наказание не соответствовало действиям Смирнова, потому что в его поступках не было мотива унабомбера».

И вот, спустя шесть лет, мы беседуем с Владимиром в Москве, в кафе на Тверском бульваре. Владимира Смирнова приняли в Союз

писателей России, он учится на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького и готовит к изданию свою книгу.

— Владимир, я знаю, что в Латвии после распада СССР вы призывали жителей республики принимать российское гражданство. Что вас побудило к этому?

— Я думаю, что жизнь. Начну с того, что в Латвии я вырос. Родился в Абхазии, в Новом Афоне, а потом родители переехали в Латвию, где жил родной брат моего отца, и в Лиепае я стал ходить в детский сад, потом — в школу; из Лиепай призывался в Советскую армию, и этот город стал для меня родным. До сих пор, когда я слышу знаменитую песню из кинофильма «Весна на Заречной улице», то вспоминаю улочки, дома и скверы Лиепай.

Во времена СССР я не был функционером, даже в КПСС не состоял. И родители мои, Царство им Небесное, они, кстати, похоронены в Лиепае, не оккупировали Латвию и у латышей на шее не сидели. Они были простыми людьми и вкалывали на благо Латвии.

И вот пришёл 1991 год. Латвия вышла из состава СССР, стала независимым государством, и сразу начали происходить чудеса. Я вдруг увидел, что партийные функционеры, которые вчера, чтобы сладко есть и пить, служили коммунистическому режиму, сегодня стали выдавать себя за борцов с этим режимом. Ярчайший пример тому — бывший секретарь компартии Латвии по идеологии Анатолий Горбуновс. Человек всю жизнь умел держать нос по ветру.

При коммунистах сделал хорошую карьеру и теперь, в независимой Латвии, играл одну из ключевых ролей. При коммунистах пользовался всеми благами и привилегиями, какие моим родителям, например, не снились, и потом, чтобы остаться у кормушки, напялил маску демократа. Это страшные люди. Оборотни.

И вот эти оборотни, чтобы отвести от себя народный гнев, сплелись хвостами с националистами и сделали виноватыми русских — простых людей, которые десятки лет стояли в очереди на квартиры и гнули спину вместе с латышами. В начале своего движения за независимость они выдвинули лозунг «За нашу и вашу свободу» — хороший лозунг, но потом, когда набрали силу, обманули и лишили русских даже тех свобод, какие были при СССР.

При этом в советское время у русских перед латышами не было никакого преимущества, а теперь они остались людьми без гражданства, потому что советское гражданство потеряли вместе с почившим в бозе СССР, а латышское гражданство им не дали, потому что они, дескать, оккупанты. Вы понимаете? Это я оккупировал в трёхлетнем возрасте детский сад; это моя мама, которая своё здоровье подорвала, работая на железной дороге; это мой отец, который сам всю жизнь таил обиду на советскую власть, потому что его отца, моего деда, репрессировали в 1937 году как бывшего царского офицера, дали десять лет без права переписки, и он сгинул без следа, даже где могила — неизвестно. Это они, оказывается, оккупировали Латвию...

У меня от такой несправедливости просто

*Смирнов Павел Владимирович.
Дед по отцовской линии*

зачесались кулаки, и это послужило импульсом к тому, чтобы людей призывать, как к топору, к принятию российского гражданства.

— **Когда это произошло?**

— Уже в конце 1991 года. А контурно Ассоциация российских граждан оформилась весной 1992 года. До этого в течение нескольких

недель я колесил по городам Латвии, проводил собрания и сколачивал местные отделения, актив. На всё про всё тратил свои деньги. У меня был небольшой свой бизнес.

Учредительный съезд Ассоциации российских граждан проходил в Лиепе, в Матросском клубе, тогда ещё в Латвии стояли остатки российских войск, правда они были в большой степени деморализованы. На съезд Ассоциации приехали делегаты от всех крупных латвийских городов: из Юрмалы, из Вентспилса, из Елгавы, из Даугавпилса, из Риги.

Мы отправляли в Москву пикетчиков и стояли возле Министерства иностранных дел, требуя ускорить процедуру оформления российского гражданства, и наша активность была, видимо, замечена. Верховный Совет, позже расстрелянный, сделал эту процедуру максимально простой, и самый первый пункт, где стали оформлять российское гражданство, открыли в Лиепе, в Матросском клубе. Это была наша опорная база. Активисты оформляли документы и отвозили в российское посольство в Ригу. А немного позже в Лиепе открыли консульство России.

— **На что вы надеялись, какую цель ставили перед собой, когда создавали Ассоциацию российских граждан?**

— По моим представлениям, ни в коем случае нельзя было оставаться «бесхозными» людьми, то есть лицами без гражданства. Я исходил из того, что если мы сумеем объединить сотни тысяч потенциальных российских граждан, то наберём силу и заставим с этой силой считаться не только латвийских, но и российских полити-

ков, потому что сотни тысяч голосов вероятных избирателей на дороге не валяются. Планы у нас были мирные, но достаточно амбициозные. Мы не собирались водить хороводы в сарафанах и этим себя идентифицировать, как предлагали некоторые представители Русской общины Латвии. Это была предательская, трусливая и недальновидная политика. Отсидеться никому не удалось. А многие впоследствии Россию стали называть Руснёй, как например, заметный представитель Русской общины Латвии и бывший депутат сейма Николай Кабанов, но тут всё закономерно: коготок увяз — всей птичке пропасть.

— **Как латвийские власти восприняли Ассоциацию российских граждан?**

— Разумеется, враждебно, потому что латвийские власти состояли сплошь из оборотней и недоумков с националистической пеной на губах. Ну и, возможно, я брал лишку, когда публично заявлял, что у латышей нет эксклюзивного права на эту землю. Они нас называли оккупантами, а я в отместку утверждал, что мы живём в России, что в России всегда жили латыши и чувашаи и пусть дальше живут с миром. Нас, конечно, объявили шовинистами, «рукой Москвы», агентами Кремля и так далее. Мне неоднократно угрожали, один раз бросили в мою машину гранату, но почему-то не выдернули чеку, может быть хотели попугать, предупредить.

Внутренне я был готов ко всему и уповал на Бога. Как сказано, Бог не выдаст, свинья не съест. Я не был готов только к тому, что Россия бросит нас на произвол судьбы. Власть в России была занята дележом свалившегося на

голову богатства. Это напоминало пир во время чумы. А Ельцин был, по сути, точно таким оборотнем, как и Горбуновс в Латвии, поэтому они быстро нашли общий язык.

Посол России в Латвии Александр Ранних российскими гражданами не интересовался. Он, по-моему, привык жить в своё удовольствие: занимался верховой ездой, участвовал в пивных фестивалях и посещал сауны.

Мы даже вынуждены были один раз пикетировать российское посольство в Латвии, что вызвало злорадство латышских газет.

— **У вас нет предубеждения против латышей?**

— Абсолютно нет, ни против одного народа нет предубеждения. В школе, например, я защищал девочку-еврейку Жанну Зик. Это было в восьмом классе, в 12-й лиепайской школе. Её травили именно из-за национальности, доводили до слёз. И против латышей тоже не было и нет предубеждения. Это прекрасные люди. У меня была первая любовь — девушка-латышка, были друзья среди латышей, и некоторые латышские песни мне запали в душу. Бог — один на всех, как и солнце на всех — одно. Но понимаете, в семье не без уroda, любой народ можно оболванить, как было в своё время с немцами, когда они всерьёз себя считали высшей расой.

Я желаю счастья латышам, искренне и от души. Пусть они будут в Европе, пусть они будут новым штатом США, как угодно, лишь бы были счастливы.

Но я бы хотел сказать о двух вещах. Первое. Невозможно быть счастливыми за счёт других.

И второе. Нельзя идти на поводу у оборотней. Вот красноречивый пример. Когда Латвия стала независимым государством, то первым министром иностранных дел был назначен Георг Андреевс, а позже выяснилось (его разоблачили через суд), что он был стукачом, осведомителем КГБ. И что вы думаете? Его с позором выгнали? Ничуть не бывало. Назначили послом в Канаду — как его там носит канадская земля? А почему с ним так мягко обошлись? Да потому что сами все замараны, у каждого рыльце в пуху. Поэтому держат за семью печатями агентурную картотеку КГБ, боятся её обнародовать, дрожат за себя, за свои продажные шкуры.

— **Как долго просуществовала Ассоциация российских граждан?**

— Почти два года. Нас закрыли вскоре после расстрела Белого дома в октябре 1993 года. Мы участвовали в защите Верховного Совета, и после этого нас запретили. Хотя полуподпольно мы продолжали существовать, и я даже выпускал в Лиепае газету.

— **И как же вы стали, по словам «Курземес Вардс», «самым остроумным террористом Латвии»?**

— Это случилось уже в 1995 году, летом. Меня, по сути, спровоцировали. Поздно вечером пришли подвыпившие полицейские, они были в штатском. В подъезде дома встретили мою гражданскую жену, мы уже несколько лет жили вместе. Она была в домашнем халате, в тапочках и возвращалась с улицы, куда выходила кормить бездомных кошек. Она это делала каждый день. В руках у неё была пустая миска. Полицейские потребовали у моей жены ключи от

квартиры, наверное хотели взять меня врасплох, хотя для чего всё это надо было — непонятно. Я же не скрывался и не находился в розыске. Могли прийти, спокойно позвонить, и я бы открыл дверь. Жена отказалась дать ключи. Предложила сначала зайти к соседям и позвонить в полицию, чтобы она могла убедиться, что они на самом деле полицейские, а после этого она сама откроет дверь. Требования жены были обоснованными, потому что рожи у полицейских были, прямо скажем, бандитскими, а времена — лихими: не забывайте, что это были девяностые годы... Полицейские не стали долго говорить, грубо заломали моей жене руки, порвали на ней халат, надели наручники и пристегнули одну руку к лестничным перилам. Жена стала кричать. Я услышал крики жены, схватил топор и с каким-то рёвом выскочил на лестницу. Насильники бросились бежать, я только слышал дробный топот ног. Знаете, уже много лет прошло, а всё равно тяжело вспоминать... Двое побежали вверх, на пятый этаж, а один сиганул вниз. Мы жили на третьем этаже пятиэтажки.

Походя замечу, что это были полицейские Антонов, Ткаченко и Крамзин. Русские по национальности, они по своей природе были полициейцами, потому что там, где латыши отлынивали или брезговали делать грязную работу, они норовили угодить. Но пока, конечно, я не знал, что это были полицейские, потому что никого в глаза не видел.

Выскочив на лестничную площадку, я увидел только свою жену. Она стояла на лестнице, на несколько ступенек выше нашей квартиры.

Халат на ней был порван, а одна рука пристёгнута наручниками к лестничным перилам.

Я слышал, как на пятом этаже щёлкали затворы пистолетов, но у меня было такое чувство, что если в меня сейчас начнут стрелять, то пули будут от меня отскакивать, как резиновые, и я не своим голосом закричал: «Освободите жену или я взорву весь дом вместе с вами!»

Сверху прямо как проблеяли: «Что у тебя есть?»

Я крикнул первое, что мне пришло в голову, что у меня есть автомат и две гранаты, хватит, мол, на всех.

Наверху, я чувствовал, произошла заминка, и я снова закричал: «Освободите жену или я кину вам гранату!» Я был в такой ярости, что ничего вокруг себя не видел. Вокруг меня был только ослепительный какой-то свет. Мне очень хотелось, чтобы у меня появилось хоть какое-то оружие, и казалось, что ещё чуть-чуть — и оружие вот-вот материализуется у меня в руках.

Сверху стали наперебой кричать: «Сейчас, сейчас, мы кинем ключи от наручников!» Я понял, что сами они боятся спускаться вниз, но надо было пользоваться моментом, освободить жену, и я ухватился за эту мысль, закричал: «Кидайте, только заверните во что-нибудь, чтобы не отскочили!»

Наверху чуть-чуть помешкали и крикнули: «Бросаем!»

Ключи были завёрнуты в фольгу из сигаретной пачки и упали точно к ногам жены, и это было большое везение. Жена их подобрала и освободила себя. Сам я не хотел показываться в

лестничный проем, чтобы они не видели, что у меня только топор — против пистолетов это всё равно что с голыми руками.

Жена сбежала вниз ко мне, а наручники так и остались висеть на перилах.

Полицейские ушли через чердак, а мы с женой зашли в квартиру.

Далее начались необъяснимые события. Дом оцепили, подогнали пожарные машины. В переговоры со мной не вступали, вызвали из Риги спецгруппу и снайпера — это я потом узнал. Я готов был сдаться, требовал только гарантии своей безопасности и гарантии того, что будут наказаны полицейские, которые поступили так с моей женой. Но гарантии никто мне не давал и в переговоры со мной не вступали. И тогда я понял, что меня просто хотят под сурдинку убить.

А по иронии судьбы моим соседом по лестничной площадке был начальник службы безопасности Язеп Кудлис, такой же оборотень, как и все другие. В прошлом комсомольский функционер, он сейчас возглавлял в городе службу безопасности Латвии, которая была аналогом советского КГБ или российского ФСБ.

Я накинул тряпку на топор, позвонил в дверь Кудлиса и, когда он вышел, попросил зайти ко мне. Язеп Кудлис должен был мне шесть тысяч долларов, брал займы на месяц или два, но тянул с отдачей больше года. Он тогда потихому открывал в городе свои кафе.

Кудлис на меня смотрел с испугом, хотя я ему не угрожал. Я предложил ему простить долг в обмен на то, что он поможет мне бежать. Предложил, чтобы он позвонил в полицию и

сказал, что взят в заложники. Кудлис на меня всё время смотрел с ужасом, и я не понимал, в чём дело, и украдкой ощупывал своё лицо.

С моего домашнего телефона Кудлис позвонил в полицию и сказал, что я взял его в заложники. Скоро после этого на мой домашний телефон позвонил человек, который представился заместителем министра внутренних дел, и потребовал освободить офицера полиции безопасности. Я сказал, что отпущу, если мне дадут машину и возможность выехать за кольцо оцепления.

Торговались мы до двух часов ночи. Язеп несколько раз звонил в полицию и торопил своих коллег, говорил им, что я очень возбуждён и от меня можно ждать чего угодно.

Наконец, к подъезду дома подогнали старый «жигулёнок». Я опасался, что на меня накинута в тёмном подъезде, на первом этаже, поэтому напоследок позвонил и сказал, что выдерну чеку и буду выходить из квартиры с гранатой в руке.

Язеп Кудлис шёл впереди меня. Я упёр ему между лопаток ручку топора, топор был маленький, железный, для рубки мяса, и ручка топора вполне могла сойти за ствол.

Кудлис сел за руль, а я на заднее сиденье. Мы поехали, никто нас не преследовал, минут десять покрутились по ночному городу, потом я попросил остановить машину на Сенном базаре. Вышел из машины и попросил Язепа передать своим, что если с моей женой что-нибудь случится, то я взорву городскую полицию и сделаю это с лёгкой душой.

Кудлис кивал нетерпеливо головой и спе-

шил смыться, он, думаю, боялся, что не добежит до туалета.

Дворами и глухими улицами я перебрался в другую часть города и заночевал у хороших знакомых. На следующий день, когда проснулся, то от боли не мог открыть рот. Я недоумевал, почему такая боль, ведь меня никто не бил, но потом до меня дошло, что лицо моё вчера долгое время было искажено какой-то неестественной гримасой и поэтому теперь мышцы лица болят. Я разжимал себе рот при помощи чайной ложки, чувствовал себя как после болезни и понял, почему вчера Кудлис на меня испуганно смотрел.

А в Лиепае началось что-то невообразимое. Меня объявили террористом, город наводнили солдатами и полицией, пригнали даже бронетехнику. Приехали премьер-министр Латвии Гайлис и министр внутренних дел Адамсонс. Город переворачивали вверх дном, обыски шли днём и ночью. Не избежали обысков люди, которые так или иначе были со мной знакомы. Под шумок разгромили и разграбили редакцию газеты, которую я издавал.

Я менял места укрытия, нигде не задерживался больше дня, иногда просто слонялся ночами по глухим улицам.

Потом написал письмо в латвийскую газету «СМ» и отправил с надёжным человеком. В письме рассказал, что произошло, как на жену наручники надели и вынудили меня взяться за топор. В письме публично призывал, что если к вам домой придут полицейские и наденут на жену, на мать или сестру наручники, то берите сковородку, лом или топор, первое, что попадёт под руку,

и бейте насильников по голове. Публично заявлял, что у меня не было оружия, за что я Богу благодарен, иначе бы пустил оружие в ход, так как у меня тогда всё внутри кипело. Публично заявлял, что готов выйти и сдаться, пусть мне дадут гарантии безопасности и гарантии того, что будут наказаны полицейские-насильники. Письмо опубликовали, но ответом на него было молчание. Однако общественное мнение уже склонилось в мою пользу, а то ведь люди не знали, что произошло, а официальная пропаганда выставляла меня террористом, даже наркоманом объявили, хотя я наркотики никогда не употреблял.

Тем не менее после письма ажиотаж вокруг меня спал, и дополнительные силы полиции из города убрали. А вскоре выяснили, что Язеп Кудлис имел свой бизнес, через прослушку установили, что он занимал у меня деньги, и против него возбудили уголовное дело. Он сам ударился в бега; думаю, что до сих пор живёт в России, у родственников своей жены. Такая вот гримаса судьбы.

Меня арестовали в ноябре. 7 ноября 1995 года. У меня умер отец, и я твёрдо решил с ним проститься. Понимал, что этим воспользуются, видел, как перед самым носом, точно дурной знак, упала с неба «звезда», но не мог себя остановить и пришёл ночью домой. Сидел возле мёртвого отца, и вдруг среди ночи зазвонил домашний телефон. Я понял, кто это, снял трубку и сказал: «Да, это я, идите, суки, я вас жду». В трубке молчали. Два или три часа просидел я возле мёртвого отца, потом вышел на улицу, и недалеко от дома меня арестовали. Окружили

со всех сторон, наставили на меня автоматы и кричат: «Володя, вытаскивай руки из карманов, только медленно». И я понял, что они так напряжены, что если сделаю резкое движение, то меня изрешетят.

— **На вас не пытались отыграться в тюрьме?**

— Пытались. Так вышло, что вокруг моего имени сложился некий ореол. Получалось, что я один с топором в руках разогнал всю городскую полицию, четыре месяца скрывался, хотя меня искали днём с огнём, публиковал в газетах дерзкие письма. Поэтому меня старались морально сломать. В тюрьме дважды сильно избивали, причём делали это всегда люди в масках. Мне самому смешно, но одного я узнавал по его комплекции, по толстой заднице. Это был надзиратель Эгил, по прозвищу Бутылочная Жопа, его нельзя было ни с кем спутать, и, конечно, маску ему надо было надевать не на лицо, а на другое место. Несколько раз я объявлял голодовку, причём один раз «сухую», когда за восемь дней не сделал ни глотка воды. Один раз вскрывал себе вены.

И опять, что интересно? В тюрьме работал латыш, который, скажем так, тайком таскал мне бутерброды с колбасой и сыром; и были русские — начальник тюрьмы Анатолий Мороз и начальник оперчасти Валера Иванов, которые чинили козни и устраивали провокации против меня. Это я к вашему вопросу о том, нет ли у меня преубеждения против латышей.

— **Вас судили в Латвии как террориста?**

— Судили за сопротивление полиции. Женоподобный городской прокурор Микульскис

запросил для меня пять лет, хотя никакого сопротивления не было, потому что я хотел им сдаться, когда узнал, что это полицейские, но они сами боялись меня брать и планировали убить, живой я им был не нужен. Планировали убить и повесить на меня потом всех собак. Мёртвый человек не оправдается.

Дали три года. Я подал апелляцию, но рассмотрение дела бесконечно откладывали. Привозили в наручниках на суд, потом объявляли, что свидетели-полицейские не пришли, и заседание откладывали. А в тюрьме тянули жилы из меня, и я счёл за благо отказаться от апелляционного суда, чтобы приговор вступил в законную силу и я бы тогда мог ходатайствовать о переводе в Россию.

— **Просьбу о переводе удовлетворили?**

— Да, я ведь уже был гражданином России. На свободу вышел из псковской тюрьмы, спустя три месяца. Вышел по амнистии, которая была объявлена в Латвии, то есть, видимо, из Латвии прислали отношение, что поскольку я был осуждён в Латвии, то подпадаю под амнистию, которую там объявили, и меня освободили. Они могли бы этого не делать, но что-то, может быть чувство вины, побудило в Латвии кого-то вспомнить обо мне.

— **Вы не собираетесь вернуться в Латвию?**

— Пока нет, но пути Господни неисповедимы. В Лиепе похоронены мои родители, в любом случае могилы надо навестить. Это то, что Пушкин называл «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу».

Беседу вела Татьяна Соловьёва, 2001 год

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Я сижу в помещении карцерного типа. В одиночной камере. Без света Божьего и без свежего воздуха. Мне не с кем словом перемолвиться.

Я встретил тут и новый, 1996-й, год. Меня поместили сюда 30 декабря, привезли прямо из больницы, где зашивали руки и горло после того, как порезался. Сгоряча, конечно. Для самоубийства надо вдохновение. Двадцать швов, однако, наложили, и будут они мне теперь как зарубки на памяти.

И вот — весна. Март на исходе. Я свыкся с одиночеством. Мне никого и не надо. Разве что кота или собаку, но чем я буду их кормить, когда и сам-то ничего не ем: я отказался от приёма пищи.

Сказать, что ничего не ем, — погрешить против истины; от хлеба всё-таки отламываю, правда не каждый день. Мудрость достигается не выучкой и не годами жизни; она приходит с пониманием того, что нет на свете ничего вкуснее воды с хлебом.

По ночам, когда вся тюрьма спит и ничего меня не отвлекает, я разговариваю с отцом. Он умер несколько месяцев назад, и похоронить отца мне не пришлось.

Я крепко зажмуриваю глаза и подолгу вглядываюсь в черноту, но ничего не вижу, только

мрак кромешный, всполохи огней — от них рябит в глазах, и больше ничего. И тогда я начинаю говорить с отцом. Просто рассказываю что-нибудь или прошу у него прощения за то, что не похоронил.

Я знаю, что отец меня слышит. Он всегда душою был со мной.

Засыпаю я уже под утро. Скоро в камеру опять поставят пайку. Хлеб насущный... Он для меня сейчас как искунитель, потому что я настырно продолжаю голодать.

...Двадцать второй день голодовки... В чём только держится душа?.. Нет даже сил на то, чтобы на ногах стоять, но если бы сейчас затолкали ко мне в камеру этих битюгов, что на жену наручники надели, то у меня бы сил на них достало, сразу на троих, не знаю только, что бы сделал с ними...

Боже, вразуми... Я не часто обращаюсь к Богу, чтобы лишний раз Ему не досаждать... Моя душа уже как бы наполовину отделилась от тела, я это чувствую почти физически и о душе могу говорить теперь со знанием дела.

Для души важно то, какое состояние она испытывает, и если на душе царят покой и радость, то чем это не райская благодать? И желать-то большего не надо... В душе, по сути, зашифрована судьба, и, может быть, сейчас она мне корчит рожи. А среди людей встречаются дешифровальщики. Они могут запросто читать чужие судьбы и делают это подчас с завидной точностью, что лишний раз доказывает предопределённость в жизни человека. Иначе какой толк от предсказаний, какой смысл в них?

Не зря в народе говорят: значит, так было на роду написано. Народные пословицы и поговорки — кладезь мудрости. И звучат они как заповеди, чем-то им сродни.

Но что такое всё-таки душа?

Дух Святой — это душа Бога. Святым Духом пронизан весь мир. А душа человеческая в теле обретается, но слеплена она из того же «теста», что и Дух Святой; она и есть та искра Божья, что таится в нас.

Сон и явь

Ночью снился чудный сон: голуби и розы. Голуби опускались на землю и превращались в розы. Я тянулся сорвать одну, но цветы, как голуби, взмывали в небо. Я только разводил руками. Воздух был насыщен запахом цветов и взбит словно крыльями...

Сон был зыбким, словно поплавок скрывался под водой и выныривал как будто судорожно на поверхность.

Проснулся спозаранку. Настроение паршивое. Как заводной, размеренно хожу по камере, мурлычу под нос песни: «Так громче, музыка, играй победу...», «Не падайте духом, поручик Голицын...», «Белой акации гроздь душистые...».

Грудь разъедает, словно ржавчина, тоска. Долг карточный перед судьбой и чувство безысходности с бравадой пополам, когда под знаменем полка идёшь на пулемёты — хладнокровно, в полный рост, под барабанный бой...

Марковцы, корниловцы, дроздовцы... каппелевцы — воины Христа. Из Крыма уходили с Врангелем, крестный путь пролег через Харбин...

Белая гвардия... Белая кость... «Белой акации гроздя душистые»... Тягучая мелодия романса выворачивает наизнанку душу...

Кладбище кругом. Сент-Женевьев-де-Буа...

Марковцы, корниловцы, дроздовцы... Кадеты, гимназисты, юнкера...

...Душа для человека — как программа для компьютера. И наш «компьютер» работает по той программе, что закладывалась в нас вместе с душой. Но и тут бывают сбои. И тогда вдруг человек вспоминает свои воплощения, и много любопытного услужливо подсказывает взбудораженная память.

Вот и со мной так происходит. Я смутно ощущаю, что уже жил прежде и особенно отчётливо запечатлел себя белогвардейцем, средних лет офицером. Я был бабником и не дурак выпить.

Меня убили в 1920 году. В Крыму. Меня доби́ли раненого. Это был рябой красноармеец, со следами оспы на лице. Он стоял надо мной с винтовкой наизготовку, целил прямо в голову и чего-то медлил, словно ждал. А я не мог встать на ноги и не хотел, потому что земля была тёплой и уже как бы родной.

Вокруг было тихо. Наши давно отступили. Теперь уже в никуда.

Я держал в зубах травинку и вяло покусывал её. Она была на вкус с горчинкой, и это была та соломинка, которая меня ещё держала на земле, но сама уже была от земли оторвана.

И вспомнилась мне первая любовь, и пришли на ум вместо молитвы строчки Блока:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю...

<...>

И голос был сладок, и луч был тонок
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребёнок
О том, что никто не придет назад.

...Красноармеец целил мне в глаза и ждал. Он сейчас на мушку брал мой дух, испытывал меня. Я это понимал. А смерть сулила избавления, поэтому без показного равнодушия проговорил: «Твоя взяла».

Бог милостив

Бог милостив. Пока что Он от нас не отвернулся. Бог мирволит нам. Но всякому терпению приходит конец. Мы это знаем по себе. Только конец Божьего терпения будет означать светопреставление.

Предвижу, что какой-то умник возразит: мол, слышали о близком конце света много раз, но «воз и ныне там».

Согласен. В истории пророчеств было много, иные даже в памяти свежи. Но разве это довод? Сдаётся, всё наоборот. Нет дыма без огня. Пророчества наглядно подтверждают, что предчувствие заложено и крепко в нас сидит, не даёт покоя.

Недаром ясновидящая Ванга повторяла:

«Мир этот начался травой, травой он и закончится. Всё порастёт травой забвения, и ничего, никакого следа от творений рук человеческих не останется».

...В одиночной камере как в склепе. Меня словно бы замуровали, но не своды давят на меня, а тишина. Из проржавленного крана тонкой ниткой тянется беззвучно жёлтая вода. Время, кажется, остановилось. Но всему на свете должен быть конец.

Прописка

Рижская тюрьма беспределом славилась всегда. Новичка после отбоя загоняли на окно, и он, припав к решётке, голосил:

— Тюрьма! Тюрьма! Дай кличку!

Его сзади понукают:

— Громче, блядь, кричи! — в него летят ботинки, сыплются тычки.

Он снова орёт дурным голосом:

— Тюрьма! Тюрьма! Дай кличку!

Тишины позднего вечера как не бывало. Тюремный двор оглашается смехом, разговорами и криками.

Из окон других камер наперебой горланят, ради хохмы:

— Лунь!

— Отрыжка!

— Волк позорный!

— Дятел!

— Чушка!

— Обормот!

Как из рога сыплется. Одно другого хлеще. Новичок тушуетя, но продолжает клянчить:

— Тюрьма, тюрьма, дай кличку! Не прошую, а воровскую!

Новичок как будто просит милостыню. Но тюрьма глуха к его стенаниям. Ей бы только душу отвести, потешиться, позубоскалить. Тюрьма входит в раж.

— Козёл!

— Фуфлыжник!

— Гребень!

Обидные все прозвища. Новичок конфузится, но, как учили, отбивается на каждый выкрик, верещит: «Не канает!.. Не канает!.. Не канает!..» Голос его раз от разу становится всё более хриплым, безнадёжным и глухим. Он уже убит таким напором.

И выбирать-то не из чего. Ничего хоть мало-мальски подходящего. А сокамерники сзади наседают, поедом едят, палкой от швабры охаживают, требуют, чтобы выбрал что-нибудь.

Новичок затравленно кричит:

— Тюрьма, тюрьма, дай кличку!

— Д'Артаньян! — доносится как будто заповдало одинокий крик; он, кажется, несёт спасение, и новичок поспешно заглотил наживку, скрывающую пагубность крючка. «Канает!» — он думает, пришёл конец мучениям, но они, пожалуй, только начались, и откуда-то издалека, может из другого корпуса, выводят чуть не по слогам: «Не тот, который на шпагах дерётся, а тот, который в рот е-ся!»

Сбитый с толку, новичок краснеет от доса-

ды, от стыда; вопит как оглашенный: «Не канает!!!»

Но поздно... Голос его тонет в общем безудержном смехе, в свисте, в улюлюканье, в многоголосой брани.

Кому тюрьма, а кому мать родна

Половину жизни Витька провёл в тюрьмах и хорошо сохранился. Выглядит на двадцать восемь лет, хотя ему все сорок.

Человек в тюрьме хранится как в консервной банке, и даже срок хранения указывают каждый раз.

Наблатыкался за эти годы Витька, кручёным стал, словно шнек от мясорубки. На горло любит брать, и глотка у него лужёная.

А закадычный его друг Федя Конопля — полная противоположность Витьке. Длинный и худой — два метра сухостоя; и молчун не по годам — двух слов не скажет за день.

На пару они могут день-деньской «шабить» и так обкурятся, что чуть ворочают как будто не своими языками.

Ни к селу ни к городу Витька говорит:

— Меня уже ничем не проймёшь. У меня внутри всё перегорело. Никаких чувств не осталось, кроме аппетита.

— А меня? — икает Конопля.

— Ты ещё хлебный! — повышает голос Витька. — Из тебя можно мякиши лепить!

Конопля отмалчивается. Погружается в себя. И Витька теряет нить разговора.

Сине-сизые клубы тяжёлого пахучего дыма плотоядно кружат вокруг них медленно и плавно, словно в ритуальном танце.

Конопля не подаёт признаков жизни. У него расширены зрачки. Он лежит, безвольно свесив руки.

Витька у себя на шконке привалился намертво к стене. Глаза у него открыты, но он не видит ничего перед собой.

Так пробегает час. Потом Витька вдруг очушивается, сумбурно тормозит кента.

— Я без тебя скучаю, пришли курить и чаю... Конопля! Ты слышишь меня? Я торчу! Как бы «кукушка» не улетела. Ты меня слышишь, Конопля? Чего молчишь?! Ты дуру не гони, и на нашей улице грузовик с пряниками перевернётся... Без мозгов жить даже лучше. На крайняк, прикинь, не будет сотрясения, если дадут по голове... Ха-ха-ха... С понтом ехали на дачу, оказалось — этап. Ты чо, в натуре, Конопля?! Пальцем тебя делали, а говоришь, что папа...

Устав от собственного велеречия, Витька с возбуждением прикуривает новую, загодя набитую «дурью» папиросу, раз за разом глубоко затягивается и, задержав дыхание, толкает Коноплю.

Тот через силу поднимается и принимает, как сомнамбула, «косяк».

Так они на пару коротают срок. И коротают жизнь.

За ними в глазок камеры подглядывает надзиратель. Зовут его Вадим. В тюрьме его терпеть не могут ни свои, ни зэки. Он всё делает исподтишка, и теперь рад рапорт настрочить, так

и чешется рука, да наказали не совать нос не в свои дела, сказали, что начальник оперчасти Иванов проводит разработку и наркоманов взял под свой контроль.

Зря что ли Иванов, как стал в тюрьме работать, так купил себе машину. И лоснится теперь весь так, что на себя стал не похож.

НАСЕДКА

В иных случаях, как говорят, бабушка надвое сказала, но тут сомнений не было, в тюрьме об этом знали все. В прогулочных двориках чуть не на каждом шагу стены были испещрены надписями: Гунтис Бутка — подсадная утка.

Складно выходило.

Бутка — это самая что ни на есть фамилия. Родом он из небольшого городка Кулдиги, а от роду лет тридцати пяти. Чахоточный и долговязый. Лицо тёмное, как у араба, по виду и не скажешь, что латыш. Но от горя почернел или от злобы на весь мир — не знаю, врать не буду.

Бутку посадили под меня. Он должен был докладывать о каждом моём слове. Для этого на утреннем обходе записывался на приём к врачу. Другие по неделям не могли попасть, а Бутку что ни день вызывали.

Я прикидывался простачком и делал вид, что ничего не понимаю, верю Гунтису во всём, а он еле сдерживал ухмылку, чтобы не выдать себя с головой.

Зрачки у него были расплющены. Казалось, он смотрел вовнутрь себя и не тонул: душа была

мелководной. Вброд перейти можно. По щиколотку будет, и то вряд ли.

Передач от близких Гунтис никогда не получал. Родные на него давно рукой махнули. В маломестной камере мне одному носили регулярно. Я делился. Бутка каждый день от пуза ел мой хлеб и каждый день закладывал меня. Я думал про себя: «Чтоб ты подавился» — и терпел. Так мы и жили целый месяц бок о бок. До сих пор тошнит, как вспоминаю.

БРАТКА

Братка по национальности цыган. Ростом невысокий, лицо будто закоптили, глаза шустрые, живые, а голос низкий и нахрапистый, так и кажется, что Братка сейчас перейдёт на крик.

Братка вечно в поиске: он ищет, кого можно окопачить, у кого что выдурить — палец в рот цыгану не клади.

И ещё он любит вспоминать, как сидел с Альфредом Рубиксом, бывшим лидером латвийских коммунистов. Где только разговор за Рубикса зайдёт, Братка тут как тут.

— Мы с Петровичем сидели вместе. Рубикс в угловой хате был, номера не помню, там была четырёхместка, но он сидел один, а мы были напротив, через проход, точно в такой хате, только вшестером.

Это было в 1994 году, зима ещё была. Рубикс нам газеты подгонял, через баландеров. Мы их брали для сортира. Кто их на хрен читать будет? Тогда каждый день бухие были. Пьяный угар на

тюрьме стоял. Спирту море было. Я на свободе так не пил. Спиться можно было. Жили, весело. В гости друг к другу ходили.

Четвёртый корпус весь был в дырках, в каждой хате «кабура» была, даже к смертникам пробили, но их куда-то перевели.

Хотели к Рубиксу долбить, кричим: «Держись, Петрович! Мы к тебе зайдём через чердак!» Он испугался и кричит: «Не надо! Не делайте этого!» Мы не стали. Спросили денег у него. Он десять латов вечером, по ужину, через баландера подогнал. Потом ещё хотели к нему лезть, он опять от нас откупился, а больше мы наглеть не стали. Он мастюху все-таки держал, и многие его уважали. Только плохо, что он красный, как пожарная машина, ха-ха-ха... Любой свой монолог заканчивает Братка смехом.

А рижская тюрьма тогда на самом деле была проходным двором. Зэки умудрялись даже забредать в пищеблок и угрозами сварить живьём нагоняли жуть на поваров.

Эхо

Екатерине Леоновой-Гаряевой

Ночью снился эротический сон — обычное для тюрьмы дело. Снилось женщина, незнакомая, но очень желанная. Наверно, это был собирательный образ, эталон, идеал, женщина моей мечты. Что тут добавить?

Я целовал её плечи и грудь, целовал волосы и шею, целовал глаза и брови. Как томимый жаждой путник припадает в знойный день к

воде, так я, должно быть, взалкал губы. Я целовал их ненасытно, жадно, с упоением.

Потом мы слились воедино, стали одной плотью, и я хорошо чувствовал каждую клеточку женского тела. Я был заморожен им, не иначе. Затаив дыхание, погружался в глубину, и едва только вошёл, то сразу, как на грех, и растворился — без остатка, целиком... и словно заново родился.

Молодец был всё-таки Адам. И правильно он сделал, что оставил ради Евы рай. Ничего-то он не потерял, ничегошеньки. Я мысленно благодарил Бога за то, что Он создал женщину; и впрямь, должно быть, из ребра мужского сотворил, так ладно всё да чудно получилось. И слава Богу!

А назавтра у меня был день рождения — 16 октября. И оказалось, что сон в руку. Ближе к полудню к камере подошёл дежурный помощник начальника тюрьмы Игорь Матвейчук — усатый хитрован. Зэки между собой звали его пластмассовым офицером. Матвейчук, когда что-то обещал, давал слово офицера, но слова своего он не держал. Поэтому и нарекли пластмассовым. Зэки зря не скажут.

Матвейчук достал из-за спины букет из пяти красивых, нежно-алых роз и протянул через решётку мне.

— Держи, Смирнов, любимая женщина просила передать, а какая — ты уж думай сам. Чего небритый? Ты, наверно, и забыл, что у тебя сегодня день рождения?

Матвейчука, пожалуй, выдаёт ехидный взгляд. У него не получается быть своим в доску. Я поблагодарил дежурного помощника началь-

ника тюрьмы, мы обменялись с ним незначащими фразами, а мои сокамерники осторожно, с робостью вдыхали аромат цветов.

Для тюрьмы цветы — это что-то несусветное, и контраст тут умопомрачительный. А букет из пяти прелестных роз и впрямь был сказочным, великолепным. И вообще розы — удивительные всё-таки цветы: неприступно колючие и вместе с тем влекущие к себе. До чего изобретательна природа!

Я поставил розы на обшарпанную тумбочку, в импровизированную вазу — пластиковую бутылку с вырезанным горлышком. Там у меня уже стояли ворохом сухие листья. Я подбирал их изо дня в день, гуляя на прогулочном дворике тюрьмы. Бог весть, каким ветром заносило их сюда. Им и самим, наверно, было в тягость валяться на заплёванных, сплошь в окурках, двориках тюрьмы, но, даже падшие, они олицетворяли для меня природу.

Листья обновляются из года в год, и поколения людей сменяются друг другом век от века.

Воду розам менял каждый день, и каждый божий день любовался ими. В сочетании с жёлтыми листьями розы смотрятся как вестники апокалипсиса. В их предсмертной строгой красоте внезапно появляется пронзительное что-то, словно крик сорвавшегося в пропасть человека.

Под залог души

Тибетские монахи никогда не просят милости, но только справедливости. А в одном мо-

настыре хранится древний текст: «И тогда Исса сказал: «Слушайте же, что я хочу вам сказать: почитайте женщину, мать Вселенной; в ней лежит вся истина Божественного творения. Вот почему я говорю вам, что после Бога ваши лучшие мысли должны принадлежать женщинам: женщина для вас — Божественный храм»».

Следователем у меня была женщина. Холёная брюнетка. Дайга Вилсоне. Глаза у неё были когда-то небесными, но давно выцвели и пустовали. Правда, иногда вдруг становились жёлтыми, и сразу возникало чувство, что она может ужалить. Она знала, что я не виноват, и сама об этом говорила, перекуривая. А пока курила, ёрзала на стуле, и появлялся у неё в глазах похотливый блеск. Потом она бралась за дело.

«Как же вы не виноваты? — говорила вкрадчиво, слово в слово заносила в протокол и кошачьим голосом тянула: — Как можно оказать сопротивление полиции?»

Она могла лгать и не краснеть, только как бы прятала, чуть отводила в сторону глаза, чтобы в них нельзя было прочесть усмешку.

Потом был суд, и судья Сильва Рейнхолде, сбитая и молодая, в очках, чтобы казаться строгой, скороговоркой выпалила приговор. Но ей всё-таки было стыдно за себя, и она краснела. Я даже отвернулся, чтобы не смущать судью.

Мразота

Фамилия начальника тюрьмы Мороз, но за глаза его зовут Мразотой.

Когда я раскусил начальника тюрьмы, то обрадовался прямо от души. Так может ликовать только учёный, обнаруживший доселе неизвестного науке страховидного жучка.

С людьми такого типа, как Мороз, я не сталкивался раньше никогда. В нём было что-то женское. Особенно это бросалось в глаза, когда он грациозно садился на стул, закидывал жеманно ногу на ногу и доставал из пачки сигарету.

Даже сигаретный дым он выпускал манерно.

Но этим никого не удивишь. А уникальность его заключалась в том, что страдания других людей доставляли ему удовольствие. Он даже в отпуск не ходил годами, чтобы не лишать себя подпитки от чужой беды.

Одно время в липайской тюрьме кормили из рук вон плохо. Это почти весь 1996 год. Заключённые не получали месяцами рыбу, хотя она входила в ежедневный рацион. Из супа тоже ничего не выловишь — одна вода. Хлеб был таким, что после него приходилось тщательно мыть руки, потому что пальцы становились чёрными и липкими; от хлеба пучило живот.

А вкусно покормили один раз — 19 октября. Я запомнил дату, потому что в этот день из департамента мест заключения с проверкой приезжал напыщенный, надутый и невзрачный хлюст, толком и не знаю кто.

Взгляд у него был словно скован льдом. Так на мелких водоёмах вода в стужу промерзает до дна.

В сопровождении тюремного начальства он подошел к нашей камере и, не представив-

шись, сказал, что приехал по жалобе на качество пищи. В руках у него было моё письмо. Он поинтересовался, кто Смирнов, и смерил меня колким взглядом.

— Что, обед такой плохой, что нельзя кушать?

— Попробуйте сами, — дерзко сказал я.

В камере как в рот воды набрали.

— Попробую, — пообещал сквозь зубы проверяющий и на этом завершил обход.

Обед был через полчаса. И был таким, что пальчики оближешь. Я понял, что так кормят на убой, и не ошибся.

После обеда мне принесли постановление на десять суток карцера за клевету на администрацию тюрьмы.

Через пару дней в карцер заглянул начальник тюрьмы Анатолий Мороз.

— Это не я тебя посадил. Это указание проверяющего. Я обязан его выполнить. Но сутки добавлять не буду, отсиди спокойно и выходи.

Начальник тюрьмы торговался. Он избегал смотреть в глаза и взглядом своим рыскал по углам.

Через год Мороза всё-таки уволили, отлучили от тюрьмы.

Без подпитки от чужой беды он захирел и стал жаловаться на своё здоровье.

ЗАКАЗЧИК

Прокурор города нервничал. Сроки следствия почти что истекли, а доказательства вины

так и не нашли. Дело принимало скверный оборот и могло закончиться скандалом.

Инспектора полиции арестовали без достаточных улик. Это было ясно с самого начала. Понадеялись, что у него развяжется язык и в тюрьме он даст любые показания, но ничего не вышло. Инспектор оказался крепким орешком.

Прокурора разбирала злость. Хуже всего было то, что он публично со страниц газет что-то мямлил о борьбе с коррупцией и приводил в пример как раз инспектора полиции.

Теперь надо было выйти сухим из воды.

Прокурор вызвал к себе начальника тюрьмы и ждал его с нетерпением. Под конец не усидел и стал ходить по кабинету.

Тщедушный и subtilный, он тёрся при ходьбе коленками, но привычки этой за собой не замечал.

Начальник тюрьмы был у него в руках. Достаточно дать ход одной из многих жалоб. Тут и торговля в изоляторе наркотиками, и изъятие вещей, которые потом бесследно пропадали, и каждодневные побои. А не так давно в тюрьме убили молодого парня. К прокурору на приём приходила его мать.

Он принял заявление, но ничего предпринимать не стал. Начальник тюрьмы многим был обязан прокурору.

Размышления прервала секретарь. Она доложила, что пришёл начальник следственного изолятора.

Прокурор напустил на себя суровый вид. Он пользовался им как гримом.

— Пусть войдёт.

Начальник тюрьмы лебезил. Срочный вызов так или иначе порождал тревогу. Прокурор, конечно, понимал и не стал томить:

— Как у тебя сидит наш друг?

Начальник тюрьмы понял, о ком речь, и принял верный тон:

— Катает жалобы, я с ним замучился.

Прокурор кивнул, поднял глаза, и в его зрачках начальник тюрьмы, словно в зеркале, увидел своё отражение. Ничего хорошего зеркальный взгляд не предвещал:

— Надо заткнуть ему рот.

Прокурор своих ошибок никогда не признавал. Понимал, что только место делало его значительным. Сам по себе он ничего не представлял, был подчеркнуто опрятным, но галстук и белая рубашка служили маскировочным халатом, под которым пряталась чёрная душа.

Начальник тюрьмы мигом уяснил, что от него хотят, но решил подстраховаться:

— У него родители, жена носит передачи, они могут поднять шум...

Прокурор на этот раз поднял только брови и рукой дотронулся до папки на столе.

— Одной жалобой больше, одной меньше — что это меняет?

Вопрос был решен, и в тот же день вечером инспектора полиции перевели в общую камеру.

Начальник тюрьмы, когда уходил домой, напутствовал дежурного помощника.

— Ну ошиблись, посадили по запарке не в ту камеру, бывает, утром разобрались и перевели назад. Он за ночь поумнеет, и ему это на пользу пойдет.

До утра инспектор не дожид.

На следующий день начальник следственно-го изолятора пришел с утра пораньше, и когда ему доложили, что произошло убийство, устроил по всем правилам разнос. Прокуратура взялась чинить следствие. Зэки быстро догадались, что от них хотят, и вину взвалили на двоих парашников. Им выделили чай и сигареты. Они согласились взять убийство на себя. Ничего другого им не оставалось.

Обвинение в суде поддерживал сам прокурор. В его зрачках, как в зеркале, отражались напряжённые фигурки согбённых существ. Парашники не поднимали глаз от пола.

Прокурор для подсудимых запросил предельно большой срок. Речь его пронизывалась гневом, будто молниями. После этого он отстранённо сел за стол и стал любоваться ногтями.

Интервью со смертником

Лиепайская тюрьма — одна из новых в Латвии. Во времена СССР тут был лечебно-трудовой профилакторий. Потом комплекс пустовал. А с 1994 года рай для алкоголиков превратили в ад для уголовников.

Первого смертника в лиепайскую тюрьму привезли 14 ноября 1996 года. Прямо из зала суда, где вынесли расстрельный приговор.

Приговорённым оказался Лесик Владимир Яковлевич, 1963 года рождения. Он был одним из участников тройного убийства в магазине

«Званиньш». Это было громкое дело, история, потрясшая весь город. Сразу после суда Лесика поместили в отдельную камеру — 109-й карцер. Там его держали до ближайшего этапа и 23 ноября отправили в рижскую тюрьму, где для смертников существовал отдельный блок.

Я в это время за отказ от пищи находился в 110-м угловом почерневшем от сырости карцере, и так вот оказался по соседству с человеком, которому дали «вышку».

В первые минуты стало мне чуть-чуть не по себе, но потом я понял, что мне выпала удача, и решил во что бы то ни стало взять у нового соседа интервью.

Беготня в коридоре началась задолго до приезда смертника. 109-ю камеру тщательно обстукивали и обыскивали, напротив камеры приткнули тумбочку и табуретку — значит, дополнительно установили пост.

Я недоумевал, с чего такой переполох. Карцеры были в ноябре пустыми.

После ужина, когда движения в коридоре стихли, я решил разговорить дежурного, который неотлучно находился справа от меня, напротив 109-й камеры. Я видел его в щёлку двери.

Дежурный оказался несловоохотливым, но всё-таки я выведал, кто новый мой сосед.

В первый вечер у меня не вышло ничего. Смена оказалась больно уж дерьмовой. Едва после отбоя я забрался к ночной лампочке и громким шёпотом позвал: «Лесик! 109-й трюм!», как дежурный возле тумбочки зашевелился, зашуршал газетами.

— Кончай базары, слышишь, Смирнов, а то получишь ещё пятнадцать суток. Тебе это надо?

— А тебе?

— Вот и кончай базары.

— Ладно, воин, бди, чтобы у тебя на опохмелку денег не было.

Чертыхаясь, я по внутренней решётке слез на пол.

Жаль, конечно. Интересно было бы узнать, что у приговорённого к расстрелу делается на душе сегодня. А может, это к лучшему и не стоит сейчас к человеку лезть?

Я лёг на нары, руки заложил за голову.

На ночь, на время сна, нары опускаются, а днём они приторочены цепями к стене. Теперь, при свете ночника, цепи отбрасывали на стену увеличенную тень, и эта чёрная тень была связующим звеном между днём сегодняшним и Средними веками.

В ту ночь я долго не сомкнул усталых глаз.

А на другой день повезло чуть больше. Пост возле смертника на каких-то полчаса остался без дежурного, и я не прозевал.

— Лесик! Лесик! 109-й трюм!

— Ну?!

— Ты залезь на решку, через нишу говори, а то слышно, как из ямы!

Послышалось лязганье железа, и голос Лесика теперь под сводами зазвучал отчетливо.

— Кто это говорит?

— Лесик, привет. Это 110-й трюм! Володя Смирнов, бывший редактор газеты и террорист по совместительству, ты, может быть, слышал?

— А-а, да-да, знаю, слышал, Володя, говори!

Я затараторил.

— Хорошо! Теперь так, а то времени в обрез. Ты знаешь, что я издавал газету на свободе, мне это дело нравилось, и я хочу взять у тебя интервью, хочу задать тебе несколько дурацких вопросов, но я не хочу тебя обидеть, ты пойми, случай неординарный, не каждый день доводится со смертником поговорить...

Лесик засмеялся, коротко сказал:

— Ничего, спрашивай!

Голос у него был твёрдым и чеканным.

— Тёзка, я не желаю тебе зла и хочу предупредить, что наше интервью я напечатаю в газете!

— Валяй! Я и сам хочу всё написать.

Я торопился.

— Володя, тебе вчера вынесли смертный приговор, как ты себя чувствуешь сегодня?

— Вчера был убит, а сегодня у меня подъём. Ещё не все потеряно, буду писать жалобу, поборюсь ещё. Ну а расстреляют так расстреляют, саму смерть я не боюсь, когда меня брали...

Он частит, как будто сам себя заводит, и я его перебиваю, прошу говорить помедленней, а то гул стоит. Он продолжает не так быстро:

— Я говорю, что саму смерть я не боюсь. Когда меня приходили брать, то я себя в живот семь раз ножом ударил, потом в шею один раз и после этого выбросился из окна третьего этажа. Меня с Божьей помощью в реанимации еле откачали.

— А ты веришь в Бога?

— Да. Я даже Его видел.

— Но тогда, значит, и ад есть, ты об этом думал?

— Я это понимаю по-другому.

— А как ты видел Бога? Какой Он?

— Это было в реанимации, долго рассказывать.

— Ладно, Володя, давай на сегодня расход, а то у меня после голодовки руки сами разжимаются, нет больше сил висеть.

— Хорошо, потом крикни, если что.

Я слез на пол и тут же принялся записывать, о чём мы говорили, стараясь ничего не упустить.

С Лесиком поговорить в тот день больше мне не удалось, зато после ужина я перемолвился с дежурным, который ни на шаг не покидал свой пост:

— Командир, чего ты тут сидишь? Тут всё от сырости позеленело, иди на воздух, подыши, а то ты как каторжник.

— Нельзя. Мне положено через каждые пятнадцать минут заглядывать к смертнику.

Я удивился:

— Да-а? А чего так?

— А вдруг он вздёрнется? Что у него на уме? За ним особый контроль нужен.

Мне почему-то расхотелось разговаривать с дежурным, хотя спроси меня, в чём он-то виноват, я не сказал бы ничего определённого.

На следующий день я опять улучил момент и позвал соседа:

— Володя! Лес! 109-й трюм!

— Да! Говори! — отозвался он не сразу.

Голос у него был будничным.

Дорожа временем, я взял с места в карьер:

— Володя, кто у тебя был адвокатом?

— Суркова.

— Она ведь пожилая уже, опытная, да?

— Хуже некуда.

— Почему?

— Она не прёт и с делом не знакомилась, я ей всё подсказывал. Просто никто другой не брался меня защищать.

— А кто был прокурором?

— Опинцане.

— И что она за человек?

Лесик был категоричен:

— Она змея. Я подозреваю, что её купили. Я ведь ничего не помню, что в ту ночь произошло, может быть, Терентий бочку катит на меня.

(Терентьев — подельник Лесика и младший брат директора самого крупного в городе завода.)

— Но ведь Терентий получил двенадцать лет, — возражаю я. — За деньги можно было откупиться или получить не очень большой срок, как ты думаешь?

— Для Терентия 12 лет — мало. Он был организатором, и на нём два трупa из трёх.

— Откуда ты знаешь? Ты ведь сам сказал, что ничего не помнишь?

— Это можно всё установить логически.

Я не стал вдаваться в подробности и чинить новое следствие. Меня интересовал Лесик. Лесик — человек. Лесик — убийца. Лесик — мученик, и Лесик — смертник.

— Володя, а кто у тебя был судьей?

— Берзиня.

— Везёт тебе на баб. И как она, на твой взгляд?

— Черт её знает, я до конца так и не разобрал.

— Володя, а кого ты больше всего любишь, есть такие люди?

— Трудный вопрос. Не знаю даже.

— Но ведь у тебя жена и двое детей.

— Не знаю.

— А тех людей, которых ты убил, ты раньше знал, какими они были?

— Нет, не знал.

— А ты жалел когда-нибудь, что погубил их?

— Да. Первые полгода я молился Богу, чтобы Он забрал их к себе, потому что они невиновные.

— Володя, скажи честно, ты был пьян в ту ночь?

— Нет, я выпил бутылку пива.

— Но согласись: что вы сделали — это страшно. Такой грех взять на душу. Неужели трезвые?

— Да, я был трезвый. У меня замкнуло, когда я увидел кровь. Это Протас начал. (*Протасов — второй подельник Лесика.*) Потом ничего не помню.

На этом интервью в тот день прервали. И опять поговорить с Лесиком мне удалось только в день его отъезда.

Я торопился с расспросами, говорил невпопад, понимал, что в любой момент могут помешать разговору.

— Володя, ты сегодня уезжаешь на этап, ты знаешь?

— Да.

— Ты знаешь, что тебя ждёт одиночка, полная изоляция и повышенный контроль?

— Знаю. На меня это не действует. Я ко всему готов.

— А почему ты резался, когда за тобой пришли, почему выбросился из окна? Знал, что плохо кончится?

— Да, знал, что дадут «вышку».

— А чем ты увлекался на свободе?

— Закаляться любил. Зимой ходил на море и купался, когда люди шубы и пальто носили.

— Володя, в старину убийц звали душегубами. Знаешь, почему?

Вместо Лесика ответил надзиратель. Подкрался, вырос как из-под земли:

— Кончай базары!

Услышав привычный окрик, я принялся уговаривать надзирателя. Мне очень хотелось напоследок поговорить с Лесиком по душам, но дежурный был неумолим, и я стал прощаться:

— Володя, ты меня слышишь?

— Да.

— Начальник, видишь, не даёт добро.

— Да, я слышал.

— Ну что, Володя? Я тебе желаю жить до ста лет! Ты меня понял?

Лесик рассмеялся:

— Да.

— Ну, пока!

— Давай!

Я слез на пол, услышал, что и Лесик за стеной проделал то же самое.

Я был искренен, когда пожелал ему, приговорённому к расстрелу, жить до ста лет. Я убеждён, что никто, ни один смертный не име-

ет право отнять у него жизнь, ни один человек, в какие бы мантии он ни рядился.

Кто знает, какой крест Бог возложил на Лесика, и не нам препятствовать перерождению души.

Повесть Льва Николаевича Толстого «Фальшивый купон» знаменательна своим финалом.

Прошло десять лет.

Митя Смоковников кончил курс в техническом училище и был инженером с большим жалованием на золотых приисках в Сибири. Ему надо было ехать по участку. Директор предложил ему взять каторжника Степана Пелагеюшкина.

— *Как каторжника? Разве не опасно?*

— *С ним не опасно. Это святой человек. Спросите у кого хотите.*

— *Да за что он?*

Директор улыбнулся.

— *Шесть душ убил, а святой человек. Уж я ручаюсь.*

...Сам я уезжал из треклятой липайской тюрьмы 13 апреля 1997 года, и так получилось, что одним этапом со мной, только в изоляции, ехали в Ригу на апелляционный суд подельники Лесика — Протасов и Терентьев. Мы встретились в битком набитой камере рижской тюрьмы и перед обыском пробыли вместе несколько минут. Я знал, что в доме, где они совершили тройное убийство, был ещё ребенок — пятилетний мальчик. Он спал, пока родителей и бабушку за стеной убивали. И я спрашивал у Терентьева и у Протасова, как бы они поступили, если бы мальчик проснулся. Мороз по коже пробежал, но я допытывался, был дотошен.

Они оба менялись в лице, наверное и прежде не один раз думали над этим и благодарили многожды судьбу, что хоть тут их пронесло, но оба в один голос уверяли, что ребенка бы они ни за что не тронули... Верилось с трудом.

Протасов, когда-то бронзовый призёр чемпионата по борьбе, выглядел предельно измождённым: серое окаменелое лицо, впалые щёки и лихорадочный блеск в глазах. Он был близок к умопомешательству, и казалось, что держался из последних сил.

Грех

На восьмой день голодовки меня отправили в тюремную больничку, поместили к психам и назначили аминазин.

После первого укола меня скосоротило, речь стала вязкой, но мозг ещё не отказал, и я со страхом ждал, что будет дальше.

Спас меня Вася Фёдоров, выживший из ума арестант. Он, по причине полной потери рассудка, подлежал активированию, но то ли его не торопились сбывать родственникам, то ли сами родственники не спешили приезжать за ним, но только Васю уже год мурыжили в больничке.

Нас в камере-палате было восемь человек, и кто-то предложил вместо меня класть под уколы Васю, ему уже было всё равно. Так мы и поступили.

Каждый раз перед обходом медсестры, которая делала уколы, Васю укладывали на моё место и обматывали полотенцем голову, как

будто она у него болит. Вася лежал ничком, уткнувшись лбом в подушку. Медсестра подходила к нему, приспускала штаны и делала укол. На лицо она никогда не смотрела, ей было достаточно того, что моя фамилия была указана на прикроватной бирке. Она ловко делала привычное дело и быстро уходила.

Вася за время процедуры не издавал ни звука. Я же с головой под одеялом лежал в Васиной кровати и за всё время нас никто не сдал.

Так Вася принял на себя уколы.

От них у него разыгрывался аппетит, и я, чувствуя свою вину, отдавал ему без разговоров свою пайку. Так вот и взял грех на душу, с которым до сих пор живу.

Кумовья

Двух одинаковых зон не найти. И кум как раз один из тех, кто делает погоду в зоне. Кум — это начальник оперчасти. Он играет ключевую роль.

В липайской тюрьме кумом был Валера Иванов. Тихой сапой за глаза он мог оговорить любого, чтобы посеять неприязнь, вражду между людьми, настроить друг против друга, потом в мутной воде что-то половить. Пройдоха, каких свет не знал. Его и Бог отверг. Бог шельму метит. Одной ступни у Иванова не было. Он был хром, как дьявол, но, несмотря на хромоту, любил жить на широкую ногу и был падким на деньги.

А вот его коллега в Екабпилсе был уже дру-

гим. В колонии майор Малинин отработал четверть века, и его было не купить ни за какие коврижки. Он за своими смотрел в оба и зэкам спуска не давал.

Разные, конечно, люди... И порядки у них были разные.

В Екабпилсе осуждённых редко когда избивали, Малинин рьяно возражал, а Иванов рукоприкладство поощрял и мордобой в его присутствии не прекращали.

Государство зэков

*Посвящаю
Владимиру Витухновскому*

Да, именно государством предстаёт сообщество заключённых при ближайшем рассмотрении.

Соблюдаются порядок и традиции. Существует иерархия, свой языковой диалект, фольклор. Всё как у малых народностей.

У государства зэков даже собственная валюта имеется. При внутренних расчётах основным платёжным средством выступают чай и сигареты. За одну расчётную единицу принимается заварка чая, двадцать граммов.

Отмеривают чай столовыми ложками, или спичечными коробками, или же на глаз. Два спичечных коробка, с горкой, или две столовые ложки аккуратно и составляют вождеденную заварку. Из этого добра можно заварить чифир — он получится ядрёным. От крепкого напитка мало кто откажется, он всё-таки бодрит.

Чай и сигареты — твёрдая валюта. За них в зоне можно купить всё. За пол-литра молока надо уплатить заварку чая или же полпачки сигарет, что эквивалентно чаю. А за шесть заварок чая или за три пачки сигарет можно выторговать пару тёплых шерстяных носков.

Расценки тут обычно постоянные.

Чай и сигареты — полноценная валюта, и хождение её на территории государства зэков ничем не ограничивается.

При наличии двух килограммов чая можно месяц жить тузом и вполне сойти за богатея.

После развала СССР у зэков, как у вассального государства, многое поменялось в жизни, но валюта осталась прежней: чай и сигареты. Изменения коснулись прежде всего быта и традиций.

Раньше, при Совдепии, зэки принудительно работали. Теперь они непринуждённо бездельничали. Получая в прежние времена небольшую плату за труд, зэки могли покупать в магазине чай, не более ста грамм на человека. Отоваривали один раз в месяц. Теперь ходи хоть каждую неделю в магазин и чай бери хоть килограммами, да мало кто позволить это может: денежные переводы от родных идут не густо, на свободе люди тоже бедствуют, им не до жиру, быть бы живу.

Прежде полагались зэку обувь и одежда (роба), даже нижнее бельё, вплоть до трусов. Не зря же пели: «Костюм бостоновый и корочки со скрипом я на тюремную одёжку поменял...» По сезону выдавали телогрейку-фужайку и шапку-ушанку. Потом, после распада СССР,

казёнку отменили, зэки одно время в чём попало, даже в одеянии монашеском, ходили, в чём на зону привезли. Но вольница сошла на нет в 2007 году, когда всех опять в робы одели.

В карцерах теперь не то, что было раньше. Раньше было тягостно: холодно и голодно. Кормили через день, да и то по пониженной норме. Наденут на тебя брезентовую робу, на ноги дадут резиновые калоши, универсального — сорок шестого — размера, и шлындай в них день-деньской по цементному полу. Ночью тоже не поспишь, не отдохнёшь. Зуб на зуб не попадает, шутка ли. Не будешь делать физзарядку каждый час — замёрзнешь, околеешь. Два притопа, три прихлопа — до изнеможения. Сало — сила, спорт — могила... Головокружение. Утром кружку кипятка ждёшь как манну небесную: можно дух перевести, согревшись... Теперь куда как легче. И кормят в «трюме» каждый день, и одеться потеплей не возбраняется, но всё равно желающих туда попасть не шибко много.

В целом впечатление от пребывания в государстве зэков остаётся тягостным. Народ живет тут впроголодь. Кормят так: на первое — вода и капуста. На второе — капуста без воды, на третье — вода без капусты. Ноги не протянешь, но через месяц-два после такой кормёжки появляется в глазах голодный блеск, как у человека, который вечно занят мыслями о пище.

И вот тогда-то поневоле вспомнишь старые жиганские куплеты.

Из-за тебя попал я в слабосилку,
Всё оттого, что ты не шлёшь мене посылку.

Я не прошу того, что пожирней,
Пришли хотя бы черных сухарей.

Зайди к соседу к нашему, к Егорке.
Он мне по воле должен пять рублей.
На два рубля купи ты мне махорки,
На остальное — чёрных сухарей.

Во все времена кормили зэков невесть как,
и теперь не многим лучше. Дух сталинских ла-
герей не выветрился из этих стен по сию пору.

В общем, я бы не рекомендовал туристам
прокладывать маршрут через страну зэков. Эк-
зотики тут мало, а горя помыкать и лиха хлеб-
нуть придётся. Не понарошку. Но я почему-то
думаю, что государство зэков уйдет когда-нибудь
в небытие, как государства инков или майя. Ну
а пока... Пока гоп-стоп: станция Петушки —
выворачивай мешки...

* * *

Рома Белоногин передач не ждёт. Сам пе-
ребивается, как может. Дома без него хватает
ртов.

На свободе Рома погулял неделю, обворовал
буфет и получил четыре года.

Но он не раскаивается.

— Я воровал, чтобы с голоду не сдохнуть,
меня Бог простит. А они что делают?... — Рома
не находит слов.

У него на полицейских горит зуб. Они отня-
ли при аресте деньги у него, и в дежурной части
Рома поднял шум.

— Начальник, вы рамсы попутали! У меня

тридцать лат было, а в протоколе написали три. Ошибка вышла!

Рома в свои двадцать лет смахивает на подростка.

— Никакая ашипка нет, — неприязненно сказал дежурный капитан, латыш по национальности.

А сержант — верзила, из хохлов, не дал рта открыть.

— Ты чё, неграмотный? Три пишем, ноль держим в уме! Давай не гоношись, подписывай, а то сделаем с тобой, что бог с черепахой.

Рома протокол не подписал. Ему нутро отбили, инвалидом сделали, и на зоне дважды в день, скособочившись, он ходит за таблетками в санчасть. Дух, однако, из него не вышибли, за себя он может постоять.

* * *

У цыгана Богдановича срок четыре года. Как с куста. Получил он этот срок за то, что залез в пустой гараж. Даже не поживился, а так, только зря время потерял.

Богданович убит горем.

— Ни за хер сижучу...

Канючит каждый день, с утра до вечера. Все уши прожужжал. И скорбь у Богдановича с лица не сходит.

ИСПОВЕДЬ

Подъём на зоне в семь часов, но я встаю задолго до подъёма.

В семь утра я уже на спортплощадке. Походить по мягкой травке босиком — неизъяснимое блаженство. Это начинаешь понимать после тюрьмы, где можно годы-годы провести и не увидеть ни одной травинки.

А я, признаться, по уши влюблён в природу, хотя какая, к лешему, в колонии природа — так, камень бел-горючий да плакун-травка. Но я рад, признаться, и тому, что есть.

На спортивный пяточок меня сопровождает озорной котёнок — Тимка. Мы с ним неразлучные друзья.

Прежний хозяин отказался от него, а я приютил, чтобы сердце исподволь не каменело.

Занимаюсь на дворовой спортплощадке полчаса; от меня не отстаёт и Тимка. Делает какие-то кульбиты, выписывает кренделя, карабкается по снарядам — шведской лестнице и деревянным брусьям. Иногда срывается и повисает, и тогда приходится его спасать, снимать оттуда, чтобы он, неутомимый, снова всюду лез.

Хлопотно, конечно, с ним. Морока. Нужен глаз да глаз, но живём мы душа в душу.

Помните незамысловатую песенку беспризорников из кинофильма «Республика ШКИД»:

У кошки четыре ноги,
 Позади у неё длинный хвост,
 Но трогать её не моги, не моги
 За её малый рост, малый рост.

Удивительные пацаны, мальчишки уличные, сами ласки в жизни, почитай, не видели, а понимали то, что иным до гроба невдомёк.

Присмотритесь к братьям нашим меньшим. Они очень разные, похожие на нас. У каждого из них своя душа, своя судьба и свой характер.

Кошки и собаки стерегут наш дом, но не столько от воров или мышей, сколько от враждебного воздействия потусторонних сил, которые незримо существуют вокруг нас, но о которых мы пока что мало знаем.

...После утренней зарядки я люблю по пояс голым поваляться в скудном разнотравье, возле спортплощадки, благо на дворе июнь.

Лягу на землю, притулюсь к ней грудью, уткнувшись лицом в траву и вижу, как бежит, топчется куда-то по своим делам проворный муравей, медленно и вперевалку пробирается степенно неуклюжий жук. Им-то, поди, трава-мурава кажется дремучим лесом, может быть непроходимым даже. И почему-то сразу я добрею, ощущаю себя исполином: горы своротить могу; чувствую, что и на мне лежит ответственность за этот бесконечно хрупкий мир.

Тимка, утомившись, греется на солнышке, выгнулся дугой, но глаз с меня не сводит.

Я протягиваю руку и срываю «воздушный шар» одуванчика. Тимка-непоседа — тут как тут. Потянулся носиком навстречу. Весь он как натянутая тетива, непорочные глаза его смотрят ясно и осмысленно, но сам он держится сторожко: мало ли чего.

Медленно подношу одуванчик к губам и внезапно резко дую на него. Тимка припадает, прижимается к земле, но поздно: пушистые «снежинки» одуванчика густо облепливают чёрную мордашку, и тотчас, как ужаленный, шара-

хается Тимка в сторону, мотает что есть мочи головой и ловко помогает лапкой, норовит ретиво отряхнуться.

Белый пух легко и быстро улечувичается, тает прямо на глазах.

— Ну чего ты испугался, боягуз, бояка? — укоряю слегка Тимку и смеюсь отвыкшими от смеха, словно задеревеневшими губами.

И Тимка скоро снова крутится возле меня. Он долго зла не держит.

А мимо зоны мчатся поезда. Товарные и пассажирские. По ним можно было бы сверять часы, да только здесь другое измерение и счёт другой.

Напаскудил в жизни, наследил, и теперь идёт по следу, жжёт стыдом навязчивая, несговорчивая память. Нет забвения.

Не могу забыть котёнка, которого убил подростком. Целый век казнюсь. Нет больше сил.

В тюрьме даже вызывал священника, думал исповедаться. С трудом добился. Пригласили, но посадили рядом надзирателя. Он сел в углу на табуретку и сидел как истукан, глазами хлопал. Сам, наверно, был не рад. Понимал, что лишний.

И я не исповедался, тяготясь присутствием чужого человека, а теперь на людях каюсь и, как сор из дома, выношу свои грехи. На земле мы не живём, а в дерьме барахтаемся, и однажды — думаю, что скоро, — захлебнёмся.

Дубрик

У Геннадия Дубровенко точно шило в одном месте. Он минуты не сидит спокойно.

И язык у Гены без костей, он так и сыплет прибаутками:

— Ешь сало и чеснок, не заметишь, как кончится срок...

— Мы кто чего, лишь бы не делать ничего...

— Лучше летом у костра, чем зимой на солнце...

Дубрик балагур, но человек отважный. Роста среднего, нос перебит, весь в шрамах, на лице живого места не найти, а ходит грудь вперёд, и от него исходит сила. На зоне слыл он не последним человеком. Этого не отрицал никто, и многие старались заручиться его дружбой.

Дубрик подношения по-свойски принимал и надсадно хохотал:

— Лучше чёрный хлеб на воле, чем сыр и колбаса в неволе, правильно, братан?

Отдавали ему с лёгким сердцем.

Курс лечения

Элле Черепановой

Поздняя осень. Предзимье. Смеркаться начинает рано. Над предзонником гирлянда фонарей зажигается уже в начале пятого.

Вся зона по периметру обнесена огнями. Они напоминают красные флажки, за которые ступать нельзя, под страхом смерти. Затяжные вечера зэки коротают в разговорах. Время не так долго тянется. Зэки любят рассказывать байки. Были и небылицы.

Я иногда записываю, чтобы не было потом отсебятины.

За что купил, за то и продаю.

— Слышь ты, я тебе говорю, человек так устроен. Комфорт и цивилизация портят его и делают слабым. У нас в Латвии жить можно. Санчасть на санчасть похожа: рентген тебе, терапевт, даже зубной врач на постой имеется. Поэтому и зубы у вас болят. А я не знаю, что это такое. У меня зубы не болели никогда: сгнили, выпали, но не болели.

Гунча если заведётся, то его не остановишь. Поэтому лучше выслушать до конца.

— Это мы сейчас независимыми стали, дальше Даугавпилса не пошлют. А раньше, при СССР, на Урал этапы гнали. Зэки — народ кочевой. Как все дороги вели в Рим, так все этапы — на Урал или на Север.

Слышь ты, я шесть лет в Пермской области бомбил. В 1983 году нарушителей собрали по латвийским зонам и отправили туда. Помню, как приехали мы в Соликамск. Конвой в «столыпине» встречал нас так: «Железная дорога здесь кончается, и, значит, советская власть кончается. Здесь закон — тайга». Потом загнали в камеру, она, слышь ты, рассчитана на двадцать человек, а нас туда загнали сорок пять. Там вдоль стены идут в два яруса сплошные нары, и только мы расположились кое-как, дверь открывается, и мент кричит: «Мужики, надо потесниться, пополнение прибыло». Мы галдёж подняли в сорок глоток — там, в натуре, негде яблоку упасть, а мент ехидно говорит: «А, ну извините, мужики, мы не знали, что у вас тут тесно».

Уходит, минут через десять возвращается, и запускают в камеру здоровую овчарку — без

намордника, без ничего. Она с рыком на нас кидается, мы от неё попрыгали на нары. Мент заходит, погулял по камере и удивлённо говорит: «А кричали — места нету, ну вы и жлобы». И ещё к нам тридцать человек закинули.

Мы так целый месяц просидели, пока покупатели нашлись, они нас разбирали, как рабовладельцы.

Я попал в Ныробский район, посёлок Чусовской, лагерь там небольшой, триста душ нас было. Лес валили, заготовливали и складывали штабелями на берегу реки.

Санчасть у нас была, но одно название. Две медсестры работали. Тугоголовые, я таких не видел. Врач на вертолёте прилетал один раз в месяц, терапевт или хирург, а про зубного мы забыли, что такой есть. Слышь ты, у меня там зубы сгнили, но я не знаю, что такое боль. А знаешь почему? Потому что, когда моешься, сначала надо руки вытирать. Обычно сперва рожу вытирают, а надо с рук начинать. Вытри руки насухо, потом ещё ладони через полотенце разотри, и забудешь про зубную боль, я это точно говорю, весь лагерь у нас так спасался.

Гунча горячился, шёл на спор, но никто его слова не ставил под сомнение.

Основной инстинкт

Калёному давно перевалило за шестьдесят. Из них сорок с гаком он провёл в местах, не столь отдалённых и, случалось, отбывал срок там, куда Макар телят не гонял.

По внешности, однако, худого про него не скажешь ничего. Вполне благообразный старикан.

Но это покуда он молчит, а как откроет рот — пиши пропало. Дело в том, что лагерных различных извращений он насмотрелся на своем веку до умопомрачения и теперь все разговоры у него об этом.

— Петухов и раньше было много, но тогда людей не опускали без разбора, как сейчас. Запаршмачат, будто в шутку, а человеку жизнь сломали. Раньше опускали за косяк. За карты, например. Проиграл — плати, а фуфло двинул, не отдал долг карточный — будь добрый, жопу подворачивай. В натуре. И пожаловаться было некому, хозяин никого не принимал. Никто тебя не сильничал, сам сел играть, думал, значит, поживиться, вот и нажился на свою жопу. Кого винить?

Петухов всегда хватало. А были и такие, кого пользовали как петуха, но петухом он не считался, в почёте даже жил. Был у блатного вроде как жены. Пока не надоест или на блюде не поймают. Тогда уже по рукам идет. В натуре. Ты приходи ко мне за баню, я тебя отбарабаню. Но на зоне это дело от нужды, простительно, куда деваться? Человек сидит пятнадцать лет где-нибудь в глубинке, там не то что баб, людей не видишь никаких, кругом одни менты. Тут даже на медведицу полезешь... Но раньше было весело. И время быстро шло. Когда у тебя срок двадцать пять лет, то о конце срока не думаешь, живёшь одним днём и время летит быстро. А на свободе, что им не хватает? Я даже слышал,

объявление дают в газету: приходи ко мне на встречу, я тебя отгомосечу. Ну, в натуре.

И так все разговоры у Калёного сводились к одному. И даже если начинал за здоровье, то всё равно кончал за упокой.

— Мы терпигорцы, наше дело — знай себе терпи. В пятидесятых годах одно время, после смерти Сталина, хозрасчет на зонах был. До хозрасчёта на жратву работали, за пайку, но денег никогда не начисляли. А тут прямо на руки стали давать. Несколько лет так жили. За живые деньги в магазин ходили. По натуре.

Потом реформа была денежная. В 1961 году. А до этого ещё в 1947 году была реформа. И деньги с каждым разом становились меньше, а то, помню, сотня была как портянка, прямо хоть бери и на ногу наматывай. В натуре.

Так вот, когда деньги зэкам стали на руки давать, то всем была лафа. У нас отрядником был Лютченко, так он привёз свою жену с Кубани, устроил в зоне на работу и торговал как проституткой, сам деньги собирал и сам стоял на стрёме. Зэки табуном ходили, пока жинка не сбежала от него.

Об отряднике Калёный вспоминал с теплом, а из зоны больше не освободился. Этот срок стал для него последним. Он не дотянул четыре месяца и умер то ли от болезни почек, то ли печени. Но в тюремной больничке, говорят, Калёный до последних дней, как будто невзначай, пожилому медсестру старался ущипнуть за мягкое.

Ссылка

Человек был сослан на землю. За грехи. И мы все, по сути, ссыльные.

Земля для человека — место ссылки. И отбывать эту ссылку надо пожизненно. Но у каждой жизни есть свой срок. И однажды приходит время умирать. Мы все смертны. Смерть не минует никого из нас.

И тогда душа покидает тело. Не случайно, что по смерти человека говорят: «Он испустил дух».

И тело тотчас становится бесчувственным. И бездыханным. И безжизненным. Даже сраму теперь не имеет. Жизнь оставляет тело вместе с душой.

Невидимая для глаз душа выходит из тела, как воздух из воздушного шара, после чего, сморщившись, шар лежит недвижно, как и тело.

И тело предадут земле, где оно обратится в прах. Водолаз использует скафандр, чтобы погрузиться в воду. И душа облачается в тело, когда меняет среду обитания и вынуждена жить в плотном мире.

«Так сложилось у нас, — учит Феофан Затворник, — что умерших мы воображаем такими, какими они были, когда лежали в гробу, и затем — когда в могиле, и, придя на кладбище, мы даже причитаем: как тебе там тесно, как тебе там темно, как тебе там сыро... А между тем там совсем и нет тех, кого мы оплакиваем. Они в другом месте или даже, может быть, и около нас, но в другом виде».

Вот и Ванга-ясновидица общалась с душами

умерших. И не только разговаривала с ними. Она их видела. Но видела не в нашем понимании, конечно, а духовным зрением, острота которого несоизмерима с зоркостью глаз.

Мир Иной сокрыт от нас. До поры до времени. Но он рядом с нами, в шаге от нас. А мы слепы и глухи.

Да ведь радиоволны тоже глазу не видны, но кто же станет отрицать их существование и их реальность?

Все мы сосланы на землю. За грехи. И уже не по первому разу отбываем это наказание в виде ссылки, но никак не образумимся и не подумаем о душе.

«Подумай о душе» — слышали мы много раз, но пропускали слова мимо ушей и считали, что это бабушкины сказки.

...Грешен человек. И я других не лучше. Господи, хотел быть Твоим полномочным представителем на суетной земле, да грехи, однако, не пускают. Какось...

Вот скажи кому, чтобы было доходчиво: дай, мол, год ты будешь жить, ни в чем нужды не зная, и денег будет — куры не клюют, и власти — всласть, и славы вдоволь. Живи, одним словом, в своё удовольствие весь этот год, но уже потом не обессудь.

Потом мы отроем яму в земле, в полный рост, и посадим тебя туда на долгие-долгие годы. И будет та яма кишмя кишеть змеями, но не ядовитыми, не бойся, умереть мы тебе не дадим — не дадим, если даже возопишь о смерти.

Жив ты будешь во все эти годы, целёхонек, только мукам не будет конца.

Пойдёт ли на такое хоть один?
Найдётся хоть один, кто согласится?

Даю голову на отсечение, что нет.

Но один не верит в чепуху, другой просто не задумывается.

Иной жертвует на нужды храма и думает, что Бог лежит у него в кармане...

Кто-то себя считает ловким, полагает, что он выкрутится и нигде не пропадёт; кто привык, что связи выручат; кто-то на авось надеется, думает, что обойдётся как-нибудь; кто рассчитывает дать привратнику на лапу; кто-то уповает на иммунитет: добился положения при жизни на земле и мнит теперь, что вечно будут его встречать с почётным караулом...

Всё тщета... В горнем мире просят только душу предьявить, и она будет единственным документом, удостоверяющим сущность человека, потому что это только на земле правда, что чужая душа — потёмки.

Аборигены государства эков

Надежде Колышкиной

Бедность — не порок, но почему-то именно таких, у кого нет средств на адвоката, в тюрьмах подавляющее большинство.

Полиция, прокуратура, суд на их костях возводят, будто памятник себе, отчётность и статистику, и видит Бог, что нет на них креста. Государство эков — многонациональная страна. Народ тут разношёрстный, но часто на поверку оказываются эки горемыками, а не злодеями.

Вот Иван Безрукий... Иван Петрович Иванов, 1932 года рождения. Ему было восемь лет, когда взрывом оторвало руку. Пекли картошку, грелись у костра, побросав в огонь патроны. Дураками пацанов не назовёшь, но умными их тоже назвать трудно. Так и остался без руки. А через год — война.

Матери Иван не помнит, отец погиб на фронте, и зачоченела детская душа.

Иван Петрович то и дело трогает и теребит пустой рукав. Говорит о прошлом скупно, хотя мыслями живёт в былом:

— Нашего брата-беспризорника после войны на каждом вокзале было пруд пруди. И кто как мог, тот так и жил. А куда с одной рукой-то? Только воровать сподручно. Так вот нехотя-нехотя и втянулся, и пошло-поехало. Нахвтался судимостей, как собака блох. Тюрьма за мной всю жизнь ходила по пятам. Всю жизнь, считай, за карман сижу, а когда и так сажали: сами кошелёк подсунут, и готово дело. Да-да, я знаю, что мелко. Насмотрелся, как они орудуют. Такие ловкачи у них там есть, что почище нашего брата работают.

Взгляд у Ивана выстужен. Но это не от возраста, а от собачьей жизни. А на тыльной стороне ладони вытатуировано слово «Север», и от него расходятся лучи восходящего солнца. Давнишняя наколка. Тушь от времени поблёлкла, почти выцвела, но так и не согрели душу зэка солнечные лучики.

А вот еще один злодей — Андрис Намниекс, нескладный деревенский парень, 22 лет. Он жил на хуторе с родителями. Работал трактористом. По его вине погиб человек.

Андрис помнит досконально всё.

— Двенадцатого августа это получилось, в одиннадцать часов утра. — Он говорит по-русски с характерным латышским акцентом. — На троих пол-литра водки выпили — что это есть? Главное, за день до этого был совсем пьяный, дороги не видел, и доехал, а тут съехали на тракторе в канаву и медленно перевернулись, как в кино. Моего товарища сразу раздавило, только руки из-под трактора видно было, а мне — ничего. Я и пил, и курил — и живой остался, а он не пил, не курил — и умер. Знал бы, что так получится, лучше бы пешком пошёл, — Андрис горестно качает головой. — Помню, когда мне было шестнадцать лет, мама показала мне газету, там было написано, как менты бьют людей (он произносит слово «менты» с ударением на первом слоге). Я тогда маме сказал, что никогда не попаду в тюрьму. Не надо было так сказать, — суеверно добавляет Андрис.

Корявыми кривыми буквами, будто кто-то захлебнулся криком, выколоты на плече у Андриса слова: «Кто не был, тот будет. Кто был, не забудет».

А как зовут зэка, что отрешённо собирает возле мусорных бачков окурки, честно говоря, не знаю. И никто не скажет, кого ни спроси.

Все обходятся прозвищем — Бантик.

Горе луковое, а не Бантик. Его видеть надо — смех и грех.

Бантика стараются не трогать, но любят, ради смеха, над ним подтрунить.

— Бантык симпатычный? — спрашивают

нарочито на кавказский лад, на что он застенчиво роняет: «Да».

В общем, чёрт-те что и сбоку бантик. Видно, что немного не в себе. Но в здоровом обществе больных в тюрьме не держат. Значит, либо Бантик не в своем уме, либо общество рассудок потеряло.

За что Бантик угодил в тюрьму?

Залез ночью в магазин, чтобы украсть кофеварку. Кофеварка Бантику как козе баян. Но он забрался в магазин и уснул там, пьяный, на прилавке. Подарок полицейским преподнёс: грабителя на месте преступления с поличным взяли... Пять лет лишения свободы, и ни у кого не дрогнула рука. Полиция, прокуратура, суд — одним миром мазаны. В их жилах течёт кровь НКВД.

А пока мы отвлеклись на Бантика, грянул в Латвии скандал. Янис Скрастыньш, генеральный прокурор республики, растлевал детей. Да не один, а вкупе с другим педофилом — министром юстиции Валдисом Биркавсом. Час от часу не легче.

И вот где тут «сливки» общества, а где «отбросы»? Я так думаю, не разберёшь, где кто. Над этим долго ломал голову Высоцкий:

Слева бесы, справа бесы;
Нет, по-новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел, —
Не поймёшь, какие злей.
...Все хороши. И сосланы на землю.

Оговорка

«Из мест заключения прошу не писать» — очень расхожая оговорка. Дамы часто прибегают к ней, помещая объявления о знакомствах. Дамам даже невдомёк, что можно отсидеть в тюрьме и остаться человеком, а можно в жизни не сидеть и быть мерзавцем, каких мало.

И кто сам был за колючей проволокой, не нажил ума.

Талантливый автор «Колымских рассказов» утверждал, что в лагере:

— моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону;

— можно лгать и жить;

— можно обещать и не выполнять обещаний и всё-таки жить;

— оказывается, человек, совершивший подлость, не умирает...

Боже, что за бред! Можно подумать, что на воле совершивший подлость умирает, а моральные барьеры спать кому-то не дают. Да на каждом шагу лгут, обманывают, не выполняют обещаний. А многие из тех, кто не воровал, готовы были бы украсть, только случай подходящий не представился.

Протрите, наконец, глаза. Просто в лагере все на виду и нервы оголены, как провода, и под высоким напряжением живут годами.

Год за годом. Впроголодь. Бесправно. Среди загнанных в угол людей, где для того, чтобы побыть одному, надо попасть в карцер.

Нет, я не пытаюсь зэков идеализировать. Не надо возводить напраслину. Среди них есть

опасные, которым место только лишь в тюрьме, но их немного, носителей типично уголовной психологии, и они водятся в любой среде. Взять хоть кого. Иной министр (прокурор, чиновник, депутат) фору даст вору-рецидивисту. Можно воровать по мелочам и попадаться, а можно брать по-крупному и ни разу в жизни не сидеть. Кому как повезёт. Как карта ляжет.

Или, может быть, преувеличивал Омар Хайям?

Я знаю мир: в нём вор
сидит на воре,
Мудрец всегда
проигрывает в споре.
Бесчестный —
честного стыдит,
А капля счастья
тонет в море горя.

...Мудрость, просочившаяся через толщу времени, — это как вода из родника, вкус которой не сравним ни с чем и выше всякой похвалы уже с первого глотка...

Крокодил

Татьяне Пибалк

Все заключённые пострижены наголо. Волосы разрешают отпускать только за два месяца до освобождения. Поэтому счастливыхчиков всегда легко узнать.

Но Пашу Крокодила и так нельзя было ни с

кем спутать. Он не вышел рожей. Не сподобился, как говорят.

Нос, однако, Паша никогда не вешал, сам про себя со смехом напевал:

Когда мать меня рожала,
Вся милиция дрожала,
Все боялись, что родила
Не дитя, а крокодила.

Паша был общительным и готов был что угодно выкинуть, лишь бы насмешить других.

За несколько дней до освобождения он пришел ко мне на день рождения.

У меня тогда собралось человек шестнадцать. Отмечали день рождения в каптёрке. В вещевой. Каптёрщик нас закрыл на ключ и ключ забрал с собой. Спирт раздобыли, выпили тишком. Закусывали шоколадом, мандаринами, сухим тортом. Мне аккуратно на день рождения пришла посылка, и было чем украсить стол.

На зоне тоже делают подарки в этот день, но тут иная шкала ценностей. Обычно дарят майки, крем после бритья, зубную пасту, авто-ручки, мыло... Пара тёплых носков по зиме — это царский подарок.

Друг Афоня подарил стихи:

Старик, пусть жизнь тебя ласкает,
Во всей грязи останься чист.
И так тебя тут каждый знает:
Смирнов Володя — Террорист.

И Крокодил пожаловал не с пустыми ру-

ками. Всучил мне кепку-восьмиклинку, такую только в цирке надевать.

Я даже примерять не стал, а Паша нахлобучил на себя.

— Ты дыбани! Не в хипишь! Модный головной убор!

Тут, словно керосин в огонь подлили, так полыхнуло смехом, а кто-то даже от восторга взвыл под одобрительные возгласы собравшихся. Только Паша сохранял невозмутимый вид и сулил, когда освободится, выслать яблоки. На зоне витамины круглый год в цене.

И Паша сдержал слово. Не сплеховал. Посылка с яблоками от него пришла через неделю. И больше никаких вестей от Паши не было. Поминай как звали.

Зэки по свободе сохнут, а свобода никого из них не ждёт.

Шнырь

На зоне в каждом бараке есть свой шнырь. Это зэк, который убирает в жилой секции. Хлопот достаточно. Шнырь крутится как белка в колесе.

Дидзис в эти жернова попал по глупости.

Тюрьма навалилась на него каменной громадой, и парню из деревни поблазнилось, что может раздавить.

В камере его позвали в угол на беседу, как заведено, и тихо спрашивают:

— Ты пацан?

Дидзис оробел.

— А кто же?

Ему проникновенно говорят:

— Давай проверим.

Деревенский парень, которому едва исполнилось восемнадцать лет, даже рот открыл от удивления:

— Как это?

— А вот смотри, у нас «пацанонер» есть. — Показывают «шпулю». Это газетная бумага, она туго скатана в сосиску и запаяна в целлофан. — Вот тут, смотри, отметки есть, вот десять сантиметров, вот пятнадцать, видишь?

— Да.

Дидзис кивает головой и напоминает кролика, на которого подействовал гипноз.

— Вот засунь себе в «очко», а мы посмотрим, что ты за пацан.

Вкрадчиво так говорят... Дидзис весь вспотел и не знает, куда себя деть. Но делать нечего. Потупившись, он приступает к процедуре, тут же морщится от боли и, краснея, говорит: «Больше не могу».

Ему насмешливо советуют шить молнию на заднице.

Он чувствует, что тон переменялся, но больше с ним не говорят. Он уже вытянул свой жребий.

Дидзис длительное время был шнырём у нас в бараке. Как-то я спросил его о чём-то незначительном и поразился, как он говорит:

— Дидзис, ты в какой школе учился?

— В латышовой.

— В какой-какой?

— В латышовой, в интернате, только убегал всегда.

— Почему? Плохо было?

— Хорошо. Кормили хорошо, только учильница была злая.

— Кто-кто?

— Учительница...

— Ну, Дидзис, ты даёшь, прямо на ходу новые слова сочиняешь: учительница... школа латышская...

— А что? Я правду говорю.

Шнырь смотрит на меня с недоумением.

Но службу свою Дидзис нёс исправно. Всё у него блесело, и он, кажется, сам любовался на свой труд со стороны.

Качок

Салвиса Степиньша за пристрастие к штанге зовут Качком. Погоняло стало вторым именем, и главным. Он был призёром Латвии и на спорте, можно сказать, помешался.

Салвис — добродушный парень, лет двадцати пяти. Иногда он любит покачать права, но у него выходит это незлобливо.

Качок — патриот Латвии. Рад, что получили независимость, но националистов он на дух не переносит, и друзья у него — сплошь русские.

Меня он привлекает, потому что каждый день я выбегаю босиком на улицу, несмотря на то, что на дворе ноябрь и снег уже не раз кружился в воздухе, как будто проводил разведку боем.

Мы часто спорим о политике. Меня он зовет Одиноким Грузином, потому что я родился в Грузии и у меня смуглый цвет лица.

Я в долгу не остаюсь и зову Качка Независимым Латышом. Так мы и общаемся, почти что каждый день.

— Ну здравствуй, Одинокый Грузин, — душевно говорит он мне при встрече.

— Ну, здравствуй, Независимый Латыш, — в тон отвечаю я.

Салвис хитро смотрит на меня.

— Уедешь скоро, да? В Латвии не хочешь жить? Тут плохо?

Я понимаю его чувства и не хочу напрасно задевать.

— Ты знаешь монгольскую притчу? — приходит мне на ум. — Одна лягушка всю жизнь жила в колодце, а черепаха приползла от океана и стала рассказывать, какой он большой. Лягушка удивилась: «По-твоему, океан в два раза больше моего колодца?» «Конечно», — черепаха закивала головой. Лягушка аж раздулась от негодования: «Может, океан в четыре раза больше моего колодца?» Но черепаха оборвала неуместный спор: «Океан неизмеримо больше».

После этого лягушка обозвала черепаху лгуньей и не стала больше с ней дружить.

Качок выслушал меня внимательно, похлопал по плечу и не проронил ни слова.

На следующий день мы встретились после подъема в умывальнике.

Утром в умывальнике всегда толчея.

— Ну здравствуй, Независимый Латыш, — приветствую Качка, зябко обтираясь полотенцем.

— Ну здравствуй, Одинокый Грузин, — говорит Салвис вяло, со сна.

— Поздравляю тебя с праздником! Сегодня 18 ноября — день независимости Латвии!

Качок состроил рожу.

— Ква-ква-ква!

Мы оба оглушительно смеёмся.

В тот день вся зона ждала праздничный обед. У голодной кумы одно на уме. Но обед был так себе. И Качок расстроился.

— Могли бы, суки, хоть сегодня покормить.

Качку было обидно за державу.

ВОСПИТАТЕЛЬ

Начальником отряда был старший лейтенант Краснухин, лет тридцати пяти, узкоплечий и с брюшком. Правда, спинку он всегда старался держать прямо.

До развала СССР Краснухин служил в армии, был кадровым офицером, техником в авиачастях.

Потом из армии уволился, устроился на «лёгкие хлеба», думал перекантоваться год или два, но вот уже пять лет работает на зоне; того гляди, и мхом тут обрастёт.

Под мышкой у Краснухина всегда зажата папка, что как бы исключает праздный вид, но работой он на самом деле тяготится.

В каждой зоне с заключёнными проводится работа. И сводится она к учёту поощрений и взысканий. Получить взыскание — пара пустяков, от выговора за расстёгнутый воротничок до водворения в ШИЗО за нахождение в чужом отряде. А что до поощрений — тут сложнее и

от щедрот не шибко-то перепадает. Это как неписанный закон. Арестанту строгость что коню узда. Исстари так повелось, от века и до днесь.

Между тем на поощрения спрос был, и Краснухин торговал как из-под полы. Брал три блока сигарет за дополнительную передачу или лишнее свидание с близкими людьми.

Дорогие сигареты он предпочитал курить. И дармовые. Нос у Краснухина всегда был в табачке и отчётность в норме. В приказах по колонии его ставили в пример.

Уркаган

Лидии Сычёвой

Лиха беда начало. Снегу навалило пропасть. Снег валил всю ночь, и утром земля выкинула белый флаг, сдалась на милость победителя.

Зона опоясана сугробами, что белыми бинтами.

Дважды в день зэки выстраиваются на плацу. Для счёта. Выстраиваются побригадно и вытягиваются в длину на четверть километра. Глубина строя равна пяти человекам.

Позади всех, на заметном удалении от строя одиноко стоит заключённый Иван Перминов. Ему семьдесят два года. Зовут его в лагере «Ванёк». Незлобиво, но с оттенком лёгкого презрения. Все знают, что по нужде Ванёк не ходит в туалет. Не добегает. Он делает в штаны. Поэтому штаны у Вани всегда мокрые. Менять он их не успевает, да и где их напасёшься, столько-то штанов.

Стало быть, идёт от Вани запашок. И его на дух к себе не подпускают. Ваню даже вытеснили с плаца, и он увяз по колено в снегу.

Стоит, скрючившись, руки, словно суслик, прижимает к животу. Ему холодно, он мёрзнет, даже на глаз видно, что дрожит.

Болезнь Ванина по-научному называется «самопроизвольный акт дефекации и мочеиспускания». Администрация колонии, сознавая, что вони от Вани много, а толку мало, ещё весной отправила ходатайство на имя президента Латвии, чтобы Перминова помиловали, принимая во внимание болезнь и возраст осуждённого. Но прошло лето, осень прошлёпала по лужам, а высочайшее решение не вышло. И откуда у сиятельных господ лагерные нравы — не могу взять в толк.

После утренней проверки заключенные идут в столовую, на завтрак. Нестройная колонна эков растягивается по дороге и напоминает пленных из кадров военной хроники: что-то подневольное роднит.

А Ванёк в столовую не ходит. Его туда не пустят на порог. Он семенит в барак, в сушилку. Кто-то из шнырей таскает ему хлеб.

Все на зоне знают, что ходатайство написано, должно прийти помилование, но гадают, ждут, кто первым явит милость: Бог сжалится и приберёт к себе грешного Ивана или президент республики наконец-то снизойдёт до больного старика.

Крепостной

Кто его звал Ленчиком, кто — Пончиком. Был он ростом мал, подвижен, но на язык сдержан, и дружбу ни с кем не водил.

На свободе Ленчик промышлял кражами. Ничем не брезговал, брал, что плохо лежит, и сбывал потом с рук, не торгуясь, лишь бы на выпивку хватило.

А на зоне его словно подменили. Спиртного в рот не брал, хотя разжиться можно было.

Пончик ушел с головой в работу и зарёкся пить.

Оказалось, руки у него были золотые. Он вырезал по дереву: и шкатулки, и орлы, и парусные корабли выходили у него на загляденье.

Сотрудники колонии таскали с воли чурки и замысловатые сучки, выносили готовую продукцию. Спрос на поделки лагерные был, и Ленчику перепало: чай, конфеты, сигареты не переводились у него.

Целыми днями Ленчик пропадал в столярной мастерской, где у него был угол, отгороженный фанерными щитами закуток. Там он и священнодействовал.

При этом человек он был не жадный, что попросят — даст, но близко ни с кем не сходил-ся и никого к себе не подпускал.

С утра после подъёма только Ленчика и видели. Он на ходу застёгивался и спешил к себе.

В барак возвращался к самому отбою. Умылся и молчком ложился спать.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

К баптистам меня затащил Рыжий — Олег Орлов, мой приятель. Занятный человек. Он был соткан из противоречий: знал по памяти Евангелие и наркотики при случае употреблял.

А баптисты приходили раз в неделю. По субботам. И Рыжий не пропускал ни одной службы, что-то с ним стряслось.

Стриженная паства, полтора десятка прихожан, собиралась в клубе, и эзков было не узнать. Рассаживались чинно по скамьям, ближе к сцене, покучней, а сзади, через несколько рядов, устраивались надзиратели.

У меня к баптистам со времён СССР отношение было неважным. Про них что только не рассказывали, ввали, как могли, но тяга к слову Божьему росла, и выбора большого не было: православный батюшка в колонии не появлялся, ему, пожалуй, ставили препоны. Кроме баптистов, служил изредка в колонии какой-то пастор. Он приезжал из Риги и был очень томным.

Я как-то побывал и у него. Дождался конца нудной службы и обратился к пастору по-русски. Он хищно взглянул на меня, будто мышшь на крупу, и предложил говорить по-латышски. Глаза у него были не чадолюбивые, а злые. Я подумал про себя: «Чёрт ты, а не пастор», и ноги моей там больше не было.

А баптисты оказались симпатичными ребятами. Чаще они приходили вдвоем: Оскар и Артис. Латыши, они безукоризненно владели русским.

Но время было смутное. Бряцали латышским языком повсюду, как оружием, и дивно было, что два латыша осмеливались говорить по-русски.

Они, видно, исходили из того, что русский язык знают все, а латышский — только треть собравшихся, и то едва ли.

Молодые проповедники, казалось, души свои доставали из-за пазухи и пригоршнями вкладывали в службу. Это был невероятный, титанический и кропотливый труд.

Артис страстно говорил, возвышая голос. Как будто он на площади, а не перед кучкой зэков. Он звал примириться с Богом и сделать это именно сегодня, потому что завтра будет поздно. Говорил, что сам живёт трудно, что нет работы, что часто сидит без денег, но, чтобы без хлеба, — никогда, и он за это благодарен Богу.

Зэки слушали и чувствовали, что он прав.

Потом наступал черёд Оскара. Он сильно волновался. Оскар читал Библию и толковал различные места из Книги.

Иногда с баптистами приходил Павел Кириллович. Они звали его старшим братом. Он и впрямь был старше, сед, но бодр и крепок, как поживший человек, без червоточинки.

На радость всем он приносил с собой гитару. Сострадательно оглядывал притихших зэков и потом пел песни — не ахти как складно, с хрипотцой, но от души:

Я — блудный сын, прими меня, Отец мой.

Я — блудный сын, прости меня, мой Бог.

Ушел я от Тебя, блуждал далёко.

Но вот опять пришел на Твой порог.
Я — блудный сын, прими меня, Отец мой.
Я — блудный сын, грехи мои прости.
Как стыдно мне, что все Твои заветы
Я позабыл в своем земном пути.
Глаза туманились от слёз у многих зэков.

Полтора часа с баптистами пролетали незаметно.

Завершалась служба чтением молитвы, которая звучала в тишине:

Отче наш, сущий на небесах,
Да святится имя Твоё...

Для молитвы заключённые вставали и нестройным хором повторяли вслед за проповедником слова.

Только надзиратели елозили на своих местах, их будто тоже подмывало встать вместе со всеми.

После службы ощущался прилив сил, тревоги уходили и рассеивалась боль, словно спадал с души камень. Укреплялся дух, и легче было дальше тянуть ляжку.

Церковь и тюрьма... Что между ними общего и что их различает? Церковь — это воздушное сооружение, а тюрьма — сложена из камня, но и там, и там на кон поставлена душа.

Под Новый, 1998-й, год меня перевели из Латвии в Россию, и в Пскове я освободился. Написал Олегу в Екабпилс, в колонию. Ответа долго не было, и вдруг пришёл конверт из Риги. Я вскрыл его и понял, что от Рыжего.

Олег писал: «Ты, наверно, уже ничего не ждёшь, но вот теперь есть возможность тебе ответить. Начну с того, что, конечно, поблагодарю тебя за письмо, хотя получил я его на свободе, мне переслали из колонии. Освободили меня на два года раньше срока. По амнистии. И вот после освобождения хожу в церковь, работаю и стараюсь больше сделать для дела Божьего. Учусь в Библейском институте и очень благодарен Богу, что могу назвать Иисуса Христа моим Господом и Спасителем...»

Я стушевался. Это было не письмо, а благая весть. Рыжего за долгий срок и в карцерах мариновали, и свиданий с близкими лишали, а пришли баптисты — и человека стало не узнать. Его точно подменили.

И он рад-радёшенек. У него теперь другая жизнь. Он преодолел земное притяжение. А мне на грешной земле маяться и не находить себе места.

Капитал

Человек с присущим тысячеликим любопытством исследует и утилизирует внешний мир, но внутренний мир — основа всех основ остаётся в пренебрежении и забвении.

Сатья Саи Баба

Века проходят и тысячелетия, один общественно-политический строй сменяется другим, технический прогресс не стоит на месте, а пороки человечества стары как мир.

И если бы сейчас жил среди нас Христос, то Его бы вновь распяли. Бог поэтому не обитает на земле.

Человека любить трудно, но он создан Богом на свой лад, и это добрый знак. Психическая сила человека представляет собой мощь неимоверную, исключительную, не сопоставимую, может быть, ни с чем из того, что нам известно.

Человеку многое по плечу. Он может видеть прошлое и будущее, способен к телепатическому общению, и ему даром не нужна спутниковая связь.

Паранормального в природе нет. И никто не вычеркнет из Евангелия слова: «Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас».

Человек, вестимо, чудотворец. Из воздуха, из ниоткуда человек способен материализовать всё что угодно, и так легко, как может, например, из глины или пластилина вылепить всё, что захочет. Принцип тут один, только под рукой материал другой. И вера тут нужна... с горчичное зерно. Мал золотник, да дорог.

Вера — это ключ к богатым залежам духовных недр. А развивать духовность лучше сизмальства и говорить с детьми понятным языком.

Возможно, Пушкин потому и стал великим, что в детстве у него была Арина Родионовна. Она смогла развить воображение ребенка.

Значит, надо в младших классах или даже в

детсадах вводить уроки художественного Слова. И уроки эти проводить должны актёры, декламаторы, чтецы. И читать не абы что, а специально подобранные, наиболее сильные произведения мировой литературы или только отрывки из них, главное, чтобы брало за живое. Вот тогда откроется Вселенная души...

Спецэтап

Из Латвии я был отправлен спецэтапом. Этот долгожданный день настал 11 декабря 1997 года.

Машина всю дорогу шла под проблесковым маячком. Домчались одним духом.

Российский конвой встречал нас на глухой лесной дороге у шлагбаума.

В памяти мало что осталось, но помню, что начальник конвоя был не чужд поэзии. Помытый то ли от бессонницы, то ли с бодуна, защёлкнув на моих руках наручники, конвойный капитан продекламировал: «И дым Отечества нам сладок и приятен...»

Так Россия приняла меня в свои объятия. А спустя три месяца я освободился в Пскове. Вышел из тюрьмы, а куда идти — не знаю: город-то чужой. Но всё-таки — свобода! И весна! Пошёл куда глаза глядят. Ноги сами понесли меня.

Весна в тот год выдалась ранней. Март, как уверенный в себе мужчина, очаровал зиму, и снег под мартовскими ласками таял на глазах.

Река Великая расчертила город пополам.

Она уже освободилась ото льда и дышала полной грудью. Свальявшаяся прошлогодняя трава космато покрывала берега, и в этой неопрятности было что-то дикое и первозданное, а большие ледниковые камни-валуны, то там, то здесь придавившие землю, только усиливали впечатление незыблемости.

Псков отсюда будто на ладони. И куда ни кинь взгляд — всюду купола церквей. Русь за ними как за каменной стеной. И пусть она убога и бедна — святость не живёт в хорах.

Я не знаю, где сегодня буду ночевать, но забыл про всё на свете и стою как истукан, молюсь на Русь, как идолопоклонник. И ничего нет за душой, кроме России. Россия — как и первая любовь, всего-то что поцеловались один раз, а не забыть ни в жизнь.

...Я пока ещё не знал, не ведал, что в России против меня сфабрикуют дело и я попаду на восемь лет в тюрьму.

Вблизи Россия оказалась тяжело больной и следы проказы прикрывала толстым слоем пудры. Неспроста когда-то Максимилиан Волошин восклицал: «Горькая детоубийца-Русь!»

БАГУЛЬНИК

Я у времени привратник,
Я, одетый в чёрный ватник,
Буду длиться, длиться, длиться —
Без конца за вас молиться,
Не имеющих лица.

Валентин Соколов

Вечная память

...Память, словно щёлочь, разъедает время и не оставляет, не щадит меня.

Много-много лет вынашиваю мысль создать приют для братьев наших меньших. Вид бродячего животного может мне испортить настроение на целый день.

На свободе я впитал в себя боль бездомных кошек и собак. А как я изводил себя, как убивался за своих котов, когда попал в тюрьму и они остались без призора... Боль была такой, что душа покинула грудную клетку и цепенела у меня над головой.

Я в ту пору жил один. Кров со мной делили два кота. Я обоих подобрал на улице чумазыми

котятками, выходил, и так мы ладили, что Бог радовался, глядя на нас.

Я замкнут по характеру, люблю природу, братьев наших меньших и трудно схожусь с людьми.

Меня арестовали на задворках февраля, и самый короткий месяц в году не лютовал напоследок.

В милиции, в кабинете у оперативников со мной почти не разговаривали, но я чувствовал, что замышляют что-то за моей спиной. Тревожные мысли клубились в голове и сминались одна другой, как облака перед грозой.

Вечером доставили в прокуратуру. Я был сам не свой, и невозможно было ни развеять этот сон, ни стряхнуть с себя пустое наваждение.

Так, надо думать, подсознание включает тормоза, чтобы человек, рухнув под откос, не был убит горем. Он может быть раздавлен, но останется живой и потом, когда осядет, отстоит боль, придёт в себя и выкарабкается из-под завала переживаний.

Иные раны только время может врачевать.

Следователь — упитанный молодой человек. Его зовут Александр Борисович Афанасьев. У него неприятное лицо, я это отмечаю сразу, но всё-таки пытаюсь заглянуть ему в глаза, в надежде отыскать там душу.

Он не поднимает головы. Уткнулся носом в стол и сопит над протоколом, будто исполняет обряд жертвоприношения.

Я называю установочные данные, порываюсь что-то объяснить, но он осаживает меня жестом, морщится и просит не сбивать.

Я свою душу словно выпустил из рук и глухо отвечаю на вопросы.

После оформления бумаг прошу отпустить домой. Время уже позднее.

Следователь тянет локти вверх, зевает.

— Не могу, у тебя статья тяжёлая.

Я спотыкаюсь на словах:

— Как? Тяжёлая?

— Умышленное убийство, — лениво цедит Афанасьев и отводит в сторону глаза.

— Вы шутите?! Я никого не убивал!

— Разберёмся. — У следователя сытый вид, и я в запальчиво срываюсь вдруг на крик.

— Так вы сначала разберитесь, а потом сажайте!

Афанасьев помял губы, поднял на меня водянистые глаза, и я понял, что его ничем не проймёшь. В глазах у него не было никакого выражения.

Я горько сознаю, что попал в силки. Меня тянет подобрать увесистое слово и запустить в следователя, но я помню про котов и не своим голосом прошу:

— У меня остались дома два кота. Они целый день голодные. Отдайте, пожалуйста, ключи от квартиры моей соседке, Жаровой Татьяне. Она кормила котов, когда я уезжал в командировки, и они привыкли к ней.

Следователь отмолчался.

Поздно вечером я очутился в изоляторе. Изолятор временного содержания пустовал, и я обретался в камере один.

Боялся приступов клаустрофобии, но как-то обошлось.

Всю ночь не сомкнул глаз; читал молитвы, какие помнил наизусть, и тысячу раз себя проклял за то, что связался с пьяницами.

На следующий день после обеда вызвали на допрос. На столе у следователя лежали ключи от моей квартиры и, как нарочно, прямо на виду.

Дежурный адвокат выглядел сонным. Он был похож на сову, которая привыкла к ночной жизни и ничего не видит днём.

Я дал показания, но голова была занята другим. После допроса пробежал глазами протокол, не вникая, подписал, потом напомним, что вчера просил отдать моей соседке ключи от квартиры.

— Нет, — отрезал следователь. — Я квартиру опечатал, и туда никто не войдёт.

У меня остались на лице только глаза. Происходящее нельзя было осмыслить, оно не поддавалось объяснению. Я смотрел на следователя воспалёнными глазами и ничего не соображал. Потом сбивчиво заговорил:

— У меня в квартире два кота! Вы понимаете?! Я вам объяснял. Они погибли! Вы их заживо замуровали! В квартире никто больше не живёт!

Следователь молчал, что-то прикидывал в уме, наверно на него подействовал мой исступлённый вид.

—...Вы понимаете?! Не мучайте котов! Как вас ещё просить?! Человек ты или нет? Хочешь, встану на колени?!

Я бухнулся на пол.

Афанасьев с перекошенным лицом испуганно взглянул на дверь и зашипел:

— Встань сейчас же, слышишь?

Я поднялся с колен.

— Ты отдашь ключи?!

— Я поговорю с прокурором.

— Ты отдашь ключи?! — Я заорал и слился с криком, превратился сам в один сплошной и запредельный крик.

— Я поговорю, сегодня же поговорю.

Следователь быстро собрал папку и отделался проворно от меня.

В тот же день суд без заминки вынес постановление о моём аресте, и вечером меня отравили в тюрьму.

Будто бульдозером прошлись по мне события последних дней, и я был раздавлен. В смятении слал заявления на имя прокурора города Вениамина Селифанова и заклинал, что если котов мучают с целью вынудить меня дать какие-то признательные показания, то я готов взять на себя не только это, но и все другие нераскрытые убийства за последние пять лет (столько времени я жил в Сергиевом Посаде).

Прокурор не отвечал.

Позже я узнал, что ключи от квартиры следователь так и не отдал. Хорошо, соседка догадалась открыть форточку снаружи и выпустить котов через окно.

Я тешил себя мыслью, что когда выйду из тюрьмы, то первым делом пойду искать Яшку и Тимошку. И когда найду, возьму на руки Яшку и скажу: «Здравствуй, Яшка, рыжая мордашка, здравствуй, мой сердечный друг. Как я по тебе соскучился, как я за тебя переживал; да ведь и ты не меньше за меня переживал, знаю-знаю, не мяукай даже...»

Я живо представлял, как Яшка долго смотрит мне в глаза и заглядывает прямо в душу.

О себе я так не горевал. Каждый день молился за своих котов. Молитву по наитию придумал.

Никто не поверит, но спустя год Яшка объявился. Мне тогда отменили приговор, и он будто чувствовал, что меня могут отпустить. Больше года пропадал незнамо где и вдруг появился.

Его тогда сфотографировали, одичалого, голодного, и фотографию прислали мне. Надпись на обороте ликовала: «Яшка нашёлся!»

Радости моей не было конца. Я почернел за этот год от горя и невзгод и теперь подолгу любовался на кота.

И почти два месяца крутился Яшка возле дома, словно поджидал, таил надежду, что вернусь домой, но новое судебное разбирательство длилось десять месяцев, и новый приговор доконал меня. Дали восемь лет, а кажется, что

осудили на пожизненное заключение... Век вековать в тюрьме.

Я только тяжело вздыхал и ничего не мог сказать.

Не шли слова. Душа рвалась из меня, и я в исступлении просил: «Господи, разыми, расщепли меня на атомы, чтобы я не чувствовал себя и боль свою. Если бы я имел дело с правосудием, то давно был бы оправдан, на свободе, а мне приходится тягаться с бандой.

Я знаю, Господи, Ты видишь с высоты тернового венца, что палачи в судейских мантиях не прячут своего лица...»

Много докуки было Богу от моих молитв.

Я уже ничего не соображал, от этого горя, от этого беспредела я перестал что-либо сообщать.

Целыми днями молчком валялся у себя на шконке, отворачивался лицом к стене и лежал с открытыми глазами.

Мне хотелось стать неодушевлённым предметом.

* * *

Думал, что все слёзы выплакал, оказывается, нет. Бог и тут предусмотрел, дал нам слёзы впрок, чтобы до конца жизни хватило.

Душа корчится от боли, и я молча про себя кричу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного...» И после каждого прочтения молитвы вижу, что душа моя покрыта язвами и гнойничками.

Бог проводит хирургические операции на душах.

Первый день

Не забыть мне первый день в тюрьме. Как сквозь строй проводит меня память. Зэк, распятый на решётке, что-то тшится крикнуть немым ртом... Господи, не приведи, можно тронуться умом.

Я попал в камеру в состоянии, близком к умопомешательству, заикался, разговаривал сам с собой. От горя можно сойти с ума, я едва избежал этой участи. И душу перебинтовать нельзя, когда она болит и кровоточит.

Меня своим участием выходили уголовники. Сами мыкавшие горе и попавшие в тюрьму в силу разных обстоятельств, а больше — по дурости, они оказались чище, благородней и добрей следователей, судей, прокуроров.

В тюрьму часто попадают от широты души, а на работу в милицию, в прокуратуру или в суд идут нередко бездушные люди. Это парадокс, но этот парадокс может погубить Россию.

Сергиев Посад — столица православия. Троице-Сергиева Лавра привлекает паломников со всех краёв, но верно говорят: где святость, там и пакость.

Тюрьма в Сергиевом Посаде находится на улице Болотной. От Лавры до тюрьмы рукой подать.

Архимандрит Трифон навещает зэков каждую неделю. Служит он в тюремном храме два десятка лет, и этот опыт позволяет ему попусту не говорить: «Оказавшись среди тюремного общества, мы постоянно должны видеть в них людей не только с грехами, но видеть в них и

хорошие качества, которые и нам помогут увидеть свои недостатки. Видеть, что это люди, и многие из них порой лучше нас, чище, добрее».

Может быть, оговорился отец Трифон? Прямо огорошил... Нет, архимандрит не одинок в своих крамольных мыслях.

Великий Достоевский в бессмертных «Записках из Мёртвого дома» отмечал: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уже всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват...»

Бог кого тюрьмой смирит, кого сумой, кого болезнями, порой неизлечимыми, кого смертью близких... Каждому воздаст. Не коснётся эта благодать только тех, кто для Бога потерян. И я, возможно, так бы и коснел в самодовольстве, только тюрьма сбила с меня спесь.

Миша

Мелика Мнацакановича Мурадяна в тюрьме зовут Мишей.

Он инженер по образованию, окончил в 1967 году Московский энергетический институт, работал в конструкторском бюро электромеханического завода и вот уже двенадцать лет на пенсии.

Мише больше семидесяти лет. Некурящий,

худенький, он сидит на шконке, смиренно положил ладони на колени, спинку старается держать прямой, но видно, что надломлен и на него давит груз.

У Миши срок три года, статья 111, часть 1 Уголовного кодекса Российской Федерации: умышленное нанесение телесных повреждений. На самом деле была самооборона. Миша прыгнул ножом соседа-наркомана, который был на сорок лет моложе и ломился к старику в квартиру.

Миша вернулся с Медведковского центра. Он присутствовал на рассмотрении кассационной жалобы в Московском областном суде, которое длилось ровно три минуты. Приговор оставили без изменения.

Спрашиваю у расстроенного старика:

— Как вам наша правоохранительная система?

Он поправляет двумя пальцами очки:

— Система дикая. Я только сейчас начинаю это понимать. Такое впечатление, что народ этот никому не нужен. Я по своей истории могу судить, как устроена наша правоохранительная система и какой чинится произвол. Так нагло взять и перевернуть всё с ног на голову...

Миша сокрушен. И я его понимаю: самого пропустили через мясорубку и превратили в фарш.

Сокрушенно говорю:

— Это у них в порядке вещей.

— По-видимому, да. — Такое впечатление, что Миша говорит на ощупь. — Меня ведь не сразу арестовали, и один знакомый мне сказал:

«Тебя посадят, но ненадолго, выманят квартиру и отпустят».

Миша зорко смотрит на меня. Ждёт ответа.

Я отмалчиваюсь.

Я уже знаю, что у нас был один следователь, наверняка он специализируется на таких делах. Знаю, что пьяницы нарочно колотили в мою дверь, чтобы вызвать драку, и я тоже проживал один в своей квартире.

У нас много с Мишей общего. Поэтому я молчу. Мысли меня захватили, как удавкой.

МОЛЕБЕН

Сразу оговорюсь, что это не рассказ, а благодарственный молебен. И когда мне дали восемь лет, я, как безумец, не кричал, что Бога нет или куда Он смотрит.

Правда, жалобно скулил и малодушничал:

Если только можно, Авва Отче,

Чашу эту мимо пронеси...

На одном дыхании просил и за молитву выдавал строчки Пастернака, но потом пугался собственного ропота и, глотая слёзы, сдавленно благодарил: «Слава Тебе, Господи, за всё!»

Пытался занять себя чтением, и, как нарочно, на глаза попался текст: «Смерть! Нужна она, желанна в свой час, и нет большей муки, если смерть в свой срок долго нейдёт к человеку, уже сложившему в переднем углу руки на груди».

Я был ошеломлён. Как будто про меня написано. Я выписал слова — они меня заморозили — и потом с восторгом перечитывал, и шаг

за шагом подвигался к пропасти, и готов был на последний шаг.

Но Бог держал в ладони мою руку, от Себя уже не отпускал. И когда в душе живого места не осталось, я прогорклым голосом воззвал:

Суди меня по правде Твоей,
Господи Боже мой, да не
Торжествуют они надо мной
Да не говорят в сердце
Своём: «Хорошо! По душе нашей!»
Да не говорят: «Мы поглотили его».

Я читал как будто про себя, но в уме слова произносились вслух и громко.

Знаю, что никто из смертных мне помочь не в силах, а для Бога ничего нет невозможного, и я молюсь, молюсь до боли в сердце. Но лезет в голову назойливая чушь, не даёт сосредоточиться, и скопом предстают следователи, судьи, прокуроры... Свят, свят, свят... Ни одного не могу вспомнить добрым словом. Ухожу от них как от наваждения, гоню от себя бродячие мысли и не читаю, а вгрызаюсь в текст псалмов.

Вступишь, Господи, в тяжбу
С тяжущимися со мною,
Побори борющихся со мною.
Избави меня из руки
Нечестивого, из руки беззаконника
И притеснителя.

Как соты мёдом, наполняется душа молитвой. И грезится, что можно спрятаться от горя,

как в детстве прятался под одеяло с головой, но уже восходит над Землёй звезда Полярная и, запряжённые, стоят, копытами бьют кони: бледный, белый, рыжий, вороной, но на пороге Млечного Пути Кто-то пока сдерживает под уздцы коней...

Под спудом

По коридору гулко шла проверка. Приблизилась. Сначала отдалённо слышно хлопанье дверей, потом всё громче голоса и топот ног. И вот уже у камеры. Пришли по наши души...

Тюрьма — это железо, цемент и кирпич; камень, бетон и колючая проволока. Тюрьма выдавливает соки, и человек становится как выжатый лимон.

Распорядок дня красуется на стенке в каждой камере:

6:00 — подъём

6:30 — завтрак

8:00 — утренняя проверка

13:00 — обед

18:00 — ужин

20:00 — вечерняя проверка

22:00 — отбой.

И так каждый день.

Но при всём однообразии тюрьма неисчерпаема, тут как под спудом столько горя, что не исчерпать.

* * *

Как театр начинается с вешалки, так и тюрьма (любая) начинается со шмона.

На шмоне заключенного обыщут с головы до ног, разденут догола, прощупают одежду, перероют вещи; если что понравится, приберут к рукам.

На шмоне вынут душу.

* * *

Тюрьмы у нас до сих пор средневековые. Окна забраны так, что за сеткой и решётками в несколько рядов белый свет почти неразличим.

И дорога в ад широкая. Сюда доставляют на машине, и не ворота, а железные челюсти тюрьмы защёлкиваются за тобой.

Тюрьма психологически одолевает человека.

* * *

Но и такой запомнится тюрьма: март, солнечное утро. На продольных прутьях решётки, как на нотном стане, разместились воробьи и чирикают на все лады. Возвещают Божий мир.

Я их называю «мои ласточки». Каждый день подкармливаю хлебом. Я им несказанно рад.

* * *

Попал в тюрьму, и вопрос сводится к тому, какой срок дадут. Тут и год имеет значение... И каждому свой срок кажется большим. И разговоры больше об одном — что слышно про амнистию.

Но раз попал в тюрьму, живи по арестантским заповедям: не верь, не бойся, не проси.

В чужой монастырь не ходят со своим уставом.

* * *

К тюрьме привыкают. Так устроен человек, что может свыкнуться со всем на свете. Запах тюрьмы впитывается в поры кожи, и человек не чувствует себя изгоем: он тут свой среди своих. Даже венец мученика можно примерить на себя.

Сильного человека тюрьма делает ещё сильнее, а слабого ломает, перемалывает так, что треск стоит.

А есть люди, для которых тюрьма является средой обитания. И это надо принимать как должное.

* * *

Тюрьма обладает магнетическими свойствами и притягивает к себе людей.

В тюрьму попадают по-разному: по пьяной лавочке набедокурят, в поисках романтики и в силу горячности характера. Сидят убеждённые воры и случайные люди; томятся невинные и больные, у кого не всё в порядке с головой. Кого тут только нет... Тюрьма у человека отнимает жизненную силу.

* * *

В тюрьме есть что-то мистическое и непознанное. И каким-то боком стоят рядом церковь и тюрьма. Наверно, только в тюрьмах и монастырях курится фимиам молитвенный и возносят мольбы к Богу.

* * *

В тюрьме всё на свете можно перепутать: день и ночь, зиму и лето. Жизнь проходит в

замкнутом пространстве, в четырёх стенах. За стены метровой толщины не заглядывает солнце.

В тюрьме очень быстро садится зрение, потому что в замкнутом пространстве взгляд все время упирается в стену и глаза слабеют.

Здесь нет времени года, нет времени суток, только — мера страданий. Под одной крышей собрано с избытком зла. В тюрьме можно нахлебаться горя, так и не достав ногами дна.

Тюрьма создана для тех, кто и так был с детства обделён.

* * *

Тюрьма — это ад на земле. Эпицентр боли. Тюрьмы боятся все, и пуще всего те, кто хорохорится:

Гоп со смыком — это буду я.
Воровать — профессия моя.
Ремесло я выбрал кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
И тюрьма скучает без меня.

От блатной романтики следа не остаётся за короткий срок. И песни залихватские не в счёт. Это как защитная реакция. Инстинкт самосохранения. Так легче выжить. А не то — хана. Тюрьма так может покорёжить и согнуть в дугу, что мало не покажется.

В тюрьме и стены дышат ненавистью к человеку.

* * *

В тюрьме безотказно работает система оповещения. Кто поступил, кто убыл, кого куда перевели, становится известно в тот же день.

По каждому поводу составляется курсовка. Она обходит камеры. Для ознакомления.

В курсовке указывают имя и погоняло заключённого. Имя обиженного пишут с маленькой буквы.

В тюрьме не спрячешься. О каждом человеке будут знать всю подноготную, даром что под замком и взаперти сидят.

Борька-Морячок

Борька по камере ходил в старенькой тельняшке, но на флоте не служил и моря никогда не видел. Просто с детства мечтал быть моряком, а в армию не взяли по причине лёгкой степени дебилности.

Так Боря и слонялся по посёлку, не знал, чем себя занять, пока не попутал его бес. Борька убил спяну пожилую самогонщицу. Сначала изнасиловал, потом убил и поджёг дом, где она жила.

Думал замести следы, будто в деревне можно что-то утаить.

Получил шестнадцать лет особого режима. Сидел в камере с бывалыми людьми и ждал утверждения приговора.

Каждый день начинался для него с вопроса: — Сколько Морячку сидеть?

Борька без заминки отвечал:

— Пятнадцать лет, пять месяцев, шестнадцать дней.

— Ого, как медному котелку! — удивлялся кто-то понарошку.

Борька что-то бормотал себе под нос, но глаза ни на кого не поднимал. Потом словно предрекал: «Ничего, выйду, будет тридцать пять лет, ещё не старый буду, найду бабу и женюсь». Он умолкал, а чёрный от гнилых зубов рот так и оставался у него открытым.

После завтрака за Борьку брались основательно, и уже вся камера участвовала в представлении.

— Ты, Морячок, давай катай жалобу на приговор суда. Дави на жалость и на то, что бабку убил из-за ревности.

— В натуре!

— Тебе дело говорят!

— Это уже другая статья, там такой срок не корячится!

— Пусть бабке не хватало пяти лет до ста, а сердцу не прикажешь.

— И не менжуйся, Морячок, с кем не бывает.

Так Борьку и подначивали целый день. А какой-нибудь паскудник тёрся возле Морячка и похабно приговаривал: «У Бори попка, как орех, так и просится на грех».

Даже картёжники в углу отвлекались от игры и ржали так, что было слышно в коридоре.

Заканчивался день концертом самодеятельности. Кто-то от безделья выкликал:

— Давай, Морячок, с выходом из-за печки!

Борька выходил на середину камеры и бойко объявлял:

— Песни народные, блатные и хороводные!
Исполняет заслуженный артист Российской
Федерации Борька-Морячок!

Ему шумно аплодировали, и он начинал:

Собирайтесь, бабы, в кучу,
Я вам чучу отчебучу!
Если ты беременна,
То это только временно!
А если не беременна,
То это тоже временно!

Частушкам Борю выучили в камере. Он пел с удовольствием, выкрикивал отдельные слова и разве только не пускался в пляс. Концерт затягивался иногда за полночь. А утром снова кто-то вопрошал:

— Сколько Морячку сидеть?

Боря отвечал, и у него как от зубов отскакивало.

Любовь-морковь

По весне какой-то арестант свихнулся от любви. Ночь напролёт он переписывался с женской камерой, а утром забирался на решётку.

— Лиля! Я тебя обожаю! Я тебя лю-лю! — неслось как из хриплого динамика по всему периметру тюрьмы.

И вся тюрьма внимала. А какие строки пишутся в неволе! Они дышат неистраченными чувствами, нежностью и страстью. За ночь каждую записку перечитывают по сто раз.

И пусть зэк ищет нужные слова от безысходности, смятения и одиночества — они находят путь до сердца.

* * *

Сегодня в тюрьме банный день. Помывка. Рядом со мной под душем фыркает Юсуф. Мне что-то взбрело в голову, и я спрашиваю у него:

— Сейчас отпустят на свободу, пойдёшь голый домой?

— Вот как есть пойду, до Узбекистана.

Юсуф стучит себя в грудь кулаком и даже вытаращил на меня глаза. Мне нечего сказать.

После обеда — прогулка. Вылезаем, что крыты, на белый свет, и сразу режет глаза с непривычки.

На прогулочном дворике красуется свежая надпись: «Не надо слёз, не надо грусти, наступит срок, и нас отпустят».

Надпись была сделана на видном месте. Я сразу обратил на неё внимание и подумал, что до нас гуляли женщины: у них в характере утешать других.

...Давно нездоровится. А по весне совсем сдал: болит сердце, заложило грудь, мучает неодолимый кашель.

На второй год сидения кажется, что уже никогда не выберешься из тюрьмы.

Юродивый

Речь Миши Татарникова походила на мычание, но можно было разобрать отдельные слова.

Я терпеливо слушаю, перевожу на вразумительный язык и составляю жалобу. Жалобу от Мишиного имени мы собираемся послать в Генеральную прокуратуру.

Уважаемый Юрий Яковлевич!

Прошу Вас назначить проверку по следующим фактам.

3 августа 2008 года я был задержан в городе Королёве Московской области по подозрению в совершении кражи.

На следующий день, 4 августа, следователь УВД города ст. лейтенант Князькин А.А. вместе со мной проехал в общежитие, где я проживал по адресу: г. Королёв, ул. Калининградская, дом 12, и комендант общежития выдал следователю мои документы, среди которых были:

- 1. Паспорт.*
- 2. Военный билет Республики Узбекистан (я признан негодным к службе.*
- 3. Свидетельство о рождении (1978 год) Узбекской ССР.*
- 4. Справка из центрального психоневрологического диспансера №2 г. Ташкента, где я состою на учёте с 1983 года.*
- 5. Справка из вспомогательного интерната, где я обучался, а также другие документы.*

У себя в кабинете следователь Князькин А.А., рассматривая мои документы, спросил, состою ли я на учёте у психиатра. Я ответил утвердительно и попросил вернуть справки, но следователь сказал, что в тюрьме держать такие документы не положено. При этом протокол об изъятии документов не составлял.

Потом следователь пошептался с дежурным адвокатом (фамилия адвоката Шахбазян) и после этого сказал: «Давай скроем эти справки, а то попадёшь в спецпсихбольницу, а это хуже зоны, и держат там по десять лет».

Когда меня повезли на суд, чтобы вынести постановление об аресте, то перед началом судебного заседания ко мне подошла адвокат Шахбазян и предупредила, чтобы я про справки ничего не говорил, она сама всё скажет.

Однако в судебном заседании она не сказала ничего, и больше адвоката Шахбазян я никогда не видел.

Из следственного изолятора я написал заявление в прокуратуру Королёва по факту пропажи документов, но получил отписку за подписью заместителя прокурора города Воронина: «В прокуратуре города рассмотрено Ваше обращение от 15.08.08. Проведённой проверкой Ваши доводы об изъятии у вас следователем документов не нашли объективного подтверждения».

10 сентября 2008 года в судебном заседании королёвского горсуда под председательством Смородиной С.В. я заявил ходатайство о назначении судебно-психиатрической экспертизы, поскольку состою на учёте у психиатра. Суд, выслушав мнение сторон, назначил экспертизу и поручил её провести экспертам Московской областной психиатрической больницы №5.

Я сам ходатайствовал о проведении экспертизы, но я не понимаю, почему надо было уничтожать или скрывать мои документы.

Прошу Вас назначить проверку.

Миша старательно расписался. Он был убит злодейством следователя.

Я составил жалобу, чтобы Миша успокоил душу, но, конечно, понимал, что ничего из этого не выйдет. Жалобу отправят в местную прокуратуру, откуда и пришлют ответ, какой уже давали раньше.

Миша мне напоминал чеховского Ваньку Жукова. Я не поленился и перечитал рассказ: «...Ванька свернул вчетверо исписанный листок и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку. Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес: на деревню дедушке».

Миша, правда, указал адрес Генпрокуратуры, но это не меняло ровно ничего.

Общая камера

Стены тюрьмы пропитаны горем, слезами и табачным дымом. Вы слышите протяжный крик немого человека? Нет?! Это удивительно. Он у меня в ушах стоит... Глас вопиющего в пустыне.

У Молдавана самомнения хоть отбавляй. Равными себе в тюрьме он считал немногих. Ко всем прочим обращался одинаково: Васёк.

— Слышь, Васёк, ты чего такой кислый?

Игорь у себя на шконке неохотно отвечает:

— Голова болит.

— Давай вызовем врача, поставит клизму.

— А при чем тут клизма?

Игорь сидел за изнасилование и терпел насмешки.

— Клизма от всех болезней лечит, знаешь

это? — говорит Молдаван, и ему становится смешно.

Молдаван любил порисоваться и редко был самим собой.

...Край далёкий, путь нелёгкий, а кому сейчас легко? По этапу, по бараку, как по проволоке, канату, балансируя, иду...

Молдаван боится оставаться наедине со своими мыслями и не знает, чем себя занять. Он слоняется по камере, краем уха слушает других, впутывается в разговоры, лишь бы отвлечься и не думать о своём.

Камера большая, на шестьдесят «посадочных» мест, народу с перебором. Потеряться среди уголовников легко, но за годы лагерно-тюремной жизни Молдаван привык жить в толчее.

За длинным столом, железные ножки которого намертво вцементированы в пол, расположились человек двенадцать (за столом день и ночь кто-то сидит, потому что шконок на всех не хватает). Кто-то пишет письма или жалобы по уголовному делу, кто-то перекусывает, кто играет в шахматы или стучит костяшками домино.

Макс перекусывает. На виду у всех.

Молдаван не торопится пройти.

— Приятного аппетита.

— Самому мало.

— Ха-ха-ха... Как сам?

— Как сала килограмм.

— Этим бы салом да мне по мусалам, — говорит со смехом Молдаван.

Вокруг Леши Нифа кучкуются несколько человек, они смеются и шумно себя ведут.

Ниф заходил в любую камеру как к себе домой. Знал, что везде найдёт знакомых. Он был балагуром, только иногда что-то находило на него и за весь день он мог не проронить ни слова. А так рот у него не закрывался, и сегодня, как всегда, Ниф заправлял арапа:

— Слышь ты, тухлодыр, заходи без страха, выходи — не плачь... Я уже от горя поседел, у меня, смотри, под мышками все волосы седые. Мне цыганка руку смотрела, говорит: «Тебя уже давно не должно быть на свете, тебя тюрьма спасала...» Ниф привычно наседал во время разговора.

У него красивая и добрая фамилия — Никитушкин. Про себя он заливал:

— Я три раза напивался и три раза попадал в тюрьму. Я люблю пошариться по чужим квартирам, посмотреть, как человек живёт, может, в чём нуждается, а может, чего лишнее у него завелось...

Молдаван не стал задерживаться. Он сам напичкан лагерным фольклором, как болгарский перец фаршем, и с трудом заставлял себя слушать других.

В двух-трёх местах играли в карты. Отгораживались, занавешивали шконки простынями. Играли молча, в тишине, под высоким напряжением, перекидывались изредка словами.

Андрюха Горе погрузился с головой в письмо. Он сидел по пояс голый, так что можно было прочесть татуировку на груди: «Я ваше Горе и буду жить с вами».

Горе — это погоняло. Как имя собственное, погоняло пишут с большой буквы.

С ногами Лёша Тишина забрался на пустую шконку и согнулся пополам от боли.

— Лёша, что, опять изжога мучает? — участливо спрашивает Молдаван.

— У тебя сода есть?

— Нет, ты знаешь что? Собери пепел от сигареты, прямо в ладонь стряхивай, а потом проглоти со слюной, помогает.

— Знаю, — бурчит Тишина и даёт понять, чтобы оставили в покое.

Молдаван не стал навязываться.

По соседству Коля Сирота запальчиво кому-то выговаривал:

— Кинут тебя в пресс-хату, что ты будешь делать? Их там целая бригада: два пидора и три гада, трахают друг дружку и деньги кладут в кружку... Ты будь понаглей, а то тебя грузят, как баржу, а ты молчишь. Или ты, как Герасим, на всё согласен, что? Чего ты бурогозишь? Дешёвый понт дороже денег? Не рамси! Ты начал гарцевать, так гарцуй до конца, а то потух, как на него наехали, — распалялся Сирота. У него был полон рот «золотых» зубов, такие на зоне ставят за блок сигарет, поэтому он говорил невнятно.

Над ними спал и что-то бормотал во сне Витя Самокат. Он мог спать когда угодно, шум был не помехой для него.

Перво-наперво в тюрьме надо запастись терпением, и лучше быть самим собой.

Цыган Будулай пел сочным голосом:— Заморили гады, заморили; погубили молодость мою... — и вдруг переходил на трёп: Я следовательно говорю: «Всё до нас украли. Клянусь! Если

я вру, пусть сдохнет поросенок у моей соседки», ха-ха-ха... — Цыган представления любил и жить не мог без зрителей.

В камере многолюдно, только возле двери остаётся пяточок, где можно размять ноги, вышагивая взад-вперёд.

Табачный дым под сводами колыхается от гула голосов.

— Костян в карцере вскрылся! Без сознания был! Молодец! Уважаю! На таких тюрьма держится! — горячился Ниф. Он слова производил, как гвозди заколачивал.

В другом месте кто-то говорил:

— Колымский чай — на пятьсот грамм воды три столовых ложки чая. Зэки как детки малые: им бы замутку на чифир да конфетку к чаю, и срок уже не кажется большим...

А в нескольких шагах шёл свой разговор:

— Это только название — закон, а на деле — беззаконие. Я раньше думал, что они люди, а они людоеды; у них ничего человеческого нет, в уголовном мире благородства больше.

Молдаван по голосу узнал Захара, тот говорил надтреснуто, устало, словно бы едва ворочал языком:

— Что я могу сказать, глядя на ментовский беспредел? Я могу одно сказать: не ту страну назвали Гондурасом.

— Интересно, врачи дают клятву Гиппократа, а прокуроры какую-то клятву дают?

— Ни хрена они не дают.

— Они только берут! — нашёлся кто-то.

И все дружно согласились:

— Это точно!

— Да...

Наверно, только Дима Бурундук не вмешивался в разговоры. У него была привычка сидеть на корточках и думать ни о чём.

Молдаван проталкивался дальше. Он как будто не находит себе места.

Обрывки фраз срываются со всех сторон и шуршат, как листья под ногами:

— Прошлый срок тянул в Мордовии, так там не зона, а сплошной переполох. Подходит условно-досрочное освобождение, вызывают в оперчасть, кум предлагает: «Выбирай: или УДО, или говори — кто...»

— Играли в штос, и был у нас положенец, брал сигареты из общака и клал на кон. Так его потом за это вздрючили, что мама не горюй. В тюрьме давил на блатную педаль, а в лагерь приехали, переобулся сразу, сел на жопу ровно...

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи...

— В передачу надо класть сало, лук, чеснок, чай, сигареты, сахар (конфеты) — это основное. Всё остальное — по возможности... Это проверено временем.

— Мент ко мне домой приходит, говорит: «Ну что, Олег, Сидеть — твоя фамилия». Да ладно, говорю, ты не гони, это чужая картинка, ты меня по беспределу грузишь...

— В натуре, наматывают срок и покатишь по этапу ёлки лобзиком пилить...

— Жили бы на хуторе, нас бы не попутали...

— Стоп, Никита, здесь плетень...

— Я говорю, что он раскрутится, давай на рубль замажем...

— Я не буду на бабосы спорить...

— Базара нет, кто-то должен мусором работать, но человечность твоя где? Ты же видишь, какие у людей срока, тут сидят годами, у людей тут жизнь проходит, а ты отнимаешь тёплые носки и свитера. «Это нормально?» — спрашиваю у него, а он, как попугай, заладил: «Не положено...»

— Какие тут наркобароны?! В тюрьме одни наркобараны сидят!

— Я бы из зала суда ушёл, если бы деньги были, хотя бы тысяч сто, а где их взять, если мать на пенсии, а у сестры двое детей и мужалкаш...

Два наркомана ведут «тёрки» на привычном языке:

— Ты был под «винтом»?

— Я был на «выходах»

— А, ну-ну. И как на дурке! Ты был на спецу?

— Сначала на спецу. Два с половиной года. Там лучше не высовываться. Как начнешь что-то своё навязывать, сразу в овощ превращают, заколдовывают, только к выписке придёшь в себя.

В блатном углу дурачатся:

— Что-то ты, в натуре, подраслабился, никто тебя не раскумарит.

— Щас мы ему привьём чесотку и спросим с него как с понимающего кенгуру, ха-ха-ха...

Кто-то через камеру кричит:

— Стёпа, ты чего над тазиком согнулся? Стираешься? Да ладно ты, живи уже кем жил!

— Стёпа, ты присядь, а то к тебе уже приглядываются!

— В блуд не вводи людей!

Смех, как девятый вал, накрывает камеру.

В тюрьме принято жить весело. Смех лечит душу, и ничего не остаётся, как самим себя смешить.

...Макс поел, вальяжно вытянулся у себя на шконке и взялся разглагольствовать. Он был обречён на бесплодные, из пустого в порожнее, разговоры, и даже в облике его было что-то не то бабское, не то барское.

А цыган, кажется, изводит самого себя:

Иволга поет над родником.

Иволга в малиннике тоскует,

Почему родился босяком,

Кто и как мне это растолкует...

В голосе его тоска звучит громче, чем слова.

В проходе между шконками, от глаз подальше, чифирили мужики, и Гена Джан травил свои истории: «К психологу ходил на зоне. Сдобная была. У неё ксерокс в кабинете, ватман, он на карты шёл; к ней никто не мог найти подход, а мне давала безотказно, только спрашивает: «Куда тебе столько бумаги?» Я рисую, говорю, немного детские рисунки; я детей очень люблю, и слёзы пускать начинаю, я не даю ей сомневаться, она сразу: успокойся, не волнуйся, говорит...»

Гена Джан — крадун по жизни. Он на вокзале себя чувствовал хозяином в такой же степени, как железнодорожник или милиционер. У него всё время находились слушатели.

На один квадратный метр в камере приходится два вора, но никто чужого не возьмёт.

Антон Павлович Чехов в монументальном очерке «Остров Сахалин» писал: «Жизнь в общих камерах перерождает арестанта, инстинкт оседлого человека, домовитого хозяина, семьянина заглушается в нем привычками стадной жизни».

Ничего не изменилось, вплоть до наших дней, и долгое нахождение в общей камере можно приравнять к пыткам. Хорошо, что у меня богатое воображение. Я закрывал глаза и оказывался, как по волшебству, на берегу доисторического моря. Кругом не было ни души. Море поигрывало мускулами волн. Я отдыхал.

Алё-малё

После вечерней проверки тюрьма «строится». Из окна одной камеры к окну другой протягивают тонкие канатики и таким макаром опоясывают всю тюрьму. Это называется дорогой.

Канатики сплетают из шерстяных ниток, для чего распускают носки и свитера. Если какая-то камера не построится, то это либо не «людская хата», либо «заморозка», куда дорогу по техническим причинам протянуть нельзя.

В притаившейся тиши слышно, как идут переговоры:

— Алё-малё, давай построимся!

— Повремени, дам знать!

По дорогам идут небольшие груза и записки (малявы), на них указывают номер камеры и погоняло адресата.

По ночам «крестят». Кто-то из новеньких забирается на окно и горланит:

— Тюрьма-старушка, дай погремушку, не ментовскую, а воровскую!

В неурочный час строятся с волей. Волан из плотной бумаги, на конце которого закреплён для веса хлебный мякиш, должен перелететь тюремный двор, запретку, путанку и шлёпнуться в укромном месте по ту сторону забора.

Там уже ждут приятели, они подвязывают к тонкой нитке леску и дают сигнал. Зэки осторожно выбирают назад нитку и затягивают леску в камеру. Она прочная, и можно теперь затянуть груза, но сделать это надо быстро: на вышке могли не прозевать, сообщить на вахту, и через несколько минут дорогу оборвут.

Ночь проходит беспокойно. На день тюрьма залегает в спячку и спит мёртвым сном.

ГРЕВ

Возле «дороги» у окна Вова Хлын принимает почту.

В тюрьме у него подельник. Он сидит на другом корпусе, но связь между ними не прерывается.

Со своим подельником Хлын познакомился по прошлому сроку. На зоне они были не разлей вода. Потом с небольшим интервалом освободились и ушли в загул, но долго на свободе не задержались, и теперь то Хлын отправит сигарет, то подельник пришлет Хлыну сахарку или конфет.

Так друг друга и поддерживали — грели, на языке тюрьмы. Забота согревает душу. Сами по себе несколько кусочков сахара ничего не значат, но если человек отвержен миром, то любая пустяковая и мало-мальская забота согревает душу.

Справиться с дорогой невозможно. Под каждое окно на ночь не поставишь караул.

Дружба народов

Азербайджанец Валид и армянин Самвел вместе чифирят. Валид у них верховодит, и Самвел в шутку говорит: «Задолбали эти лица кавказской национальности».

Валид в долгу не остаётся:

— Чего ты его слушаешь? У него день освобождения — самый ужасный день в жизни, потому что он на зоне хоть при каше, а на воле, кто его накормит...

Самвел улыбается, молчит, знает, как попать Валиду на язык.

Ботаник

Сашу Агапова сразу прозвали Ботаником. Он попал в тюрьму за выращивание конопли без цели сбыта.

У Саши высшее образование. Про коноплю он мог рассказывать часами: «Я восстановил у себя на даче то, что было утрачено восемь тысяч лет назад. Конопля — это идеология. Этой

идеологии не нужны офисы и персональные машины, не нужны госдачи и огромные зарплаты. Конопля излечивает душу от стяжательства...

Конопля решит энергетические проблемы, потому что из неё можно делать всё, что делают из нефти. Она может широко применяться в сельском хозяйстве и в животноводстве...

Конопля лечит от всех болезней, повышает умственную работоспособность, открывает в человеке паранормальные способности... Слепой станет зрячим. Эту чудодейственную силу намерено скрывают от людей...»

Я любил общаться с Ботаником. Он был не похож на сумасшедшего или наркомана.

Потом меня перевели в другую камеру. Мы переписывались. Записки от Ботаника я получал кружным путём. И вот как-то, не скрывая ликования, он сообщил: «Вчера нашу камеру водили в храм. Я задал попу Трифону единственный вопрос: «Имеет ли право на существование закон, который запрещает сажать то, что росло на земле всегда?» От полного ответа поп уклонился, но на главное ответил: «То, что дано Богом, можно и должно сажать».

Потом он у меня спросил: «Вас устраивает мой ответ?» Я сказал: «Вполне».

Вместо дежурных пятнадцати минут служба продлилась целый академический час».

Ботаник без устали строчил жалобы, даже на имя президента посылал письмо.

Вскоре меня отправили на этап. Спустя какой-то срок из колонии я позвонил Ботанику домой и узнал, что Сашу поместили в сумасшедший дом. Жена его была лаконичной.

Погоняло

Погоняла (клички) не являются атрибутом преступного мира.

В школе и среди студентов, в армии, в милиции, у депутатов и в правительстве употребляют в обиходе прозвища и клички.

Это ведётся с мальчишеских пор, а если обратиться к истории, то с незапамятных времен. Вот что сказано у Н. Карамзина: «Уже при Дмитрие Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам или фамилиям вместо прозвищ, какими различались прежде люди одного имени».

Тюрьма тоже выдумала погоняла не для конспирации, а для удобства в общении.

В камере, где масса арестантов, крикни «Саня!» — отзовутся несколько человек. Поэтому, дабы избежать путаницы, Сашу Рыбченко будут звать Рыбой или Рыбаком, а Сашу Мельникова — Мельником, и всё сразу станет на свои места.

Погоняло чаще всего обретают по фамилиям: Макар — Макаров, Фролов — Фрол, и так до бесконечности.

Но погонялом может послужить профессия или род деятельности, в том числе преступный. Так, к бывшему электрику прилипло погоняло «220», а цыганку — она попала в тюрьму за распространение наркотиков — звали «Мать Героина».

Внешний вид, физический изъян или свойство характера тоже могут лечь в основу погоняла.

В тюрьме работал воспитателем некий Игорь Юрьевич, маленький и кривоногий, с низкой тугой задницей и круглым животом. Так ему дали погоняло «Клоп». За вонючий характер.

А узбек Абдувасид смирился с погонялом «Вася», но за имя его не считал.

Беда, когда у зэка погоняла нет. Я припомню только один случай. Человека так и звали по фамилии: Лукуткин. Это был совсем ничемный зэк.

Разлука

Слава Разлука, что бы ни носил — воротник всегда был поднят, а руки он не вынимал из карманов брюк.

Слава из себя изображал крутого блатаря, он был романтиком блатного мира, но знакомому по воле, который первый раз попал в тюрьму, Разлука дал совет:

— Насчёт твоего суда чисто-конкретно скажу, что если есть возможность сорваться, то рви отсюда когти, делать здесь совершенно нечего, только сгнить здесь можно от макушки до пяток, причём сам не заметишь, как это произойдёт.

Что на зоне и в тюрьме? Пьют, колются, играют в карты; шконка, шлёмка и дальняк — такой образ жизни: поспать, пожрать и по нужде сходить. Человек отстаёт в своем развитии, отстаёт от жизни, деградирует. Но, с другой стороны, ко всему привыкает, своё находит полюбому. Короче, ты определяйся сам.

Разлука лишнего не говорил.

Загадка

В тюрьме у меня любимое занятие — кормить птиц. Птицы живут между небом и землёй. Они посланцы Бога. Бог дал птицам крылья, как и ангелам.

Мы их кормим хлебом, пшённой кашей. Они едят от пуза. В благодарность — умиляют нас.

Они освоились и озабоченно снуют среди решёток на цементном подоконнике. Щебечут. Копошатся. Они привыкли к нам, а я к ним не могу привыкнуть. Их живые голоса расширяют мир... Воробьишки, воробьишки — наши младшие братишки... Душа не нарадуется на них.

Кстати говоря, на здания прокуратуры и суда вы не обращали никогда внимания? Вы не увидите там птиц. Птицы сторонятся этих зданий. Почему?

Крест

Женя Чёрный сидел за убийство. Это был не человек, а пунктирная линия.

Спрашивают у него:

— Ты виноват?

— Наполовину.

— Это как?

— Пятьдесят процентов я виноват, а пятьдесят процентов — водка. Это я из-за неё попал в тюрьму, а трезвый бы не сел.

Женя зарубил соседа. Пили вместе целый

день, потом что-то не поделили, повздорили. Один другого порешил.

В тюрьме Женя долго приходил в себя и отсыпался. Потом вдруг как-то беспокойно стал себя вести и однажды днём тревожно сел на шконке.

— Что-то, бя, покойничек меня стал навещать, — взгляд у Чёрного блуждал. — И главное, не во сне, а в дремоте ко мне приходит, понял, так и нарисовывается с топором в голове. Третий день приходит.

— А давно ты его завалил? — спрашивает Данила, первоход, ему всё интересно.

— Вот, больше месяца прошло.

— И до этого не появлялся?

— Нет. Только сейчас нарисовался. Придёт, я глаза открою, он уходит, и так несколько раз повторяется. Потом я встану, покурю, и он больше не показывается.

— Не страшно? — снова любопытствует Данила. И Чёрный выходит из себя.

— Да ты, ладно, лучше помолчи. Я чего повидал, тебе и не снилось. Живых надо бояться, а не мертвяков.

Женя давит в самодельной пепельнице сигарету, скрючивается калачиком и прячется под телогрейку с головой.

Джунгли

Рустам Джанхотов — сильный духом, справедливый, совестливый человек. У него много литературы по исламу, и он свято убеждён, что

нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк Его.

Я с ним не спорю. Дружба выше разногласий.

Рустам грустно говорит:

— Тюрьма — это изнанка жизни, но отсюда видно всё. Видно, в каком государстве мы живём и как работают суды; видно, кто твои друзья и чего ты стоишь сам.

Я с ним согласен. В тюрьме меньше искушений и грех на душу берёшь не каждый день, но каждый день в неволе проживаешь, будто через дебри продираешься.

Толян

Толян был самым зачуханным в камере. Он был «с приветом», не в своём уме.

Я не позволял себе насмешек по отношению к нему, поэтому он выделял меня среди других и обращался иногда за сигаретами.

Я не курил, но сигареты при себе держал и не отказывал: «Эх, Толя, кабы наша воля, была б у нас другая доля».

Он кивком благодарил и важно уходил в свой угол.

Весь день Толян проводил на ногах. Взрослый мужик, уже за пятьдесят, он насупленно стоял у двери возле крайней шконки и держался за неё рукой.

На вопрос «Что ждёшь, Толян?» сердито отвечал: «Сейчас автобус подойдёт, поеду к Вошке».

Видно было, что ему надоели с расспросами.

Я провёл с ним в камере четыре месяца. Он не понимал, за что попал в тюрьму, и думал, что сидит за алименты, хотя у него не было детей. Он не мог связать двух слов и непостижимо было, как с ним проводили следственные действия, но дело дошло до суда, и только тогда спохватились.

Постановление

Судья Сергеево-Посадского суда Московской области Сазонова Ю.Е. с участием государственного обвинителя — заместителя Сергеево-Посадского городского прокурора Сергеева А.К. подсудимого Кузьмичёва А.Н., защитника-адвоката Есакова В.А., при секретаре Омельченко В.А., рассмотрев в судебном заседании материалы уголовного дела в отношении Кузьмичёва Анатолия Николаевича, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 ч. 2 УК РФ, установил:

В судебном заседании государственный обвинитель заявил ходатайство о проведении по делу амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы подсудимому Кузьмичёву А.Н. для установления психического состояния подсудимого, поскольку, исходя из поведения Кузьмичёва в судебном заседании, его ответов на вопросы, возникают сомнения в его вменяемости.

Адвокат Есаков поддержал ходатайство государственного обвинителя.

Постановку вопросов стороны оставили на усмотрение суда.

Выслушав мнение сторон, судья считает ходатайство государственного обвинителя обоснованным. Принимая во внимание поведение подсудимого Кузьмичёва в судебном заседании, его ответы на поставленные вопросы, суд полагает необходимым назначить Кузьмичёву А.Н., амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу, поставив перед экспертами вопросы в своей редакции.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 196, 253, 283,

УПК РФ постановил:

Назначить по уголовному делу в отношении Кузьмичёва А.Н. амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу, производство которой поручить экспертам Московской областной психиатрической больницы №5.

На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

1. Страдает ли Кузьмичёв А.Н. каким-либо хроническим психическим расстройством в настоящее время и страдал ли таковым в период совершения инкриминируемого ему деяния?

2. Не обнаруживалось ли у Кузьмичёва А.Н. в указанный период признаков какого-либо временного психического расстройства?

3. Может ли Кузьмичёв А.Н. в настоящее время осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства и давать правильные показания?

Предоставить в распоряжение экспертов материалы уголовного дела №Л-725/07 подсудимого Кузьмичёва А.Н.

Меру пресечения в отношении подсудимого

Кузьмичёва А.Н. оставить прежнюю — содержание под стражей.

О дальнейшей судьбе Толяна мне ничего не известно. Думаю, могли, конечно, раньше разобраться и не держать умалишённого в тюрьме, но тогда получится, что следствие, прокуратура, суд вроде как сидят без дела, а так выходит, что работают не покладая рук.

ХОХМАЧ

Рома Уголёк — поэт. Бакинский Миша просит иногда, чтобы Рома сочинил стихи по тому или иному поводу, и временами у них вспыхивают споры.

Бакинский сам не без таланта. Он блестяще менял голоса, и выходили у него дурашливые роли.

Когда в дверной глазок заглядывала дежурная по коридору (продольная), он подскакивал к двери и утробно возвещал: «Ай лав ю!»

Дежурная шарахалась от двери, а Бакинский заполошенно кричал: «Милиция!»

В камере покатывались со смеху.

— Чего орёшь как потерпевший, Миша?!

Бакинский в свои сорок лет никак не становился взрослым человеком.

* * *

Скоро буду стоять у Престола Всевышнего.
И что на чаше весов ляжет в мою пользу?

— Я не был, знает Бог, осведомителем и стукачом.

Зачтётся.

— Кормил птиц, бездомных кошек и собак.

Зачтётся.

— Ну и по мелочам немного наберётся добрых дел.

Не густо... А уже пятьдесят лет жизни как корова языком слизнула.

Путь на зону

Раньше по этапу шли кандалники, пешком, через всю Россию. И люди подходили к ним, подносили медяки, узелки с припасами, крестили на дорогу.

Сейчас и близко не подпустят к заключённому. Овчарки рвутся с поводка, и конвойный с перекошенным от мата ртом и с дубинкой над тобой не разрешает головы поднять и посмотреть по сторонам...

* * *

Я весь извёлся. Так душа просила храмового благолепия, так просила тишины молитвенной, и вот — не чудо ли — я в храме: перед светлым ликом Богоматери, под взыскующими взглядами Святых, у Твоего Распятия.

Первобытная дремучая душа высунулась из меня и робко озирается по сторонам.

На зоне строгого режима возвели нарядный храм. За церковью, уже за зоной, за забором высятся бальзаковского возраста берёзы, и меня не покидает чувство, что в ветвях деревьев хронится Бог.

* * *

За зоной разбросалась небольшая деревушка, и до нас доносились умиротворяющие крики петухов. В иные дни их было не слышать, а иногда они перекликались неумолчно.

Сама деревня словно вымерла. За околицей прихорошилось, поджидая новых постояльцев, молчаливое таинственное кладбище. Среди могил росли высокие деревья, и было их так много, что казалось, будто кладбище находится в лесу.

На зоне взяли моду крутить утром на проверке гимн России. А с барака, из окна второго этажа видно ферму с провалившейся крышей, и куда хватает глаз — запустелые поля.

В одном месте, как на кладбище, покоятся остовы ржавой сельхозтехники.

Смотришь на картину запустения, и, как реквием, всплывают в памяти рубцовские стихи:

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,

И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,

И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,

И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил.

Все поросло бьльём. Только крики петухов тужатся уверить, будто теплится ещё какая-никакая жизнь...

Ритуал

Я, как обычно, на ногах, когда в шесть утра по громкой связи будоражат:

— Внимание! По распорядку дня объявляется в колонии подъём!

...Дождик ещё шёл, но радуга уже перечеркнула пасмурное небо, а неуверенное в себе солнце возвещало робкое начало дня.

За зоной, близко, по высокой насыпи проложена железная дорога, и шум проходящих поездов звучит как музыка. Пока мы стоим на проверке, проходит до десятка поездов.

И в зной, на солнцепёке, и в морозный день, зимой, и под дождём стоят под небом осуждённые.

Проверки, словно ритуал, проводят дважды в день.

Киргиз

Многое осталось в памяти, как угольки забытого костра, но вмещаются в меня чужие судьбы, и звучат людские голоса, не дают покоя.

Мединцев Анатолий Викторович... Погоняло у него Киргиз, даром что он русский.

От века землепашец, бесхитростный и мешковатый, он как был, так и остался крестьянином, тюрьма его отбраковала, не поставила на нём клейма.

Киргиз не просто говорит, он хочет выговориться.

— Я переехал из Киргизии, поэтому меня Киргизом дразнят... Предки были раскулачены и в Киргизию сосланы, прижились там, и я там родился в 1953 году.

А в 1992 году, когда Союз распался, я по переселенческой программе переехал в Россию, в Рязанскую область, со всей семьёй, конечно.

Нам дорогу оплатили, подъёмные деньги дали, коттедж на две семьи, земли тридцать соток; разрешили два года не платить за коммунальные услуги. Приняли на самом деле хорошо. Радушно.

Это Рыбновский район Рязанской области, совхоз «Комсомольский». Я пошёл работать трактористом, жена Ольга Ивановна — дояркой.

А горе к нам нагрянуло в 2004 году, как раз на мой день рождения, мне пятьдесят три года стукнуло. И как случилось? Я делал отопление в котельной, надо было шпаят под муфты нарезать, пошёл на кухню за шпаятом и там с Ольгой поругался, она уже выпивши была, стала ко мне вязаться. Я оттолкнул её, сказал, что некогда мне разговаривать, она схватила меня за руку, стала удерживать, я вырвался, а у меня в левой руке был нож, и как вышло — не знаю, а только смотрю, у Ольги на футболке стала кровь просачиваться. Она глаза закатила и на пол осела. Я стал звать: «Оля, Оля», а она молчит, сидит с открытыми глазами. Я испугался, начал стучать в стенку, звать соседку, чтобы она скорую вызвала, а что было дальше — плохо помню.

Меня арестовали в тот же день. Потом сле-

дователь мне сказал, что я задел артерию, экспертиза так показала, но убивать-то я не хотел, у меня в мыслях такого не было.

Я и следователю говорил, что я убил, но какое же это умышленное убийство? Я же не замышлял убивать, плана такого не составлял, а следователь сказал, что так надо писать.

Я не сдерживаю себя:

— Да одно то, что у тебя нож был в левой руке, говорит об отсутствии умысла на убийство.

Киргиз вздымает руки.

— Какой умысел? Мы прожили вместе тридцать два года, она мне родила семерых детей. Я с ней дружил ещё до армии. Мы привыкли друг к другу так, что она меня знала как облупленного, и я её знал как самого себя. И по характеру мы были одинаковые, что она, что я, могли последнее отдать, нас обоих звали простофилями.

— А ты раньше был судим?

— Нет, не был, и в милицию меня не забирали, я закон не нарушал.

— В тюрьме за что переживал больше всего?

— За всё. И жену жалко было, столько лет прожить вместе, семерых детей поднять вдвоём. Ольга была из детдома, а моя мать нам не помогала, по соседству жила, а не помогала: она только себя любила, говорила нам: «Как нарожали, так и воспитывайте», а чуть что приспишит, так бежала к нам: «Оля, помоги!»

Киргиз косноязычно голосит, передразнивая мать.

— Я места себе не находил после смерти Ольги, потерялся смысл жизни у меня. Потом

встретился с детьми, свидание нам дали, они меня как-то успокоили.

— Не отвернулись дети от тебя? За мать-то?

— Нет. Они боялись, чтобы я не сделал ничего с собой, говорили мне: «Отец, держись, ничего с собой не сделай, мать всё равно не вернёшь».

— Я одного не пойму. Ясно, что несчастный случай, что убийство по неосторожности, ты убил родного человека, самого себя убил...

Киргиз кивает многократно головой:

— Вот это точно, это точно ты сказал, что самого себя убил; пятый год пошёл, а боль не притупляется, и чем ближе к свободе, тем больней: выйду, а Ольги — нет, как жить — не знаю. Пусто на душе. И не выходит у меня из головы, как последние лет двадцать, сколько помню, Ольга говорила, что умрёт, когда ей будет пятьдесят лет... Вот и накаркала: восемнадцатого июля ей исполнилось пятьдесят лет, а третьего ноября я её убил.

— Почему тебя судили за умышленное убийство, как ты думаешь?

— То, что написали «умышленное убийство» — это неправильно. Следователь какую-то ерунду городил, но я ничего не понял.

— А тут и понимать не надо. Они цену себе набивают. Потому что если это умышленное убийство, то, получается, раскрыли особо тяжкое преступление, значит, живут — недаром хлеб жуют; хорошо работают, а за хорошую работу премии, награды, звания дают...

— Вот они и есть враги народа... — кажется, что у Киргиза на зубах хрустит песок.

Я подначиваю.

— Если бы тебя судили, как положено, за убийство по неосторожности, ты мог бы получить условный срок и работать, как работал, у себя в совхозе...

— Да, — соглашается Киргиз, — я бы, может, и забылся бы в работе, а тут я злой стал, нервы у меня теперь не в порядке, это я замечаю за собой, я раньше такой не был.

— Хозяйство-то хоть сохранилось?

— Откуда?! Хозяйство загубили, всё порушили. Мы с Ольгой жили вдвоём, дети давно выросли, стали городскими, у каждого своя семья, за домом некому смотреть; сад весь зарос, я сад сам сажал, своими руками; трактор разобрали, во дворе стоял, один каркас остался, система в доме разморозилась, все батареи полопались, вода вся вышла из системы, паркет вздулся... Не знаю, за что братья, а выходить под зиму, и душа ни к чему не лежит.

Киргиз разглядывает, свесив голову, ладони, но я знаю, что он прячет от меня набухшие глаза.

Эпиграф

Марине Кудимовой

Вологда, 11.02.2009 года. Заседание Президиума Государственного Совета: «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Из выступления президента страны Д.А. Медведева: «Вместе с тем состав контингента исправительных учреждений стал более тяжё-

лым. За последние годы выросло вдвое количество осуждённых за тяжкие и особо тяжкие преступления».

Я понял, что президента дурачат, как и всех, вводят в заблуждение, и решил написать тюремную быль. Умным людям я ничего нового не скажу, они и так до всего дошли своим умом, а вот обывателям, Бог даст, глаза открою.

Во времена СССР, при плановом хозяйстве, на предприятиях, в колхозах занимались приписками и посредством надувательства улучшали показатели работы.

В новых экономических условиях туфта себя изжила, потеряла смысл. И только правоохранительная система живёт по старинке. Даже превзошла себя.

Раскрывать действительно умышленные, заказные убийства кишка часто оказывается тонка, вот и выкручиваются за счёт бытовиков, кормятся и промышляют бытовыми преступлениями. И таких бытовиков с лихвой. На них стоит тюрьма.

Бытовые преступления совершают по неосторожности, при превышении пределов обороны или в состоянии аффекта. Тут, здраво рассудить, беда, а не вина. Но ответственность за бытовые преступления не оговорена, так скроен Уголовный кодекс, и это на руку следователям, судьям, прокурорам.

Бытовые преступления, которые случаются по стечению обстоятельств, выдают за умышленные убийства и наживают статистический капитал. Палец о палец не ударили, а отчёт-

ность по раскрытию особо тяжких преступлений сносно выглядит.

Выгодно со всех сторон. Поэтому убийства на бытовой почве почти сплошь выдаются за умышленные преступления. Особенно жалко женщин, которые срываются, не выдержав многолетних побоев и издевательств со стороны мужей, сожителей, и становятся убийцами. Это почти во всех случаях убийства по неосторожности, в состоянии аффекта, либо это была самооборона.

Следствие, прокуратура, суд повязаны. Им важно оправдать затраты на своё существование и содержание. А общество платит непомерную цену за людоедскую статистику. И никому нет дела до людей. Пусть не путаются под ногами.

Приблизительно три четверти зэков, которые находятся в местах лишения свободы, можно без большого риска отпускать домой. Значительная часть особо тяжких преступлений на самом деле вымышленная. «Из всего тюремного населения только 12–16 процентов заключённых — люди действительно опасные, с соответствующими моральными установками» — кто-кто, а Юрий Калинин знал, что говорил. Он долгое время, много лет возглавлял тюремное ведомство страны.

Больше половины заключённых совершили преступления по неосторожности. Им вместо тюрьмы надо ссылку назначать и отправлять в деревню (или оставлять в деревне), где не хватает рук. Это было бы и по уму, и на охрану не пришлось бы тратиться: они всё равно от себя не убегут...

...Антон Чехов в книге «Остров Сахалин» приводил слова тюремного инспектора, который состоял при сахалинском губернаторе: «Если, в конце концов, из ста каторжных выходит 15–20 порядочных, то этим мы обязаны не столько исправительным мерам, которые мы употребляем, сколько нашим судам, присылающим на каторгу так много хорошего элемента».

Я думаю, слова эти надо аршинными буквами выбивать на фасаде здания каждого суда. Они не потеряли силу, хотя, конечно, время изменилось, круто изменилось, и осмыслить сразу всё нельзя.

На зоне строгого режима можно быстрее встретить невинного, чем найти матёрого преступника. Тюрьма кишит случайными людьми, в основном бытовиками.

Восемь человек из десяти не ударятся в бега, если даже заборы вокруг лагеря снесут. Восемь человек из десяти, которые сегодня даром едят хлеб в колонии, могут с пользой для себя и для страны отбывать срок в ссылке. Надо только «прививать» от водки выпивох. Два-три месяца тюрьмы им хватит за глаза. После можно без конвоя в ссылку отправлять.

Мы, разумеется, знаем, читали про сталинские лагеря, когда отбирали пайку, хлеб, продукты питания, тёплую одежду, убивали за понюшку табака.

Такое было, лагерные летописи нам не врут. Но это государство создавало в лагерях условия, при которых человек переставал быть человеком.

Нынешние лагеря отличаются от сталинских как небо и земля. За последние десятилетия зоны худо-бедно изменились к лучшему. На зоне строгого режима воровства и драк кратко меньше, чем в студенческом общежитии или в казарме у солдат. Зэки сознательно не создают себе проблемы, им достаточно того, что есть и приходится терпеть.

За колючей проволокой открыты и работают храмы, мечети, часовни, моленные комнаты.

Во все места, повсюду можно писать жалобы. Правда, пользы от них ни на грош.

В лагере трудно что-то утаить от глаз. Нет такого голода, как прежде. Хлеб остаётся на столах. Сытой жизнь не назовёшь, но если с воли помогают, то жить можно.

И только исправительные меры, как спокон веков, близки к нулю. Зона умяляет человека и мало кому идет впрок. Человек в тюрьме не исправляется, а подвергается коррозии, как любой другой материал под воздействием вредной среды.

У нас в бараке только восемь человек из двухсот восьмидесяти были старше пятидесяти лет, остальные — молодёжь и люди среднего возраста. Они маются дурью. Это чьи-то братья, сыновья, мужья, отцы, которых не хватает семьям.

Концерт с участием лагерной самодеятельности проводят два-три раза в год, а шмоны, обыски устраивают каждую неделю, а то и дважды в день.

Даже начальник воспитательного отдела хо-

дит по зоне в камуфляжной форме, и этот боевой окрас едва ли настраивает на мажорный лад. Зэки предоставлены самим себе.

Тюрьма выстуживает душу.

В тюрьме горазды растоптать достоинство, отнять здоровье, нервы вымотать, свернуть в бараний рог. Проводят иногда, для галочки, какие-то мероприятия, но проку от них нет.

Реформы сводят к улучшению условий содержания. Грубо говоря, положат плитку на цементный пол в сортире и считают, что реформа проведена.

Зона разрушает человека. После зоны надо по крупицам собирать себя.

Зэк каждую минуту ожидает окрика и так живет годами.

Места лишения свободы надо давно сдать в утиль.

Основным наказанием должна стать ссылка. В России много необжитых мест. Пусть обживают.

В ссылку в любой день приедут близкие, без вздорных разрешений на свидания, а захотят — переберутся и останутся там жить.

Мне довелось присутствовать при кончине лагерной эпохи. Ненужность лагерей сегодня ощущается как никогда. Они своё отжили. За колючим лагерным забором притаятся бараки под снос, и холодный пронырливый ветер во все щели совать будет нос.

Для справки. В 18 веке Екатерина II предложила Англии сбывать в Россию своих уголовников. Англичане оценили предложение, ибо путь в Австралию, куда они отправляли каторж-

ников, был неблизким. И первые английские каторжники прибыли в Россию в 1775 году. Бывших воров и убийц расселяли в причерноморских степях на юге Украины. Их принимали как переселенцев. Они получали в вечное пользование земляные наделы, освобождались на несколько лет от подушной подати, налогов и повинностей. Из казны им выдавали ссуды на приобретение скота, инвентаря и обустройство.

После отбытия срока каторжники были вольны в выборе, вернуться в Англию или остаться жить в России.

К началу 19 века английская колония насчитывала сорок тысяч человек.

Во время Крымской войны 1853 года потомки каторжан создали два полка и воевали против Англии на стороне России. За это Александр II присвоил территориальному объединению потомков каторжан почётный статус — графство Новоукраинская Британия.

Екатерина Великая не побоялась заселить украинские степи английскими каторжниками, а мы безлюдье Дальнего Востока и Сибири боимся соотечественниками оживить. А если, было время, и ссылали, то только для того, чтобы они там легли костями.

История злопамятней народа... Такими словами заканчивает Н.М. Карамзин девятый том своего труда.

* * *

...Вологда. 11.02.2009 года. Заседание президиума Государственного Совета «О состоянии

уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Из выступления президента страны Д.А. Медведева: «В общем и целом снизилось число содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

На начало этого года оно составляет около 890 тысяч человек, но всё равно это очень и очень много».

В кои-то веки молвил президент, но и это не вся правда, ибо многие томятся без вины и проклинают государство, потому что незаконный приговор им выносили именем Российской Федерации.

И государство рушится под тяжестью проклятий: молитва невинного до неба достает.

* * *

...Из выступления президента страны Д.А. Медведева: «В течение очень значительного периода времени, многих десятилетий 20 века, работа нашей уголовно-исполнительной системы, как и в целом уголовная политика в нашей стране, носила преимущественно репрессивный характер».

Очень осторожно высказался, только заикнулся президент, а у Валентина Соколова есть до гениальности пронзительные строки:

Я у времени привратник,
Я, одетый в черный ватник,
Буду длиться, длиться, длиться,
Без конца за вас молиться,
Не имеющих лица.

Эти строки можно брать эпиграфом к последнему столетию России.

На вечной мерзлоте

У зверей в лесу отсутствует аптека и нет скорой помощи. Во время болезни они голодают и отлёживаются, и этого, оказывается, достаточно, чтобы излечить себя.

И я не стал обращаться в санчасть. С неделю отлёживался в бараке, поднимался только на проверки, дважды в день пил пустой кипяток и ничего не ел.

Потом Витя Летунов принес мне брусок сала, грамм на сто, и луковицу. У меня разыгрался аппетит, и я стал поправляться.

Спать ложусь в верхней одежде, на голову нахлобучиваю шапку и опускаю уши.

На вечной мерзлоте души продрог барак, окоченел и почернел от горя.

В таком бараке и неделю прожить трудно, а люди сидят годами.

Под потолком висит «лампочка Ильича», ещё одна перегорела, читать при таком свете нельзя, розетки чуть не вываливаются из гнезда.

Вид у барака нежилой.

Но даже сюда приходила ночами любовь, и губ Твоих изломанные линии я целовал во сне горячим ртом.

А в шесть утра включают радио «Маяк», и репродуктор оглашает лагерь лающими звуками. Можно уловить отдельные слова, но трудно

разобрать, что говорят, и кажется, что репродуктор изрыгает брань.

* * *

В подъезде барака одиноко стоял и разговаривал с кем-то незримым Саша Воробей. Лицо его выражало гнев. Он отчаянно жестикулировал и тыкал пальцем в своего невидимого собеседника.

Ум за разум у него зашел после смерти матери. Воробей ни с кем не общался, только сам с собой. Зэки — тоже люди. И многих из них нужно пожалеть, а не наказывать. Как все люди, зэки очень разные, но их чешут под одну гребёнку и часто не считают за людей.

В бараке двести восемьдесят человек. Бочка арестантов. От окна ни на шаг не отходит наблюдатель. На атасе стоят не за страх, а за чай и курево. Когда атасник видит, что к бараку приближаются сотрудники колонии, он на весь барак кричит: «Контора!»

У зэков в запасе остается несколько минут, чтобы попрятать мобильные телефоны и карты. Игра идёт день и ночь. Под интерес играют не только в карты, но карты — это классика, традиция, обряд.

На зоне отряжают человека, который отвечает за игру и разрешает споры. За счёт игры пополняется общак. А бараки эти, говорят, были построены во время войны, в 1943 году, тут содержали пленных немцев.

Митяй

Митяй — живчик, и не скажешь, что ему шестьдесят пять лет. Невысокий, сухощавый, он ведёт переписку с заочницами и пока предпочтение не отдал ни одной из них.

Митяй каждый день нетерпеливо ждёт, когда доставят письма. В бараке ему не сидится, и он топчется в локальной зоне. Из-под коротких брюк фасонисто выглядывают белые носки. Митяй — стилига на свой лад.

Вместо «здравствуй» — так уж повелось — спрашиваю у него:

— Ну что, Геннадий Николаич, сколько дней осталось?

— Пятьдесят шесть дён. Я шесть раз сидел и никогда не уходил досрочно.

Митяй полжизни отсидел, но говорит: «Вопрос не в том, сколько отсидел, а как. За мной-то хвостов нету, а они, — он кивает неопределённо головой, — смотри, что делают... Вместе хлеб ломают, а потом друг друга вкладывают. Один срок не могут отсидеть путём».

С администрацией колонии Митяй не заедался, наоборот, гнул шапку перед ними, а потом оправдывался: «Это менты, у них нету божеского, им человека убить — раз плюнуть».

Конверт делает его счастливым. Он радуется, как ребёнок. Любит пошутить, но сальных разговоров не поддерживает и кропает, знай себе, стишки:

Нас не смогут с тобой разлучить
Даже тёмные силы закона,

И я буду тебя очень крепко любить
Даже там, где запретная зона.

Стихи Митяев посылает женщинам.

В последние недели он стал замкнутым, неразговорчивым, избегал других.

На вопрос «Сколько дней осталось?» раздражённо отвечал: «Да они, считай, не двигаются ни хрена, как было двадцать дней, так и осталось».

Освободился Митяй 19 августа, на Яблочный Спас.

А следом за ним из нашего барака ушёл на свободу Костя Лисичкин — Костян. Он отсидел тюТЕЛЬКА в тюТЕЛЬКУ одиннадцать лет и освобоёлся по концу срока. Но это уже другая история и другая судьба.

Время не стоит на месте. Время набирает скорость с каждым годом, и чем старше делается человек, тем быстрее оно бежит.

Соперник

Других языков не знаю, не даются они мне никак. Я, наверное, русский до мозга костей. До сих пор помню привкус материнского молока, потому что оно было разбавлено русскими сказками. На русской литературе вырос, русских писателей выделял в ряду других, почитал самыми крупными в мире.

Но вот на зоне среди русских не нашёл себе друзей. Лучшими приятелями были у меня ингуш Рустам, киргиз Руслан, чеченец Ваха и азербайджанец Валид.

...Ваха Умалатов после средней школы соби-
рался поступить в медицинский институт. Его
прочили в хирурги. Так желал отец. Отец у Вахи
был школьным учителем.

Но в Чечне началась заваруха. Вспыхнула
гражданская война, потом схватились с феде-
ральным центром. Молодым стало не до учебы.

Несмотря на молодость — ему только трид-
цать лет, — Ваха сдержанный, степенный чело-
век. Он никогда не суетится. Срок у него был
десять лет, за пособничество террористам, но
он твердил, что его заставили себя оговорить.

В локальной зоне, летом, в жаркий день,
когда зэки раздевались до трусов и загорали,
Ваха оставался в брюках и в чёрной майке с ко-
ротким рукавом. Он не позволял себе на людях
появляться без штанов.

Ваха много лет держался целомудренно сво-
их обычаев и достойно представлял народ.

Мы с ним каждый день играли в шахматы.

За игрой однажды я спросил, как по-
чеченски «хлеб».

Ваха выговорил: «Бепк».

В другой раз я осведомился, как вода.

Ваха молвил: «Хи».

И ещё справлялся, как «свобода». Для зэка
это риторический вопрос.

Ваха проглотил кадык: «Маршо».

Мне показалось, что чеченские слова тяже-
ло произносить, и я не стал учить язык.

Через несколько дней, за очередной парти-
ей в шахматы Ваха вдруг внезапно поинтересо-
вался у меня, почему я спросил только эти три
слова.

Я пожал плечами.

Ваха покачал тяжеловесно головой и сказал,
как будто выдал мне большой секрет:

— Это три самых главных слова.

Я подумал и в душе согласился с ним.

А в шахматы у нас был общий счёт ничейный.

Кучум

Высокий, плечистый и худой, Алексей Кучумов умел радоваться самой малой малости.

Возьмёт за живое музыка, и Кучум вытанцовывает прямо на плацу. На виду у всех. Корявое лицо его преображается.

Он топчется, как слон, вокруг себя, переступает с ноги на ногу, в поясе перегибается, локтями ловит такт, и даже пальцы на руках что-то у него стригут.

А вот припевка у Кучумова одна:

Гоп-стоп, Канада,
Нам рублив не надо.
Долларей нам дайте,
А вы, хлопцы, грайте!

На любую музыку положит и речитативом выговаривает в склад и в лад.

Барыга

— Чича, скоро освобождаться?

— Два года ещё

— А сколько уже «взял»?

— Тринадцать. Сроку у меня, как у дурака махорки.

Чича, бывший лагерный барыга, вышел только что из СУСа. На строгих условиях содержания провёл два года, осунулся конечно, возраст исподволь своё берет: Чича разменял шестой десяток.

По-настоящему его зовут Чичахулав. Он из Дагестана. Кряжистый, крепкий человек.

На свободе возил водку из Москвы в Архангельск. У Чичи была своя фура. Зарабатывал с лихвой. Но однажды с ним не расплатились, и он убил должника.

Я застал на зоне время, когда Чича был барыгой, поэтому могу сравнить.

— Торговля без тебя пришла в упадок, Чича.

Он немного оживился.

— Я был барыгой восемь лет. Положенец подтянул и предложил. Я согласился, чтобы время убивать, день улетает быстро, а так, когда сидишь без дела, время долго тянется.

В лагере никто сам торговать не может. Если надо что-нибудь купить или продать, идут к барыге. Я пахал без перерывов и без выходных. У меня была своя каптёрка, где хранился мой товар.

На сигареты, чай накручивал от трёх до пяти рублей, на продукты питания побольше.

Спирт продавал, а наркотиками никогда не занимался...

(Со спиртом у Чичи были связаны не лучшие воспоминания, и если он, случалось, носил тёмные очки, чтобы скрыть синяки под глазами, значит,

опять кто-то посчитал, что спирт был разведён...)

В колхоз, в смысле на общак, отдавал только наличку.

Шмотки вообще шли дёшево, какую-то вещь, которая на воле стоит тысячу рублей, на зоне можно было взять за сотню. Кто приезжал в хорошей одежде, продавал: пить, кушать хочется, а кто освобождался — покупал.

Потом, в 2007 году, всех одели в робы, и торговля шмотками отошла... Чем только я не торговал, на всё накручивал свою копейку и ничего за годы не скопил. Вся прибыль уходила у меня на водку и игру... — Чичу больше всего огорчало это обстоятельство.

Погорелец

Последняя декада марта. На улице становится все весней и весней. Но беда не выбирает время года, и 22 марта стал для Давида чёрным днем. Он попался на крысятничестве, на том, что воровал у своих.

За это бьют на зоне смертным боем.

А было так. Заметили, что пропадают из каптёрки сигареты, пошли на уловку. Распотрошили несколько пачек, серу от спичек измельчили, добавили в табак и нашпиговали такой смесью сигареты. Известно это было узкому кругу лиц.

Скоро обнаружилось, что кто-то умыкнул очередную пачку. Стали ждать. И вот перед проверкой, когда уже вышли из барака и топ-

тались кучно на плацу, у Давида во рту пыхнуло, да так, что он перепугался больше всех. От неожиданности... Так и погорел.

Чемпион

Володя Зименко — уроженец Краснодара. Был чемпионом края среди юниоров по борьбе, попал в сборную России и стал чемпионом СССР.

А потом как сглазили, пошел счёт поражениям.

Мы познакомились в колонии, где поголовно бредят прошлым, и Зименко было, что вспоминать:

— Борьбой я начал заниматься подростком, и победы, можно сказать, шли мне в руки. Я хорошо чувствовал ковёр.

Два года выступал за сборную России. У меня дома столько медалей, столько кубков, что места не для всех нашлось.

В сборной познакомился с Карелиным. Сашу привезли из Красноярска. Он был на год старше меня, но выглядел исполином, при весе сто тридцать килограммов у него не было ни одного грамма жиринки.

Спортивная база нашей сборной находилась тогда в Ростове, а под Ростовом было расположено армянское село Чалтыр, там на то время жило около десятка бывших чемпионов мира и Европы по греко-римской борьбе. Естественно, их сыновья, племянники, вся родня были мастерами.

Саша Карелин в Чалтыре боролся, схватки проходили очень быстро и заканчивались его победой. Все увидели, что это русский богатырь, самородок, какие рождаются один раз в сто лет. Он делал такие вещи на ковре, какие до него никто не делал.

Он был моим другом, как и Алик Жанэтль, адыг по национальности, из Энема. Мы вместе ходили на дискотеки, принимали участие в стычках с местными, с ростовскими, в парке Горького, колотили их и убегали.

Вместе выиграли первенство России в Горьком, потом первенство СССР в Донецке, на стадионе «Авангард», в 1984 году.

Уже тогда вокруг Карелина крутилась пресса, он блестяще выступал и был везде на первом плане, а мы отошли на второй. У него была такая экскаваторная (руки снизу) манера бороться, и он этой своей манере никогда не изменял.

Человек сам по себе он незлобивый и немногословный. Вывести его из себя было очень сложно.

Из сборной я ушел в армию. Это было в 1985 году. В армии попал в дисбат за неуставные отношения. Дисбат находился в Ростовской области, в поселке Каменоломни. Там судьба свела меня с Ростиком Бутуевым, он раньше тоже был членом сборной России по борьбе, а теперь служил в охране. Мы встретились, поговорили. Ростик был соперником Карелина и представлял серьёзную угрозу для него, но Саша по своей природе пахарь, а Ростик был ленивым и любил поспать.

Потом я следил за Сашиними выступлени-

ями. Он выиграл три Олимпиады, и меня это всегда радовало. Каждую Олимпиаду я за него болел, у него почти всегда борьба заканчивалась в первом периоде, до второго редко, очень редко доходило.

Трёхкратного Олимпийского чемпиона в греко-римской борьбе еще не было в истории. Николай Балбошин был двухкратным, Карелина можно считать хозяином ковра. Это легендарный спортсмен и борец. Такого человека больше нет, он один на всю планету.

Сейчас у нас 2013 год, значит, Сашу я не видел двадцать восемь лет. И на связь не выходил, не пытался даже. Неудобно к человеку лезть, когда он на вершине славы, но, думаю, что он меня не забыл, а вот захочет теперь зняться или нет — не знаю. Но сейчас я бы к нему обратился и попросил, чтобы он помог мне выбраться отсюда. Стыдно — да, неловко — да, но перед ним я бы не стеснялся.

Я попал сюда за травку, коноплю употреблял, она у нас везде растёт в Краснодарском крае, получил пять лет. У меня дома дочка Дарья, девочке девять лет, она сама корову доит, печку топит и не понимает, за что папа сидит.

Голос чемпиона СССР осёкся, и желваки на скулах сжались в кулаки.

Зименко — безотказный человек. Поможет всем, чем может, но сам обременять кого-то просьбами своими не привык и Карелину, конечно, не напишет. Он это только для острастки говорит.

Марочкин

Обиженные ютятся в своем закутке, у входа в барак, возле двери. Их там человек двенадцать, может быть чёртова дюжина, не больше.

Обиженные — как прокажённые. С ними можно разговаривать, но за руку здороваться нельзя. Взять у обиженного что-нибудь съестное — значит самому подвергнуть себя риску оказаться среди них.

Обиженные знают своё место. На проверке в общем строю не стоят, спят и едят отдельно от других; выполняют грязную работу: моют пол, выносят мусор, драят умывальник и сортир.

Среди них выделяется высокий ладный парень — Женя Марочкин. Силы у него хоть отбавляй, с избытком хватит на двоих, но сила не спасла его от жалкой доли.

В руках у Жени веник и совок. Деньдешской он ходит по локальной зоне, собирает мусор и бычки.

Как ни старается, но всё равно не угодит. Начальник отряда мимо не пройдёт, чтобы не ткнуть носом:

— Что здесь опять?! Я же сказал: убрать!

Марочкин хватается за голову:

— А что я сделаю?! Я только тут убрал, спросите у кого хотите, и опять окурков накидали... — У него обиженное, не своё, как будто у кого-то взял взаймы, лицо.

Гнилая опора

Старшего дневального барака в просторечии зовут завхозом. Зона видела козлов, но таких, как Саша Новиков, надо было ещё поискать. Днём с огнём не сыщешь.

Туфли Саша Новиков носил модельные, ему, не как другим, давали разные поблажки, и он с ухмылкой говорил: «Прохаря — лицо жигана». А душа была червивая, и глаза липучие, казалось он обыскивает взглядом.

Саша был опорой лагерной администрации и с доски почёта не сходил.

Морда у него была изъедена пороками ровно что червями. Он всё время пакостное что-то замышлял... С левой стороны под рёбрами выколота свастика и чернела в жирных складках живота.

Походку Новиков однажды у кого-то подсмотрел и примерял усердно на себя. Ходил вразвалку, ноги-руки при ходьбе выбрасывал по сторонам. Но вид всегда был у него такой, словно его только вытащили из помойного ведра или из мусорного бака и он не успел отряхнуться и прийти в себя.

Однофамилец

Барак был расположен возле вахты и проглядывался очень хорошо. Над входом в барак кидается в глаза плакат «Главная цель наказания — не покарать, а перевоспитать человека».

Присобачили плакат много лет назад.

Заместителем начальника колонии был мой однофамилец Максим Вячеславович Смирнов. Он изрядно толст, хотя и молод, и нарисовать его легко. Он собран из овалов: один овал на месте живота, другой — задница, и два розовых овала вместо щёк.

Смирнов у каждого оставил память о себе.

Борю Колмакова вызвал он в чужой барак и распорядился проводить ремонтные работы.

Боря через толстые очки узрел, что от него хотят, и заартачился.

Смирнов взъярился.

— Значит, в СуС пойдёшь, на строгие условия, и будешь там блатным носки стирать.

— Ага, всю жизнь мечтал... — Боря как-то сник.

Смирнов счёл, что устрошил, и по-барски сменил гнев на милость.

— Иди переодевайся и начинай работать.

Боря пошёл в секцию, где жили местные дневальные, стал стаскивать с себя одежду и всё время приговаривал, не обращая ни к кому:

— Сейчас переоденусь и начну, сейчас переоденусь и пойду, робу только сейчас скину и начну...

Дневальные смотрели на него с недоумением.

До пояса раздевшись, Боря достал лезвие из пояса штанов и полоснул себя по животу.

Дневальные, как будто их ошпарили, выскакивали с криком:

— Максим Вячеславович! Максим Вячеславович! Он вскрылся!

Смирнов в два прыжка очутился возле секции дневальных и с порога зарычал:

— С ума сошёл?! Дебил?! Причина?!

Боря сверкнул стёклами очков:

— Я не дневальный по вызову.

— Давай бегом в санчасть, потом разберёмся!

Начальник санчасти фельдшер Алексанкина раны обработала, спросила:

— Зашивать или пока не надо, а то опять порежешься?

Боря шмыгнул носом:

— Это не от меня зависит: если в покое не оставят, опять вскроюсь.

Алексанкина зашила Борю, и на зону он поднялся, когда сняли швы.

А у Петрухи Бехтерева на всю жизнь останутся свои воспоминания. На вахте Максим Вячеславович пнул его ногой. Удар пришелся сзади, выше копчика, и Бехтерев потом всем говорил: «Я не знаю, нерв он перебил мне или что, но я не чувствовал ногу, она отнялась у меня, и я два месяца ходил на костылях. Потом вроде отпустило, но до сих пор — прошло два года — иногда прихватывает и хожу с трудом».

Егор Москвич запомнит заместителя начальника колонии по другому поводу.

Вызвали Егора в штаб. Пришёл. В кабинете сидят зэки-бригадиры, вольные мастера и несколько офицеров. Смирнов развалился во главе стола, отодвинул кресло до стены и ногу положил на стол.

— Ну что, работать будешь?

— Я на швейку не пойду, у меня глаза пло-

хие, на любую другую работу — пожалуйста: на лесопилку, в РМУ, на модуль...

— А мне кажется, что если тебе дать по почкам, то согласишься и на швейку? — Разговаривал однофамилец на блатной манер, долго пережёвывал слова во рту и выплёвывал потом через губу.

— Как вы разговариваете? — Егор — книгочей, и слова приходят ему сами на язык. — Вы заместитель начальника колонии и такое позволяете... Прилично так себя вести?

Смирнов сорвался с места, подскочил к Егору, толкнул его на стенды, обыскал, карманы вывернул, потом сгрёб за шиворот и вытолкал за дверь.

...Со мной однофамилец с некоторых пор не связывался, но держал себя всегда заносчиво.

— Ну что, Писатель, написал стихи?

— Я не пишу стихи, не получают.

— А что ты пишешь каждый день?

— Жалобы в прокуратуру.

— Мало дали? — на ходу бросал однофамилец, и было видно по нему, что он собой доволен.

* * *

Витя Бершатский ходил подпрыгивающей походкой и размахивал руками так, что, казалось, вместо рук у него болтаются пустые рукава.

На Витиной куртке со спины издалека видны три жёлтых буквы: СДП. Они как клеймо, которое не смоешь за всю жизнь.

В секцию дисциплины и порядка уважаю-

щий себя арестант не вступит. А Витя долго не раздумывал и закладывал теперь других азартно, по любому поводу. В этой жизни он нашёл себя.

Луч света

На проверке, пока разбираются в строю, цыган Лёня пятится назад и натывается на Васю Марафета, а тому только дай повод:

— Слышь, цыган, а тебе зеркало заднего вида не надо?

— Зачем? — тупит Лёня.

— А чтобы не заехать, когда задом будешь давать?

Цыган улавливает каверзу и пылко говорит:

— Я не буду задом давать, понял?

— А вдруг? — усомнился Марафет.

— Я сказал, что не буду.

— Он сказал... А кто ты такой есть?

— Слышь, будешь так базарить, я тебе сломаю ногу, понял?

— А здоровья хватит?

— Хватит. Онанисты — парни мускулисты.

Оба от души смеются. Правда, иногда, случается, что друг на друга дуются и день-другой не разговаривают, но на большее их не хватает. Вася не любит томиться в строю, пока тянется проверка, и даже когда не о чем говорить, находит тему для разговора и старается не переборщить.

Густо сыпет снег. Снежинки опускаются, как на парашютах. Мы уже замёрзли, топчемся

на месте. Воротники подняли, головы втянули в плечи, чтобы снег не попадал за шиворот.

Вася тихо напевал, и песня словно складывалась по слогам:

Ах, до чего, ах до чего жизнь наша тяж-ка-я,
Какой кошма, какой кошмарный пройден
путь.

Теперь уж по, теперь уж поздно то оп-ла-ки-
вать,

Чего обра, чего обратно не вернуть.

Он всегда выкладывался только на один куплет, а потом, как жилы из себя, тянул мелодию, которая как будто задыхалась у него под сводами груди.

Вася просидел так долго, что страшился воли. На зоне жизнь какая-никакая, но налажена, тут человек обжился и привык, а на свободу он выходит в неизвестность.

...В бараке меня поджидает Кеша. Бог послал мне утешение в образе котёнка, больного лишаем. Его сторонились, боясь заразиться, а он был пришиблен и не понимал, почему раньше с ним возились, а теперь гнали от себя.

Я выходил и вылечил его и так прилип к нему душой, что если бы понадобилось Богу чья-то жизнь, то я бы с радостью отдал свою, лишь бы сохранить котёнка. Он скрашивал мою неволю, с ним оттаивала мёрзлая душа.

* * *

Лёня Тарасенко — цыган по национальности, русский по характеру, а погоняло у него «Барак Обама».

Едва уловимое сходство с президентом США

достигалось за счёт смуглой кожи и улыбки, которая не сходила у него с лица.

Лёня находил подход к любому человеку.

Боль

Низкий и приземистый барак, где помещались камеры ШИЗО и ПКТ, был отчуждён от зоны каменным забором.

В изолятор я попал за Ибрагимова Арзу, был у нас в бараке гнусный и растрепанный тип из Азербайджана.

Он плеснул нарочно кипятком на моего кота, и я двинул ему в зубы.

Арзу побежал на вахту.

После изолятора меня перевели в другой барак, где содержались отрицательно настроенные осуждённые. Они не выходили на работу, кочевряжились: «Пускай работает железная пила, не для работы меня мама родила...» Играли в карты по ночам и были не в ладах с администрацией.

А кот пропал и нигде не появлялся. Я проглядел глаза. Прошло больше месяца. Я мысленно похоронил кота, оплакал. И вдруг он притащился к мусорным бачкам в локальной зоне. Я едва узнал его. Он был хромой, облезший, тощий, с гнойными ранами на спине и на боку.

Я глазам не верил. Где он пропадал, где обретался и как жив остался — никогда, наверно, не пойму.

Голод вывел его из убежища на поиск пищи, а я вышел из барака подышать, и мы столкну-

лись с ним нос к носу. Он был потрясён не меньше моего.

Я позвал кота по имени, и он жалобно, протяжно отозвался. Я взял Кешу на руки и прильнул к нему душой.

Это было чудо для меня, потому что он воскрес из мертвых. Я возблагодарил Бога и забрал его в барак, и никто из зэков слова не сказал, хотя вид у блудного кота был хуже некуда.

С обретением кота я потерял покой. Выклянчил в санчасти левомеколь. Юра Кемеровский из своих запасов дал бинты, и я взялся Кешу врачевать.

Нянчился с котом, ходил за ним как за ребёнком. Старался вкусно накормить, но он ел мало и с трудом; зато много спал и шконку без нужды не покидал.

На узкой и железной шконке тесно было нам вдвоем, но в тесноте да не в обиде жили мы с котом.

Три недели я выхаживал кота, отдавал ему всего себя и дрейфовал между надеждой и отчаянием. Но не наступало облегчения. Кеша угасал. Его мутило. Он еле ковылял и с нижней шконки не решался прыгнуть на пол. По нужде я выносил его в локалку на руках.

Казалось, кто-то в ключья раздирает душу, а я ничего не в силах предпринять.

С утра 13 октября Кеша ничего не ел, уткнулся носиком в желток яичный и сопел.

После утренней проверки я лёг на шконку рядом с ним и, затаив дыхание, обнял его, тихонько гладил, ласково шептал и повторял, как мантру, сокровенные слова. Кеша изредка сто-

нал, перебирая лапками, казалось он цепляется за жизнь, и умер ближе к полудню на моих руках. Было ему полтора годика.

Я положил Кешу в свою наволочку и закопал на целине между двумя локальными зонами, под глухим забором из листового ржавого железа.

До скрежета зубов хотелось взять заточку и наведаться к Арзу, но к нему было не пробраться.

Горе спазмами сжимало моё сердце.

Я не выходил кота и казнил себя за это. На шконке пустовало место, где он спал, и пусто было на душе.

Я не стеснялся слёз. До основания, до дна содрогалась душа, как будто выворачивалась наизнанку. Но ведь не скажешь: «Господи, верни!» — второй раз не вернёт, хотя для Бога ничего нет невозможного, и язык не повернулся попросить.

Жизнь состоит из обретений и потерь, но горе всегда больше радости.

Дело случая

Олег Васильевич Агальцев тяготится зоной. Видно по человеку. Дело случая, что он попал в тюрьму.

— Просто на его пути попала гнида, и он эту гниду раздавил, — так выразился Вася Марафет, и все молча согласились.

Агальцев проработал тридцать лет на шахте и одиноко жил на пенсии. Жена умерла, и он посвятил себя дочери и внукам.

Две внучки искупали всё, что в жизни не сложилось.

Под Новый год понёс продукты дочери и вместе с зятем выпил, никак было не отвязаться от него. Зять потерял меру, что с ним бывало, и стал бить жену. Васильич заступился за родную дочь и попал под пьяную руку.

От удара повалился на пол, неуклюже подхватился и на всю квартиру закричал: «Ну, гнида, я тебя убью!»

Отыскал глазами нож и кинулся на зятя. Тот набычился, стоял, подавлял икоту, в мыслях у себя не допускал, что дед его пырнёт. Но судьба поставила подножку. Васильич впопыхах споткнулся и с ножом на зятя налетел.

Схлопотал шесть лет. За умышленное убийство, хотя тут как сказать — не знаю.

В колонии Васильич, несмотря на возраст, выходил работать. Напросился сам. Не привык сидеть без дела.

Самой большой радостью были для него рисунки внучек. Детские рисунки он ценил выше полотен мастеров и любовался ими бесконечно долго.

Внучки часто присылала ему письма.

Я как-то у Васильича спросил:

— Не жалко зятя?

Он долго думал, будто взвешивал, потом сказал:

— Жалко-то жалко, любого человека жалко, только он не стоит моих шести лет. Мы тут сидим, и пользы никому нет: ни себе, ни людям. Душа у меня не на месте, вот что.

Отрава

На зоне Женя Мухин сочинял стихи, которые без оговорок можно отнести к подлинной поэзии.

Очи вечера тают в закате,
Жметя дрёма у вязких болот.
Появляется в заревом плато
На деревню родной поворот.

Те же самые видятся крыши,
Те же самые крики стрижей,
Только сам я немного повыше,
Только сердцу намного свежей.

Добрый край! Не отвергни бродягу.
Были все о тебе мои сны.
Сберегая по Родине тягу,
Возвращаюсь я с ветром весны.

Стёжка весело стелется, льётся.
Лаповитые ели вокруг.
И морщинками тихо смеется
Старый дуб, молчаливый мой друг.

Тянет соками трав из оврага,
Майский жук на березе бубнит,
И цветочная в воздухе брага
Долгожданным покоем пьянит.

Вот уж дом, и меня поджидают.
Видно, кот умывался весь день.
А в лугах с упоеньем сшибают
Ребятишки вечернюю звень.

Не встречай меня, мама, слезами,
Не тревожь мою душу, не плачь.
Я твоими святыми глазами
Тяготился, как жертвой палач.

Женя Мухин, как последние аккорды, брал свои стихи, и я грелся возле них, как у костра.

...Муха спал в бараке под окном. Форточка была открыта у него зимой и летом. Круглый год. Он боялся заболеть туберкулёзом... Десять лет в колонии провёл, а на свободе года не прожил и умер, как ходили слухи, от наркотиков.

КАИНОВО СЕМЯ

Виталию Скворцову тридцать три года. Раньше он считал, что в тюрьме сидят отпетые преступники, и не думал, что однажды сам он попадет в тюрьму. Но убил родного брата и оказался среди тех, кого всегда чурался.

В колонии освоился. Каждый день читает Библию, но верит он не в Бога, а в себя.

Первое убийство на земле произошло в ветхозаветные времена. С тех пор прошли тысячелетия, но братоубийствам нет конца. Почему? Я спросил однажды у Виталика.

Он для себя находит оправдание:

— Дело в том, что Каин убил Авеля из зависти, а я оборонялся. У нас так получилось, что брат меня избивал и грозился убить. Он мог ночью подойти ко мне и спящего ударить. Посмо-

три, всё на моем лице написано: нос сломан, вмят, на подбородке шрамы, кожу зашивали в четырёх местах...

Про себя Виталик ничего не говорил, но все знали, что он на свободе только за бутылкой бегал в магазин.

Увечная правда

Елена Андреевой

Он не стал для матери подарком, хотя родился под Новый год. Мать отказалась от новорождённого.

Но судьбе показалось мало, что он сирота, надо было у него отнять ещё и ноги. Лёня Корсаков представлял из себя половину человека, ног у него не было совсем, и он передвигался на инвалидной коляске.

Меня в нём поражала жажда жизни, и однажды мы разговорились. Лёня не пенял особо на судьбу.

— Я родился в Кемеровской области, в городе Ленинск-Кузнецкий. Мать меня оставила в роддоме, и я свою мать никогда не видел. Жил до семи лет в детском доме. Потом меня отправили в школу-интернат, там я учился до седьмого класса, когда беда эта со мной стряслась: поездом отрезало мне ноги.

Я рос хулиганистым, но в интернате все такие были, и крали с малых лет, потому что государство не оденет, как хотелось, конфет не купит, на мороженое не даст.

— Как ты пережил потерю ног?

— Сначала я не верил, думал, это сон, проснусь — и всё будет нормально. Попал в институт протезирования в Новокузнецке, два года там провёл. Мне протезы сделали, один протез весил шесть килограммов, я ходил, как терминатор. Поэтому в основном передвигался на ко-

ляске, но я быстро ездил, меня даже Шумахером прозвали.

— Стоп, Лёня, только честно, ты сначала думал — сон, но потом, когда проснулся, понял, что ног нет, — мысли о самоубийстве приходили?

— Нет, никогда, клянусь, я отвечаю честно. Просто шло привыкание к новой жизни, стал спортом заниматься, там же специализированный институт и для инвалидов были созданы условия, чтобы они могли спортом заниматься. У нас даже бассейн был, и я плавал, чтобы научиться держаться на воде без ног. А после института меня отправили в специальный интернат для инвалидов. Там я приловчился красть, в основном по карманам лазили, шмыгали возле магазинов; если пьяный подвернётся, мы его обчистим, а так чтобы специально шли на кражу — нет, такого не было.

Когда стал совершеннолетним, меня перевели в другой дом инвалидов, там же, в Кемеровской области, а в 1996 году друг детства, Саша, — он тоже сирота, мы вместе были в школе-интернате — предложил перебраться в Москву.

В Москве мы сняли квартиру, сошлись с московскими карманниками, Саша был вхож к ним, и пять лет проработали в метро.

— Проработали?

— Да, это мы так называем. Потом Сашка исчез, как будто в воду канул, у меня появился другой товарищ — работают всегда вдвоём. Звали его Ромка. Он был беженцем из Азербайджана и с малых лет работал по карману.

У него, можно сказать, был криминальный талант. К нему многие тянулись, но он выбрал меня. А познакомились мы на Курском вокзале. Карманники всегда там собираются, перед тем как спуститься в метро. Ромка вытащит и мне передаёт, чтобы его с поличным не взяли. Я очень быстро научился различать подставы. Мне достаточно было взглянуть на пьяного, и я уже на сто процентов мог сказать, подстава это или нет.

Работали мы по вечерам. Бывало, сразу деньги поднимали, а бывало, что спускались в метро несколько раз. У каждого карманника своя линия в метро.

Деньги в основном тратили на развлечения. Ромка помогал родным. Я любил сидеть в компьютерном кафе, по интернету лазил, смотрел фильмы и понемногу откладывал на импульсные протезы, они работают на биотоках, один протез стоит шестнадцать тысяч долларов.

Мы вместе с Ромкой провели шесть лет, а потом нас приняли в метро, мы попались с телефоном. Тогда я получил свой первый срок. Мне дали год, а Ромке два с половиной года.

Десять месяцев провёл в тюрьме, а приехал в колонию, в Орловскую область, и пора была освобождаться. Отпустили на четыре стороны, и я опять за старое. А что? Ни отца, ни матери, ни родины, ни флага. И уже по-крупному попался. Сейчас сижу за магазин, набрал фотоаппаратов на полтора миллиона рублей. Это было девятого мая, на праздник, в центре Москвы, на Новокузнецкой, магазин «Мир фото» называется. А вышло всё случайно. Охранник

из магазина вышел к киоску пива попить. Он уже поддатый был, и я подъехал на коляске за водой. Мы познакомились. Он пригласил меня выпить в магазин. Ему одному скучно было. Я ему побольше подливал, и он уснул прямо на диване.

Я объездил магазин, вскрыл ножом витрины, охранник сам отключил видеонаблюдение, чтобы не видели, что постороннего пустил. А меня сняла уличная камера, вот этого я не учёл, и меня потом вычислили. В конце мая приняли второй раз, и срок у меня теперь четыре года.

— Пенсию по инвалидности ты получал?

— Пенсия была, но она маленькая была, я даже не помню сколько. Я ведь как уехал в Москву, так нигде не становился на учёт и пенсию не получал. А теперь — другое дело. Судят меня как инвалида первой группы с детства, вот приговор у меня на руках. Судят как гражданина России, а в зоне выясняется, что я не гражданин России, потому что у меня паспорта нет, и пенсию не оформляют.

Делают запрос в Кемеровскую область, где я паспорт получал, оттуда нет ответа, и так эта канитель год тянется. Видят, что я в инвалидной коляске, что без ног, а инвалидность не оформляют и пенсию не дают. Это такая несправедливость, что мои кражи по сравнению с ними — это ни о чём. В тюрьме вся сущность жизни познается. Не зря же говорят: кто был в тюрьме, тот в цирке не смеётся.

— Лёня, получается, что у тебя нет выхода: освободишься — и опять в метро?

— Может быть, получится найти своих родителей, я устал от бесприютности, хочу затеять поиск, как-то заиклился на этом, хочу написать в программу «Жди меня», может быть они помогут. Если родителей найду, начну другую жизнь, семьёй обзаведусь. Я мог бы на компьютере работать и содержать семью. У меня был друг Алеша, Мошкин Алексей, мы вместе протезировались в институте, у него ног нет, но у него свои колени, так он по горнолыжному спорту на Паралимпийских играх занял первое место. Привет мне передавал. Видишь, как у него сложилось. А у меня по криминалу пошло. Но у него родители, отец и мать, ему, конечно, легче, у него поддержка есть.

— Лёня, а если государство обеспечит тебя импульсными протезами, назначит хорошую пенсию, ты пойдёшь воровать?

— Нет, конечно.

— А по привычке? Привычка — вторая натура.

— Нет. Я отвечаю. Как может человека потянуть в тюрьму? Это я от безвыходности воровал.

Лёня на меня смотрел как на дурачка, и я понимал, что молол пустое: государство предпочтёт опять запихнуть его в тюрьму, но не станет раскошелиться на протезы.

Трифон

Дед Савин Алексей Федотович досиживает свои восемь лет и сетует:

— На детство выпала война, а на старость лет — тюрьма. Про конфеты я не знал лет до восьми. Отца призвали сразу, как началась война, а в декабре он уже погиб: самая свалка там была, когда Москву держали. Потом фронтовики рассказывали, что сибирские дивизии спасли Москву...

Дед Савин разворачивает карамельку, кладёт в рот и жмурится от удовольствия.

Володя Трифонов на двадцать лет моложе. Ходит весь свой срок с протянутой рукой:

— Дай конфетку.

Савин поджигает губы, угощает и велит:

— Расскажи, что в мире делается?

— Во! Что делается?! — Трифон любит лясы поточить. — А сами чего новости не смотрите?.. В конце мая в Магадане выпал снег. За один день месячная норма. Во! Природа как медведь. Медведь спит у себя в берлоге и лапу сосёт, или что он там сосет — не знаю. Не тронь его, и будет спать спокойно, а потревожь — и он пойдёт всё на своем пути крушить. Так и природа, лучше с ей не связываться.

— Балабол ты, Трифон, иди, куда шёл.

Трифон на слова не обижается.

— Дай ещё конфетку, и пойду.

Савин тянется за костылём:

— Иди от греха подальше.

Трифон понимает, что ничего здесь больше не обломится, и топает на поиски в другое место. Ходит, косолапит. Одну руку держит за спиной, а кажется, что камень носит у себя за пазухой.

Кто бы мог подумать, что Сапунов Олег умрёт.

До тюрьмы занимался борьбой, был мастером спорта по борьбе, не курил, не пил и вдруг превратился в тридцать с небольшим.

В подъезде барака, сразу после утренней проверки, неожиданно упал, но тут же встал, поднялся на ноги, с удивлением сказал: «Ничего себе, что это со мной такое...» — даже выдавил улыбку из себя, потом шаг ступил и снова рухнул, словно ему сделали подсечку.

Его пытались как-то привести в себя, потом положили на одеяло и бегом снесли в санчасть, но ничего не помогло, отдал Богу душу.

Старичок-боровичок

Из столовой мы выходим вместе. На улице жара. Разморённый сержант встречает матом:

— Застёгиваемся!.. Какого хера разделись до пупа?! Каждому орать, что ли?! Застегнулись!.. Стали в строй!..

Нехотя сбиваемся в толпу и, как гурт, пылим в барак.

Дед ни на шаг не отстаёт, словно боится потеряться. Он на зоне новичок. Скопив глаза, на бирке у него читаю: Сачков Николай Иванович, сто пятая статья, срок девять лет.

— И кого ты, Николай Иванович, спроводил на тот свет?

Дед приосанился.

— Плохого человека, туда ему и дорога.

Он сидел за изнасилование, освободился и ко мне зашёл, с бутылкой, мы по соседству жили. Зайти-зашёл, но забыл, похоже, что в гостях, стал оскорблять меня в подпитии, руки распускать. Я на него ружьё наставил, говорю: «Уходи, Валерка, по-хорошему». А он кричит: «Стреляй, старый пидор!» Ну я и выстрелил, раз просит. Волю человека надо уважать.

Дед не сокрушался, не кручинился и ни о чём не сожалел, хотя большой срок был для него как билет в один конец. А я уже на зоне пообтёрся, всего насмотрелся, и рассказ на меня впечатления не произвёл.

Самоубийцы

Мишка Зимин сидел за то, что убил жену. Из ревности убил. И теперь не жил, а маялся. Каждый день был для него как мука. Но мучился он не тюремным сроком, нет, а памятью о ней.

Как Бог определил: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою» — так, кажется, звучит в Апокалипсисе.

Люди жили умом, а Мишка жил душой. Но душа у него была мягкой, словно воск, и поэтому он таял на глазах, как свечка. А под конец срока вовсе сдал. Ни Богу свечка, ни чёрту коцера. И всё-таки никто не мог предположить, что он покончит жизнь самоубийством... В день освобождения.

Надо же рехнуться, чтобы в такой день!

Мог бы жить и жить, да не зажился. И так

вышло, что срок лагерный и срок земной закончились для Мишки в один день.

Утренняя проверка затянулась. Не могли досчитаться одного человека.

Проверяли по карточкам, пересчитывали, наконец пропажа обнаружилась.

Оказалось — Серёжа Молдаван, из восьмого барака. Он повесился. Втихаря, пока не хватились.

Кто-то недоумевал: «Вроде был весёлый парень и не унывал, что-то на него нашло».

Кто-то рассуждал: «С бабой поругался, в карты проигрался — какая разница. Самоубийство — это грех».

Кто-то осуждал: «Дурак. Смерть беспонтовая. Ладно бы завалил козла — тогда другое дело, а так понта нет».

Но в целом известие встретили равнодушно, вяло обсуждали и на другой день забыли.

Стёпу Осетина убили ночью на запретной полосе. Дай Бог памяти, когда это было? Да, 20 июля 2014 года.

Дзугаев Стёпа, из Беслана. Мы были хорошо знакомы. Он погиб в тридцать шесть лет, не отсидев и половины срока.

Из всех, кого я знал на зоне, Стёпа был самым душевным человеком. Он во всём нуждался, но никогда и ничего сам не просил.

Однажды я дал ему коробку сухого торта. Он огорчился: «У тебя нет ничего лишнего! Зачем

отрываешь от себя?» Глаза у Стёпы оставались грустными, даже когда он улыбался.

Стёпа искал смерти, а руки на себя боялся наложить. И тогда придумал на свою голову побег. Полез ночью напролом через ряды колючей проволоки и заборов.

Охранник обнаружил Степу, пальнул в небо, закричал истошно: «Стой! Буду стрелять!»

Степа повернулся к нему и матерно выругался: «Да стреляй... твою мать!»

Следующая пуля угодила ему грудь. Он навзничь опрокинулся и руки разбросал по сторонам.

У него остались старики-родители и четырнадцатилетний сын.

В субботу, около шестнадцати часов, на виду у всей колонии выбросился из окна Андрей Лагутин.

Он был из четырнадцатого инвалидного отряда, но пробрался на третий этаж, где гуртовался другой отряд, и выбросился из окна умывальника.

Вначале постоял на подоконнике. Майка у него была навывпуск, а куртку робы он комкал в руках.

От вахты сломя голову бежали контролёры — кто-то сообщил, а он будто дожидался их и, когда они приблизились к локальной зоне, прыгнул.

Сперва наклонился, положил на подоконник куртку, потом выпрямился, коротко перекрестил себя, и прыгнул «ласточкой» вниз го-

ловой, и шмякнулся, расшибся об асфальт, свернул себе шею.

Это было самоубийство, но показательное, дерзкое, как акт самосожжения, как вызов.

Спустя несколько минут объявили построение на проверку. Напротив нашего отряда возле штаба стояли замполит Панфёров Сергей Владимирович, у него было погоняло «Балдокрут», и его подчинённый, начальник воспитательного отдела капитан Климцов Роман Дмитриевич. Он никогда не снимал тёмных очков.

Панфёров что-то весело рассказывал, давился смехом, а Климцов угодливо растягивал в улыбке губы и крутил на пальце нервно блестящую цепочку от ключей.

...Окно в мир Иной всегда открыто. И когда уже немоготу, и нет сил жить, можно выпрыгнуть в окно.

Но если смерть сама настигнет человека, то в мир Иной он входит через дверь.

Вечность как капкан на людей поставлена. Она укрывается от нас за юдолью земной и скоротечной жизнью.

Мир Иной обширней нашего и густо населён.

Ара

Ему завтра на свободу выходить, а он шатался по бараку с такой миной, словно близкого кого похоронил. Ни фамилии, ни имени не помню. Звали его Арой.

На свободе у него не было своего угла, и он

околачивался по притонам. А срок получил за покушение на убийство: собутыльника ножом по горлу саданул, и тот чудом выжил.

После приговора Ара громко возмущался: «За что дали срок?! Гланды человеку хотел удалить! Клянусь! Это хирургическая операция! Ара, за что срок?»

Неопрятный, пухлый, хотя на одной баланде жил, Ара находил во всём предлог для недовольства. Даже в свой последний день приставал ко всем: «Слушай, я четыре раза тянул срок. Сколько человек, прикинь, за счёт меня кормились? Одни меня ловили, другие пытали и били, третьи сажали, документы оформляли, четвёртые допрашивали, пятые судили, шестые приговор утверждали — Ара загибает пальцы поочерёдно на одной, потом на другой руке, — седьмые конвоировали, восьмые этапировали, девятые голодом на зоне морили, десятые освобождали, документы оформляли... Ара, они жили все за счёт меня, имели кусок хлеба! Я для них работодатель, ара! Они молиться на меня должны, но вместо этого всё время гнобили!»

...Снег кое-где ещё лежал, но словно заболел водянкой и, набухший, потерявший свой товарный вид, старался прятаться в тени от солнца.

На озере за лагерным забором лёд позеленел, пошёл жёлтыми пятнами и сам себя выдерживал с большим трудом.

Последняя декада марта.

Человек освобождается — и вроде радуешься за него, но на привкус эта радость отдаёт немного завистью — и я бы поменялся с ним местами:

— Ара, не зуди. Выйдешь завтра на свободу и забудешь зону в тот же день!

Ара даже руку вскинул вверх от возмущения:

— Кто тебе сказал?! Не хочешь: через год проснёшься среди ночи и будешь думать: «На свободе я или в тюрьме?» — не прочухаешь никак со сна.

— А через два?

— Не знаю, Ара, я так долго на свободе не гулял.

Он даже выпучил глаза от возмущения.

Взгляд у Ары был такой, словно он смотрел из подземелья и боялся покидать убежище, не решался высунуть свой нос. Волк только воем может душу изливать.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

ПОВЕСТЬ

...И ЕЩЁ НЕ ВЕСЬ РАЗВЁРНУТ СВИТОК

И НЕ ЗАМКНУТ СПИСОК ПАЛАЧЕЙ...

Максимилан Волошин

ГЛАВА 1

Господа присяжные заседатели! Дамы и господа!

По окончании следствия составляют обвинительное заключение. И я думаю, пришла пора. Время подвести черту.

Дело рассматривается на документальной основе. Поэтому каждый читатель может попробовать себя в роли присяжного заседателя.

* * *

С соседями напротив мне не повезло. Они сутками не просыхали, и запахом сивухи пропитался дом.

Хозяйкой квартиры была Люба Томаровская. С ней проживала дочь, Марина Шипунова, и сожитель дочери, Валера Барашенков. Свет у них был отключён за неуплату, окно на кухне выбито, завешено тряпьем и заколочено фанерой, но им горя мало. Они устроили у себя притон.

Пьяницы таскались днём и ночью. Жильцы боялись с ними связываться. Я устал ругаться. В подъезде гадили и околачивались смрадные, неряшливые типы. От них не было покоя.

В последних числах февраля притон облюбовала праздная компания. Потом, во время

следствия, узнал, что это были Александр Зуйков, Роман Греку, Сергей Бражник, Оксана Полякова и шабашник Женя из Молдавии, больше про него не знали ничего.

Они пили три дня кряду и выходили из квартиры только покупать спиртное. Одурев от выпитого, взялись поздно вечером дубасить в мою дверь. От грохота меня подкинуло, как взрывом. Не разбирая ног, я кинулся в прихожую, припал к глазку и увидел в шаге от себя выпивших парней. Они сгрудились подле моей двери. Один в руках держал отвёртку, другой потрясал молотком, а третий, самый рослый среди них, облокотился на приятелей и садил ногами в мою дверь.

Парни сквернословили и звали меня выйти к ним поговорить.

Я не отвечал непрошеным гостям и разглядывал их, как через прицел. Дверь в притон была отворена, и я понял, что парней нарочно натравили на меня.

Мозг лихорадочно искал решение и словно жил отдельно от меня. Выйти с голыми руками одному против троих было безрассудно, а не выйти, дать им повод думать, что я трус, мешало самолюбие.

На кухне лежал нож, и больше ничего пригодного для обороны в доме не было.

Я метнулся за ножом, достал его из ящика стола и ринулся в прихожую. Меня влекло желание распахнуть внезапно дверь и первого, кто сунется, уложить на месте. Помешали этому два моих кота. Они лезли под ноги, тёрлись возле ног, сковывали каждое движение и запутывали так, что шагу было не ступить. Это была ми-

стика. Коты остановили мой порыв, дали время мне остыть, и следом пришла мысль позвонить в милицию.

Я набрал дежурного, назвал свой адрес, коротко сказал, что мне выносят дверь, и попросил приехать и унять ораву, или пусть пеняют на себя. Голос выдавал моё волнение.

Милиция примчалась, будто на пожар. Притон этот был им хорошо знаком. Из подъезда вывели троих парней и увезли с собой. Ко мне милиция не заглянула, как будто было им не до меня.

Я решил опять сесть за работу, но в голову ничего не шло. Убрал бумаги со стола и сделал себе чай.

Квартира у меня была на первом этаже. Я не хотел ни в чём стеснять своих котов и квартиру покупал с таким расчётом, чтобы на улицу они свободно шмыгали через окно.

Квартиру в этом доме я купил пять лет назад и не припомню дня, чтобы у соседей напротив не пили.

...Новый шум и крики из подъезда привлекли моё внимание и сковали слух. Это были голоса давешних парней. Полчаса, наверно, не прошло, как их забрали, и вот они уже назад приволоклись гурьбой.

Я не знаю, почему им всё сходило с рук, но думаю, что среди них водились стукачи, осведомители и милиция, где можно, покрывала их.

Ночью снова кто-то бухал в мою дверь.

Утром следующего дня я был не в духе. Ночь не спал и чувствовал себя в квартире как в осаде.

Голуби уже толклись по гулкой жести за моим окном. Им трудно было удержаться под углом, и одного тотчас сменял другой на показном козырьке карниза.

Я кормил их каждый день, и они слетались по утрам, подтягивались парами, поодиночке, а на подхвате у них, юркие, сновали воробьи.

Помню, как-то возле Лавры, когда я разбрасывал пшено, богомольная старушка истово сказала: «Голубь сколько раз клюёт, столько за тебя поклонов кладёт Богу».

Мне слова эти запали в душу, и я кормил всю зиму голубей.

25 февраля 2007 года стал последним днём, когда я у себя под окнами выложил цепочкой жёлтое, как золото, пшено. После этого решил наведаться в притон. Мне не терпелось пьяниц проучить, чтобы больше было неповадно лезть ко мне в квартиру.

В притоне, по моим прикидкам, было пятеро мужчин, и все они были моложе, выше меня ростом, но я надеялся взять их врасплох, пока они подавлены с похмелья.

Я взял палку. Это была ветка дерева, толщиной побольше сантиметра. Она хорошо лежала в руке и давно валялась у меня в прихожей, её тербили с удовольствием мои коты.

Подумал и захватил нож. Нож был в чехле. Я продел чехол через брючный ремень и приладил с правой стороны, на поясе. Нож взял для устрашения и для страховки, на тот случай, если нападут, чтобы в потасовке было чем отбиться.

Дверь в притон открыла Полякова. У неё

было испитое лицо. Увидев меня, злобно фыркнула и порывисто ушла на кухню.

Шибануло воздухом, от которого хотелось зажать нос: воздух был настоян на сивухе.

Полутёмную прихожую я одолел как под водой и вынырнул в комнате, которая была проходной. На продавленном диване у окна сидел Зуйков. Его, похоже, донимала головная боль, и он уставился на меня мутными глазами.

Я подошел вплотную и спросил в упор:

— Кто вышибал мне вчера дверь?

Зуйков поднял налитые глаза и отрыгнул:

— А если я, то что?!

Меня заклинило от наглости. Я побледнел, непроизвольно отступил на шаг, огрел его по голове веткой от дерева и следом приложил ещё раз, что было силы.

Зуйков схватился за лицо и уткнулся головой в колени.

Я, не теряя времени, прошёл в другую комнату.

Там на куче барахла кисли Барашенков и Шипунова. Они уже поняли, что в доме что-то происходит, и настороженно смотрели на меня.

Я не стал к ним близко подходить и, как заевшая пластинка, повторил вопрос: «Кто вышибал мне вчера дверь?»

Они словно бы взболтали свои ртутные глаза и прогнусавили в два голоса:

— А мы откуда знаем?!

Опухшая от пьянки Шипунова почти не ворочала языком, но намертво вцепилась в меня взглядом. Я понимал, что они врут, и если бы Барашенков был сейчас один, то ему бы перепа-

ло, но в присутствии его подружки я себя сдержал. Погрозил с порога палкой и, не спуская с Барашенкова взведённых глаз, проскрежетал: «Передай своим друзьям: если будут барабанить в мою дверь, то буду приходить и палкой бить по головам, пока не поумнеют, понял?!»

Барашенков облизнул сухие губы и кивнул. Язык у него вроде как отнялся.

Я развернулся и пошёл назад. Зуйков не поднимался с места, так и сидел, уткнув голову в колени. На кухне притаилась Полякова, и что-то мне подсказывало, что никого там больше нет.

В прихожей было слышно, как журчит вода: в ванной или в туалете кто-то затворился, и я заключил, что это хозяйка квартиры, потому что её нигде не было видно.

Дома у себя в прихожей швырнул в угол палку. Дверь за собой плотно не прикрыл, потому что собирался в магазин. Досадуя, что пьяницы в притоне разбрелись и сорвать злость не на ком, расстегнул брючный ремень и стал стаскивать чехол с ножом.

В это время дверь в мою квартиру распахнулась, и ввалился, как к себе домой, громоздкий тип. Он был без верхней одежды и стоял нетвёрдо на ногах. Похабно выругался, что-то прорычал уничижительно и двинулся ко мне, кромсая меня взглядом. У него было одутловатое лицо.

Было видно, что он плохо и с трудом сообщал. От него разило перегаром.

Я не представлял, откуда он тут взялся, попятился назад и закричал: «Кто тебя звал?! Пошёл отсюда!» Он рывком схватил меня за горло.

Я, не помня себя, потянулся за ножом.левой рукой сгрёб пьяного за воротник и рванул к себе в надежде, что он потеряет равновесие. Верзила пошатнулся, но устоял. Дверь в ванную была открыта, и мы сдвинулись туда. Я не дал ему опомниться, снова резко дёрнул на себя, и мы оба повалились на пол. На полу он руки не разнял и силился меня подмять, коверкая осипшим голосом слова. Я вывернулся и пустил в ход нож, полоснул его с размаха по руке и почувствовал отраду избавления. Он отпустил меня, схватился за руку и, не спуская глаз с ножа, поднялся, сторбившись, и боком вышел из квартиры.

Я захлопнул за ним дверь, припал к глазку, увидел, что он сел на лестнице возле притона. Лицо его было перехвачено гримасой, как жгутом. Он убаюкал раненую руку, потом грузно встал, придерживая её на весу, и втиснулся в притон. Дверь за ним осталась приоткрытой.

Я немного выждал, сунул нож в чехол, прошёл на кухню, вымыл руки с мылом, сполоснул лицо, промокнулся два или три раза полотенцем и тут увидел под окном мордатого, от которого только что отбился. Обознаться я не мог. На нём была замызганная куртка. Он спешил, наверное думал, что я вызову милицию. Руку бережно придерживал в локте и прижимал к себе.

Я кинулся в прихожую и выглянул в дверной глазок. На лестничной площадке — ни души, и дверь в притон была теперь закрыта. Бросился на кухню, но мордатого и след простыл.

...Коты на кухне вытянулись возле пустых

мисок и смотрели на меня с укором. Надо было топтать в магазин. Я и так сегодня припозднился.

Снял чехол с ножом и бросил в пакет с мусором. Оглядел себя придиричиво, оделся, сделал из-под крана несколько глотков воды и вышел из квартиры.

Неподалёку от подъезда встретил Сашу Жарова. Он трусил домой после пробежки на стадионе. Мы были добрыми соседями, жили бок о бок (квартиры у нас смежные), и Жаровы в моих глазах были симпатичными, отзывчивыми и трудолюбивыми людьми.

Мы остановились, поздоровались. Я не удержался и поведал, что произошло. Жаров выслушал внимательно, лицо его словно попало в полосу затмения, и он скупно обронил: «Жалко, что не на меня напал, я бы оторвал ему башку».

Пьяницы всем в доме надоели.

Поход в магазин занял у меня минут пятнадцать. Я взял котам молока, кошачий корм в пакетах и две бутылки пива для себя. Пиво действовало на меня умиротворяюще.

Дома покормил котов, полюбовался, как они уписывают наперегонки, выпил два стакана пива, и тут в дверь квартиры позвонили. На лестничной площадке, как пришибленный, стоял и грыз ногти Барашенков.

Я рывкнул через дверь: «Что надо?!»

Барашенков дёрнулся и с ужимками проговорил, что надо вызвать скорую, кому-то у них плохо.

Телефона у них не было, другие соседи с ними даже разговаривать не стали бы, и он припёрся ко мне.

Первой мыслью было у меня послать куда подальше Барашенкова, но пиво на меня уже подействовало умиротворяюще и я после паузы сказал: «Ладно, позвоню».

Он потоптался и ушел.

Я вызвал скорую, и, как из подворотни, на меня внезапно напал страх: не случилось ли чего с Зуйковым, которому досталось от меня по голове?

Беспокойство овладело мной и вытолкнуло из квартиры.

Обшарпанная дверь была не заперта, и я зашёл в притон без стука. В квартире тишина висела, будто паутина.

Зуйков, похоже, лыка не вязал. Он сидел на прежнем месте, на диване у окна, и на лбу у него отчётливо были видны две свежие ссадины. Но угрозы для здоровья они не представляли, и скорую помощь по таким пустякам не вызывали. У меня отлегло от сердца, и я с облегчением спросил: «Кому плохо?»

Барашенков отделился от стены, как тень, и оказался за моей спиной. Я обернулся. В ближнем углу комнаты на продавленном диване валялся человек. Я его впервые видел. Он как будто прятался от глаз, лежал на спине поперёк дивана, ноги доставали пол, а рубашка задралась, оголив живот.

Я с недоумением спросил: «Что с ним?»

Глаза у Барашенкова будто юркнули в нору. Он сразу не нашёлся, что сказать, и, помявшись, выпалил: «Мы нашли его в подъезде».

Я шагнул к дивану. У мужчины было утомлённое, но просветлённое, как будто он уже от-

мучился, лицо. В нижней части живота, скрывая рану, вылезли наружу слюдяные пузыри.

Мне показалось, что он был жив и стало жалко человека. Я сказал, что вызвал скорую, и посоветовал пропойцам поудобней положить приятеля, но никто из них не шелохнулся и не сдвинулся с места. Они наверняка знали, что это криминальный труп. Это я потом сообразил. А тогда меня смутила безучастность алкоголиков, но я подумал, что они пьяны и у них нет сил возиться с собутыльником.

Оглядел помятую компанию и решил, что обойдусь без них. Просунул руку под лопатки потерпевшего и подтянул его повыше так, чтобы голова покоилась как на подушке, потом занёс ноги на диван. Брюки на мужчине были мокрые, как если бы он отмывал их на себе.

Хозяйки дома не было. Она запропастилась с самого утра, и это уже выглядело подозрительно, потому что Томаровская, как правило, не отлучалась никуда.

Бригада скорой помощи пожаловала быстро. Врач определил, что мужчина мёртв, и спросил, откуда можно позвонить в милицию. Я пригласил его к себе домой.

Мы отсутствовали несколько минут и когда вернулись, натолкнулись на угрюмое молчание, оно было тягостным и грозило раздавить.

Врач чувствовал себя неловко и для приличия спросил: «Что произошло?»

На этот раз к ответу Барашенков подготовился заранее. Он взял инициативу в свои руки и, не запинаясь, отрапортовал, что они пили вместе, потом Рома Греку — так звали потер-

певшего — куда-то ушёл, долго не возвращался; они пошли его искать и нашли в подъезде, между этажами.

Я понимал, что Барашенков врёт, и не верил ни одному его слову, но Зуйков поддакивал, кривил надменно рот, а женщины помалкивали.

Барашенков нервничал и был очень возбуждён. Он вызвался показать место, где якобы нашли приятеля, и увлёк врача с собой.

Когда они вернулись, врач раздумчиво сказал, что на лестнице не видно следов крови, и Барашенков сразу прикусил язык.

Милиция себя ждать не заставила. Квартира буднично наполнилась людьми, двое были в штатском, но выдавал всех с головой казенный вид. И тут Зуйков словно белены объелся и, показывая на меня, с вожделием сказал: «Смотрите! Это он убил! Он весь в крови!»

Глаза Зуйкова засверкали мстительным огнём. Он толкнул в бок Полякову, и она тряхнула головой.

Я был оглушён пудовыми словами. Оторопело оглядел себя и только тут увидел, что правая брючина и рукав были у меня в крови. Ужас обуял меня. Я понял, куда вляпался; безмолвно посмотрел на Барашенкова, но он отвёл глаза, и стало ясно, что они все в сговоре.

Подлость и коварство делают меня беспомощным. Я неожиданно сам для себя теряюсь, как ребёнок, начинаю что-то лопотать, но милиционеры уже обступают меня, я на себе ловлю хмурые косые взгляды и подставляю руки под наручники.

А душа — бумага промокательная, впитывает в себя всё.

ГЛАВА 2

Ещё видел я под солнцем: место суда, а там беззакония; место правды, а там неправда.

Екклесиаст 3:16

Сперва был приговор. Как будто получил хлётский удар по корпусу, и у тебя сбили дыхание. И ты уже не рвёшься в бой; руки опускаются, неудержимо тянет рухнуть на пол, на колени, плавно повалиться на бок и заплакать от потери сил.

В тюрьму возвращался сам не свой.

Однако сдюжил, оклемался и, когда пришёл в себя, подал жалобу на приговор суда, отрывок из которой привожу: «...От искажения фактов судья переходит к прямой фальсификации доказательств. Так, в приговоре я с удивлением прочитал, что якобы кого-то звал на помощь. Но дело в том, что я на помощь никого не звал и показаний таких не давал. Это легко установить, достаточно почитать любые мои показания».

Почему суд допустил художественный вымысел? Я ломал голову, пока, изучая приговор, не дошёл до абзаца, где было сказано: «Кроме того, свидетель защиты Жарова М.А. показала, что слышала утром громкий разговор мужчин в комнате у Смирнова. Но криков о помощи, на что указывал Смирнов, она не слышала».

Меня будто обдали кипятком. Получается, что суд сначала приписал мне крики о помощи, о которых я не говорил, а потом как бы уличил меня во лжи. Ловко, что ни говори; отпетые мошенники могли бы учиться и проходить практику у судьи.

Я долго не мог прийти в себя от потрясения, но жалобу, как положено, подал в десятидневный срок. И вдруг, спустя короткое время, получил постановление судьи.

Это было постановление о рассмотрении замечаний на протокол суда, что меня обескуражило, поскольку замечаний я не подавал, да и сроки давно вышли.

Предчувствуя недоброе, прочёл запутанное и лукавое постановление. Оно заслуживает того, чтобы его привести.

...Судья Сергеево-Посадского городского суда Московской области Аминова Е.Г., рассмотрев замечания на протокол суда, содержащиеся в кассационной жалобе осуждённого Смирнова В.О. по уголовному делу в отношении Смирнова В.О. по ст. 105 ч. 1 УК РФ, постановил:

На протоколы судебных заседаний по уголовному делу осужденным Смирновым В.О. были поданы письменные замечания, которые ранее рассмотрены судом.

В кассационной жалобе, поданной 14 ноября 2007 года, содержится изложение показаний потерпевших и свидетелей, подсудимого Смирнова, которые судья расценивает как замечания на протокол судебного заседания. Частично данные замечания были рассмотрены ранее постановлением судьи и являются повторными, в

связи с чем повторному рассмотрению не подлежат.

Также дополнительно в кассационной жалобе Смирнов указывает, что в протоколе судебного заседания не нашло отражения, что, когда Греку схватил его за шею и душил, он (Смирнов) звал на помощь, он такого не говорил, хотя данный факт отражен в приговоре.

В связи с этим суд считает необходимым удовлетворить их в той части, что подсудимый Смирнов 25 октября 2007 года в судебном заседании на вопрос гособвинителя Барановой: звал ли он на помощь, когда его душил Греку? ответил: Да, что нашло своё отражение в его показаниях, изложенных в приговоре суда.

В остальной части суд считает замечания не подлежащими удовлетворению, как не соответствующие действительности.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 260 УПК РФ, суд постановил: замечания Смирнова В.О. на протокол судебного заседания, содержащиеся в его кассационной жалобе, удовлетворить в части не отражения в протоколе судебного заседания от 25.10.2007 года вопроса гособвинителя к Смирнову: звал ли он на помощь, когда его душил Греку? и ответ Смирнова: Да.

Постановление обжалованию не подлежит.
Подпись и печать.

Суд расписался в собственном бесстыдстве. Не было такого вопроса государственного обвинителя, и не могло быть утвердительного ответа на него, потому что я на помощь никого не звал, но чего не сделаешь ради торжества «правосудия». Позже я узнал, что Аминова работать

начинала у судьи Сысоевой, секретарём, и я понял, у кого она прошла науку и кого должна благодарить.

* * *

Роль судьи Сысоевой Екатерины Павловны в уголовном деле уникальна, но надобно начать издалека.

С первого дня ареста я пытался втолковать следователю, что не причастен к убийству, что испачкал брюки кровью, когда оказывал помощь потерпевшему. На протяжении следствия просил, разве что не умолял, провести простой эксперимент, чтобы я на месте показал, как укладывал потерпевшего, и тогда воочию можно было убедиться, что и рисунок дивана, и высота дивана полностью и точно соответствуют узору и высоте образования пятна крови у меня на брюках.

Казалось бы, что проще, но в следственном эксперименте раз за разом мне отказывали. При этом за основу брали показания хронического алкоголика Зуйкова, который был заинтересован меня оговорить и безбожно врал.

Он утверждал, что я уже зашёл в квартиру в брюках, испачканных кровью, и наглость этого лжеца могла смутить любого.

Добиться справедливости было выше моих сил.

После первого суда я подал жалобу. Несколько дней приходил в себя после приговора, который вынесла судья Аминова, собирался с мыслями, потом кинулся писать и не заметил, как прошла ночь.

Приговор отменили. В своём определении Московский областной суд указал на грубые нарушения, которые допустила судья Аминова, и обязал в том числе разрешить спор между мной и свидетелем Зуйковым по механизму образования пятен крови у меня на брюках.

Дело направили на новое рассмотрение в Сергиево-Посадский городской суд. И вот тут за дело взялась многоопытная и дородная Екатерина Павловна Сысоева.

Она не сводила с меня злобных глаз, и уже на первом заседании я прочитал в них приговор.

Сысоева тянула до последнего, не торопилась выполнять указания вышестоящего суда, как будто чуяла, что с этим ничего не выгорит, и чутьё не подвело судью.

Экспертиза №869 дала заключение, что «след крови на представленных по материалам уголовного дела №14871 джинсах Смирнова В.О. был образован контактно, то есть при непосредственном соприкосновении следообразующего объекта со следовоспринимающим. При этом следообразующий предмет имел матерчатую основу, с шириной тканых швов 1–2 мм».

Экспертиза подтвердила мои показания! И ширина швов приличествовала именно диванной ткани, но такое толкование не устраивало суд, и суд не гнушается обманом.

Приговор — бумага стерпит всё — едва не вызвал у меня приступы удушья: «У суда нет оснований не доверять показаниям Зуйкова о том, что, когда Смирнов зашёл в квартиру, он

увидел на его джинсах пятно крови. Из заключения экспертизы усматривается, что на джинсах Смирнова не одно пятно крови потерпевшего.

Таким образом, совокупностью исследованных по делу доказательств, не исключается образование пятен крови потерпевшего на одежде подсудимого при различных обстоятельствах, как до его прихода в квартиру №61 и конфликта с Зуйковым, так и после этого».

Читаю и глазам не верю. Перечитываю. Что за чушь?

Во-первых, экспертиза других пятен не исследовала.

Во-вторых, сам лжесвидетель Зуйков говорил только об одном пятне крови — на правой половине брюк, в области бедра.

В-третьих, наконец, исследовалось то пятно, на которое своим постановлением ориентировал экспертов суд.

Какого же рожна?!. Душа рвётся из меня, и я в исступлении прошу: «Господи, разыми, расщепли меня на атомы, чтобы я не чувствовал себя и боль свою. Если бы я имел дело с правосудием, то давно был бы оправдан, на свободе, а мне приходится тягаться с бандой.

Я знаю, Господи, Ты видишь с высоты тернового венца, что палачи в судейских мантиях не прячут своего лица...»

Много докуки было Богу от моих молитв.

Я уже ничего не соображал, от этого горя, от этого беспредела я перестал что-либо сообщать.

Целыми днями молчком валялся у себя на

шконке, отворачивался лицом к стене и лежал с открытыми глазами.

Мне хотелось стать неодушевлённым предметом.

Интересно, что на этот раз приговор не отменили и надзорные жалобы, вплоть до Верховного Суда, остались без удовлетворения.

ГЛАВА 3

«В начале было Слово...» Так начинается Евангелие от Иоанна. И ветхие слова не рассыпались в прах.

Потом придумали отписки. Отписки шли и шли, и многие были погребены под ними, как под пеплом. Даже настырный Валид не выдержал, не вынес многолетней переписки и вспылал: «Слушай, они не читают жалобы! Я их душу мотал. Я им пишу про тумбочку, а они мне отвечают про лампочку! Я больше им писать не буду!»

Валид сошёл с дистанции. В прокуратуре кто-то потирал довольно руки и зевал безлико затхлым ртом.

А я по простоте душевной продолжал писать.

Из Следственного комитета сообщали:

...Ваше обращение о несогласии с приговором Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 23.12.2008 года рассмотрено.

Поскольку вопросов, относящихся к компетенции Следственного комитета Российской Федерации, в обращении не имеется, оно направлено в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Ст. инспектор отдела контроля за следственными органами А.Ю. Косихин

Генеральная прокуратура принимала пас и в одно касание возвращала Следственному комитету.

...Прошу объявить Смирнову Владимиру Олеговичу, что в Генеральной прокуратуре Российской Федерации его жалоба рассмотрена.

Разъясняю, что рассмотрение сообщения о преступлении и, при необходимости, организация проверки в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ относится к компетенции Следственного комитета Российской Федерации, куда осуждённый вправе обратиться.

И.о. начальника отдела Н.Н. Кальчук

Возникало чувство, что меня разыгрывают, и я допускал, что буду смят, но поступили со мной так жестоко, так несправедливо и так подло, что от обиды я забыл про боль и пачками слал жалобы куда только можно. Так, наверное, солдат, получив тяжёлое ранение, в горячке порывается на бой.

Верховный Суд первым отмахнулся от меня и равнодушно спрятался за шторками закона.

...Возвращается без рассмотрения надзорная жалоба осуждённого Смирнова Владимира Олеговича на приговор Сергиево-Посадского городского суда от 23 декабря 2008 года.

В соответствии со ст. 406 УПК РФ, устанавливающей порядок рассмотрения надзорных жалоб и представлений постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лизунова от 8 сентября 2009 года в удовлетворении надзорной жалобы Смирнова В.О. было отказано.

Заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации 19 ноября 2009 года данное постановление признано законным и обоснованным, надзорная жалоба осуждённого оставлена без удовлетворения.

В соответствии с частью 1 статьи 412 УПК РФ внесение повторных жалоб в суд надзорной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения, законом не допускается.

Судья Верховного Суда Российской Федерации
В.М. Лизунов

Я был похож на шлюпку, терпящую бедствие в открытом море, мимо которой слепо проходили корабли.

Подступала паника и рвала из рук вёсла. Я мычал, мотал упрямо головой и вспоминал слова Евангелия: «Претерпевший до конца спасётся». Я называл их как пароль и мыслил брать свою судьбу на приступ.

ГЛАВА 4

То ли дорога с ухабами, то ли судьба колченогая, только кривая вывела в тюрьму.

В России всюду понаставлены, как вехи, лагерные вышки.

Я принадлежу к племени зэков. Это племя раскидано по всей стране и заперто в резервациях. Это самое бесправное племя на земле.

Окунул меня Господь в правоохранительную систему с головой и сказал: «Смотри, во все глаза смотри, что делается, чтобы потом свидетельствовать обо всём».

Следственный комитет жонглировал моими жалобами: одну сплавляли в Генеральную прокуратуру, а другую, точно такую по содержанию, отправляли в свое нижестоящее подразделение.

...Ваше обращение о фальсификации доказательств по уголовному делу, неполучении ответа на предыдущие заявления и по другим вопросам направлено для организации рассмотрения в Следственное Управление по Московской области.

О принятом решении Вам сообщат.

Старший инспектор отдела

О.С. Юдина

Фамилии мелькали, как в калейдоскопе, но подвижек не было, как будто двигатель гоняли вхолостую.

Из областного управления уведомяли:

...Следственным управлением по Московской области Ваше обращение о незаконном осуждении, фальсификации материалов дела и по другим вопросам направлено в следственный отдел по Сергиеву Посаду.

О результатах рассмотрения Вам будет сообщено.

Заместитель руководителя отдела

А.Р. Зиганин

Сергиев Посад — столица православия. Паломники тянутся сюда со всех краёв, но верно говорят: где святость, там и пакость.

Уголовное дело состряпали в Сергиевом Посаде, и глупо было ждать, что они по доброй воле примутся себя разоблачать. И я, конечно, не обманывался, а с нагаром горечи осознавал, что зря теряю время.

...В ходе рассмотрения обращения установле-

но, что по результатам уголовного дела №14871 Сергеево-Посадским городским судом в отношении Смирнова В.О. вынесен обвинительный приговор, который вступил в законную силу.

Согласно ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в силу приговором, признаются без дополнительной проверки.

Заместитель руководителя следственного отдела по городу Сергиев Посад

*Майор юстиции
А.В. Еремеев*

Конечно, это была чушь. Жизнь многообразней любых кодексов, и если вынесли неправо судный приговор и есть признаки фальсификации, то без проверки преступление просто не раскрыть и всё будет шито-крыто.

Всё у них и было шито-крыто, и лишь наивный человек, вроде меня, мог годами искать правду, где она близко не лежала никогда. Они знали, что управы на них не найти и жалобы на себя они будут рассматривать сами.

Интересно, что спустя полгода на следующую жалобу я получил точно такой ответ и понял, что отписки заготавливают впрок. Совпадало всё до запятой, только письмо уже подписал руководитель следственного отдела по городу Сергиев Посад А.Б. Ремизов.

ГЛАВА 5

Законы мироздания универсальны. Как плюс и минус обеспечивают прочность ядра атома, так общество стоит на единстве противо-

положностей: злу противостоит добро; лжи колет глаза правда, а от любви до ненависти — один шаг.

Душа съёжилась от горя.

Волчцы, тернии, крапива — вот что такое колючая проволока. Она, как сорная трава, опутывает зону.

Генеральная прокуратура тоже сперва отправляла жалобы в Сергиев Посад.

Тамошние прокуроры, словно снадобье, готовили отписки, и действовали они будто яд.

...Ваше обращение по вопросу фальсификации доказательств по уголовному делу №14871 рассмотрено.

В приговоре суда, вступившем в законную силу, дана оценка всем исследованным обстоятельствам... С учётом изложенного, оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется.

*Зам. Сергиево-Посадского городского прокурора
А.К. Сергеев*

...Установлено, что по уголовному делу №14871, по которому Вы были осуждены Сергиево-Посадским городским судом, вынесен обвинительный приговор. Уголовное дело также рассматривалось в суде кассационной инстанции, по результатам рассмотрения приговор остался без изменения.

Основания для принесения надзорного представления на вынесенные по уголовному делу судебные решения не усматриваются.

*Первый заместитель городского прокурора,
советник юстиции И.И. Щиров*

...Ваша жалоба рассмотрена. В ходе проверки установлено, что Вам вынесен обвинительный приговор. Судом дана оценка всем исследованным доказательствам. Оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется.

*Сергиево-Посадский городской прокурор
М.П. Корчемный*

В колонии за сотни верст я слышал, как они скрипят зубами, подписывая для меня ответ.

Конечно, жалобы никто не проверял. Если два-три негодяя сфабрикуют дело, то защиты уже не найти и на все вопли о помощи будут приходиться отписки. Они набили руку на отписках. И пишут-то не русским, а казённым, канцелярским языком, от которого за километр тянет ледниковым холодом.

Подошёл однажды ко мне зэк, которого считал я недалёким человеком, и прилюдно уязвил: «Ты писатель, вроде не дурак, а не догоняешь, что это — одна шайка-лейка и они друг друга будут покрывать, писать им бесполезно».

Мне было нечего сказать ему в ответ.

Я отходил после нокдауна, в который послала меня каждая отписка, и читал, как заговор, терпкие стихи:

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в Творении творца!
И смысла нет в мольбе.

Стихи Тютчева воодушевляли.
Астроном, геолог или физик имеют свои

представления о Луне, но для людей куда важней метафизическая сущность спутника Земли.

Одни обиды слизывает или, может быть, заносит время, как морской песок на берегу, а другие о себе напоминают долго, их несёшь всю жизнь.

Глава 6

Вахта. Плац. Вокруг плаца бараки. Каждый окружён забором, обнесён колючей проволокой.

Я возношу молитвы утром, до подъёма. Знаю, что слова поранятся, но, исцарапанные, продерутся через проволоку и дойдут до Бога.

...Сколько горя вобрала в себя земля за многие века и не разверзлась у нас под ногами...

Люди живут между небом и землёй, как между молотом и наковальней.

Всё вершится в верхней кромке небосвода, где сталкиваются без конца наши и чужие мысли, чаяния, ворожба, молитвы и проклятия. Там, как на кухне, стряпают и с выдумкой готовят для нас всё, что мы потом расхлёбываем в жизни. Надо только мысли вывести на эту высоту, как выводят спутник на орбиту.

Я со счёта сбился, сколько жалоб отправлял в прокуратуру и как в час по чайной ложке подбирал и выколупывал слова, чтобы факты преступления против меня были бы настолько очевидны, что прокуратура не могла закрыть на них глаза.

*Ю.Я. Чайке, Генеральному
прокурору Российской Федерации*

На протяжении нескольких лет я пытаюсь обратить внимание прокуратуры на факты фальсификации доказательств, но получаю в ответ отписки.

Отписки приходят, несмотря даже на то, что в моём деле нарушены не только писанные (людьми), но и не писанные, а данные Богом законы.

В деле можно без труда усмотреть массу нарушений, но, для краткости, остановлюсь только на одном.

Однако прежде всего прошу Вас обратить внимание на то, что Протокол осмотра предметов и Постановление о признании и приобщении к делу вещественных доказательств проводились спустя месяц после того, как эти предметы и доказательства были изъяты с места происшествия. 25 февраля следователь Афанасьев А.Б. проводит осмотр места происшествия, берет образцы крови, изымает нож, а осмотр предметов и приобщение их к делу проводится только через месяц. Между тем, мне доподлинно известно, что по изъятым образцам и по ножу следователь Афанасьев назначал экспертизы, он сам об этом говорил. Но проходит месяц, следователь увольняется или его увольняют, появляется новый следователь И.В. Лаврова, и она составляет новый Протокол осмотра доказательств, как будто первый следователь его не составлял. Для чего это понадобилось? Да потому, очевидно, что первые экспертизы показали мою непричастность к убийству, ибо ни на ноже, ни в моей квартире следов крови потерпевшего не нашли.

Тогда, предварительно поменяв образцы для исследования, благо кровь потерпевшего хранится в сухом виде и её всегда можно, куда надо нанести, составляют новый Протокол осмотра предметов, новое Постановление о признании и приобщении вещественных доказательств к делу и назначают новые экспертизы.

Причём, кровь потерпевшего наносят и на нож, и в мою квартиру, ибо не могут заново переписать протокол осмотра места происшествия, написанный собственноручно первым следователем Афанасьевым, а там указано, что в моей квартире была обнаружена кровь.

Все это проводилось под покровом тайны следствия, но повторную подмену провели открыто, на глазах. И доказательства этого я сейчас приведу.

В уголовном деле имеются две биологические экспертизы №976 и №2716. Они дают взаимоисключающие заключения. При этом описания объектов исследования у экспертов не соответствуют друг другу, что прямо наводит на мысль о подмене образцов.

Вот как, например, эксперт Ванкович В.Л. (экспертиза №976) описывает объект «смыв из ванной»: «В свёртке находится марлевая салфетка (5х6 см) с прерывистым буроватым пятном посередине».

А эксперт Морозова А.М. (экспертиза №2716) описывает не свёрток, а пакет с нечётким оттиском печати, и не салфетку, а тампон, пропитанный жидкостью буровато-желтоватого цвета.

Такая же картина по объекту «соскоб (смыв) со стены у квартиры 64».

Эксперт №976 описывает свёрток, в котором находятся частички соскоба весом 3–5 мг.

А эксперт №2716 описывает пакет, в котором содержится 10 мг вещества, то есть за полтора года частички соскоба прибавили в весе в два-три раза, хотя, наоборот, должны были уменьшиться, поскольку часть вещества была израсходована при первом исследовании.

В результате такой подмены, экспертиза №976 дала заключение, что в моей квартире и возле моей квартиры, в соскобе со стены обнаружена кровь III группы, а экспертиза №2716 пришла к выводу, что это кровь I группы.

Почему назначили вторую экспертизу? Потому что первый приговор в отношении меня был отменен кассационным определением Московского областного суда. Отмена приговора была вызвана целым рядом нарушений, но, как обещал, остановлюсь на одном.

Я не причастен к убийству потерпевшего, но если исходить из версии следствия и суда, то в моих действиях присутствовала оборона. И в кассационном определении Московского областного суда было указано, что поскольку в моей квартире обнаружена кровь потерпевшего (кровь III группы, согласно экспертизе №976, которую проводили через месяц после моего ареста), за мной нельзя отрицать право на оборону, так как я последовательно утверждал, что на меня напали в моей квартире.

После отмены приговора, на новом судебном заседании главный свидетель обвинения А. Зуйков, приятель и собутыльник потерпевшего Р. Греку, они вместе пьянствовали, неожиданно изменил

свои показания и заявил, что якобы он заходил в мою квартиру и смывал кровь с лица, чего в действительности не было. Я бы его на порог своей квартиры не пустил, и сам Зуйков раньше ничего подобного не говорил, а тут вдруг, спустя полтора года, «вспомнил».

(Вам ли, Юрий Яковлевич, совершившему па-ломничество на гору Афон, не знать, что лжесвидетельство является прямым нарушением Божьих заповедей?)

Далее события разворачиваются так. Суд интересуется, какая у свидетеля Зуйкова группа крови. Зуйков отвечает, что I, и в старом паспорте была отметка. (Это занесено в протокол суда.)

Суду известно, что в моей квартире и возле моей квартиры, согласно экспертизе №976, обнаружена кровь III группы и никаких других образцов крови в деле больше нет. Следовательно, вопрос отпадал сам собой и был, в сущности, исчерпан. Но не тут-то было. Суд, подмяная закон, назначает новую экспертизу и новая экспертиза (№2716), как по волшебству, даёт заключение, что кровь, обнаруженная в моей квартире, и в соскобе со стены возле моей квартиры является кровью I группы. И только явные несоответствия в описаниях объектов исследования, которые изложены выше, указывают на то, что была проведена подмена образцов. И подмена эта проводилась не экспертами, иначе они сделали бы так, что было бы не подкопаться.

Подмена проводилась впопыхах работниками суда или прокуратуры, и была сделана грубо, на глаз.

На ходатайство защиты, вызвать в суд экспертов-биологов, суд ответил отказом и вместо этого назначил молекулярно-генетическую экспертизу, которая, конечно, подтвердила выводы второй биологической экспертизы, но мы взрослые люди и хорошо понимаем, что назначение молекулярно-генетической экспертизы имеет смысл и оправдывает себя, когда у двух человек одинаковая группа крови и требуется более точно установить, кому она принадлежит. А в моём случае, при явной подмене образцов для исследования, назначение такой экспертизы выглядит как банальный мошеннический прием, призванный замести следы преступления. Можно сто раз подменять образцы для исследования, назначать сто экспертиз и каждый раз молекулярно-генетическая экспертиза будет подтверждать выводы последней.

Но в моём деле и с молекулярно-генетической экспертизой №1471 не всё ладно. Я думаю, она не проводилась, а эксперт Кочеткова Е.М. из Московского областного бюро экспертиз просто подмахнула заключение.

Из чего напрашивается такой вывод? Из того, что, согласно требованиям закона, эксперт обязан описывать материалы, представленные на экспертизу (статья 204 УПК). Вместо этого Кочеткова Е.М. сослалась на биологическую часть исследования: «Смотри экспертизы №629/634».

Но ведь не зря говорят, что на воре и шапка горит. И дело тут в том, что указанные экспертизы №629/634 не проводили исследования образцов крови, они назначались совсем по другому поводу, а исследование образцов крови проводила экспертиза №976. Следовательно, эксперт дал

заклучение, не имея под рукой материалов для исследования!!!

Исходя из вышеизложенного, прошу опросить экспертов, проводивших биологические экспертизы №976 и №2716 и поставить перед ними правомерные вопросы.

1. Чем объяснить, что по одним и тем же объектам исследования два многоопытных эксперта дают взаимоисключающие заключения?

2. Как часто эксперты высшей категории, со стажем работы 25 лет, ошибаются при определении группы крови, причём в двух случаях из четырёх, то есть при решении задачи, которая по силам медсестре любой больницы?

3. Являются ли идентичными описания объектов исследования у двух экспертов?

4. Может ли в данном случае речь идти о подмене образцов?

Я убеждён, Юрий Яковлевич, что Конституция России в кабинете у Вас присутствует на видном месте, и Вам хорошо известно, что статья 50 Конституции Российской Федерации запрещает использовать доказательства, полученные с нарушением закона.

Прошу Вас принять меры в строгом соответствии с законом.

ГЛАВА 7

Господа присяжные заседатели! Дамы и господа!

Дело изобиловало лжесвидетельскими показаниями, а факты тасовали как колоду карт,

мухлевали, будто шулеры, которые раскидывают пальцы веером и знают загодя, где выпадает фарт. Мы ещё до этого дойдем. Но я боялся утомить прокуратуру жалобой и остановился на одном, но явном нарушении.

Надувательство с подменой образцов пахло уголовным преступлением.

Генеральная прокуратура крик души зарегистрировала и отправила в прокуратуру области, а там ответ, похоже, припасли и держали как в кармане фигу.

...Обращение не содержит данных, свидетельствующих о необходимости проведения проверки в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ.

На основании показаний потерпевших, свидетелей Кожина В.М., Важенковой Е.В., заключений биологической и генетической экспертизы, других доказательств суд мотивировано вынес приговор.

Версия осуждённого о фальсификации дополнительной биологической экспертизы, подмене образцов судом проверена и признана несостоятельной.

В результате проведения молекулярно-генетической экспертизы сделаны более точные выводы о происхождении следов крови.

Отказ суда в удовлетворении ходатайства Смирнова о допросе эксперта Ванкович В.А., проводившей первичные биологические исследования, не повлиял на полноту судебного следствия.

Действиям Смирнова дана верная юридическая оценка...

Под письмом стояла подпись заместителя прокурора Московской области Вениамина Се-

лифанова. Моего давнего знакомого. Он был прокурором Сергиева Посада, когда меня арестовали, и без его ведома вряд ли фабриковали уголовные дела.

После моего осуждения Вениамин Вениаминович пошел на повышение и теперь на новом месте страховал себя. Даже показания работников скорой помощи Кожинова В.М. и Важенковой В.В., которые свидетельствовали в мою пользу, заместитель прокурора области в своей отписке то ли по незнанию, то ли по глупости обратил против меня... Я бы сейчас много дал, чтобы добраться до него и посмотреть ему в глаза... Пристально и долго.

Теперь я должен отклониться от повествования, и рассказать читателям, присяжным заседателям, какую версию случившегося выдвинули следствие и суд. За следствие в Сергиевом Посаде отвечал заместитель прокурора города В.В. Хатунцев, и думаю, что это он приложил руку ко всему. По сценарию, придуманному следствием, дело обстояло так.

Пьяницы тихо-мирно распивали у себя в притоне самогонку, вдруг кто-то постучал в квартиру. Собутыльник Греку Р.В. пошёл открывать дверь и через несколько минут сосед, то есть я (Смирнов В.О.) затащил к ним в квартиру уже мёртвого Греку, бросил на пол, стал пинать его ногами, а потом подошел к Зуйкову и ударил его железным прутом по голове.

Вот такие показания дали алкоголики. А уж сами додумались или Хатунцев В.В. надоумил — не берусь судить.

При этом показания свидетелей, были оди-

наковыми, словно их писали под копирку, и это, несмотря на то, что сами они на момент событий находились в состоянии тяжёлого алкогольного опьянения.

Рассмотрим скрупулёзно эту версию. Исследуем в начале показания бригады скорой помощи. И врач Кожин, и медсестра Важенкова, которые по вызову первыми приехали на место происшествия, раньше работников милиции, показывали, что молодые люди объяснили им, что нашли потерпевшего Греку Р.В. на лестнице и занесли в квартиру (том дела 1, лист дела 92–95).

А вот показания врача Кожина в суде: «Они говорили, что он (Греку) пил вместе с ними, потом вышел, долго не возвращался, они пошли его искать и нашли на лестнице, откуда принесли с ножевым ранением домой».

(Добавлю от себя, что, может быть, и сами ранили, причём в квартире, а лестницу придумали для отвода глаз).

Далее врачу в суде задают вопрос: «Кто говорил?» Врач отвечает: «Двое мужчин в возрасте 30–35 лет, они были высокого роста».

(Мне на момент событий было 52 года, а рост у меня 167 см — высоким никак не назовёшь.)

Таким образом, работникам скорой помощи участники пьянки рассказывали, что сами занесли в квартиру потерпевшего, а в прокуратуре поменяли показания и стали утверждать, что это сделал я.

(Уместно вспомнить, господа присяжные заседатели, ответ Вениамина Селифанова, кото-

рый утверждал на голубом глазу, что моя вина доказана показаниями свидетелей Кожина и Важенковой, хотя наоборот, их показания, доказывали мою невиновность и уличали алкоголиков во лжи.)

Теперь перейдем к вопросу который требует логического осмысления.

Общеизвестно, что преступления стараются совершить без свидетелей. Мне, значит, в этом плане крупно повезло, потому что из материалов дела следует, что никто не видел конфликта между мной и потерпевшим Греку. Даже шум борьбы никто не слышал, а дом у нас панельный и на лестнице слышны даже шаги. Значит, по логике вещей, мне повезло, я должен поблагодарить судьбу, свидетелей убийства нет, и скрыться с места преступления. Но вместо этого я почему-то, как дурак, затаскиваю труп в квартиру, охота была мне возиться, причем в квартиру, где сидят и пьют приятели убитого. Зачем? Чтобы они набросились на меня или чтобы появились свидетели убийства, если их не было и нет? Возможно ли такое? Я думаю, что это абсолютный бред. Так не поступит даже полный идиот.

Глава 8

Господа присяжные заседатели! Дамы и господа!

Не знаю, случайно или нет вы взяли в руки мою книгу, но думаю, что мы найдём общий язык.

Люди похожи на крепости: одни выкидывают белый флаг, другие сопротивляются, а над руинами судьбы безмолвствует немое небо и растёт трава, которая не набирает соков даже в благодатный год.

Кажется, что это просто, но на самом деле жалобы выматывают душу, и нужны нечеловеческие силы, чтобы выкладываться год за годом и расходовать себя.

В колонии писали жалобы, правда не припомню случая, чтобы они кому-то помогли. Десятки, сотни человек писали ежегодно тысячи, десятки тысяч жалоб, но инстанции не оставляли им ни шансов, ни надежд.

Меня это не остановило, хотя каждая отписка наносила сокрушительный удар и меня усердно мордовали.

...Главным следственным управлением по Московской области рассмотрено Ваше обращение, поступившее из Следственного Комитета о непринятии мер к проверке Ваших доводов, о фальсификации доказательств по уголовному делу.

В ходе рассмотрения уголовного дела, судом дана оценка как показаниям свидетелей, так и заключениям, проведенных по делу судебных экспертиз.

Доводы о фальсификации материалов уголовного дела, незаконных методах расследования своего объективного подтверждения не нашли.

*И.о. руководителя 1 отдела
А.В. Иванов*

Следственный комитет вышел из чрева прокуратуры и плоть от плоти был своим. Разница состояла только в том, что прокуратура возвра-

щала документы, которые я посылал, а в Следственном комитете они бесследно исчезали. Прокуратуру отличал бюрократический подход, а в Следственном комитете порядка никакого не было и жалобы часто оставляли без ответов, но крепло чувство, что меня бьют скопом.

...Прошу объявить Смирнову В.О., что его жалоба и обращение заместителя председателя комитета Государственной Думы Илюхина В.И. рассмотрены.

Действия осужденного квалифицированы правильно, нарушений уголовно-процессуального закона не установлено.

Прошу предупредить Смирнова, что в случае поступления нового обращения, содержащего оскорбительные выражения в адрес должностных лиц органов прокуратуры и суда, переписка с ним будет прекращена.

Начальник управления А.Ю. Беллевич

Я думаю, что среди следователей и прокуроров встречаются, конечно, люди совестливые и чуткие, закон единства противоположностей никто не отменял, но мне на них пока что не везло.

...Прокуратурой Московской области рассмотрено заявление осуждённого Смирнова В.О., поступившее с обращением заместителя Председателя Государственной Думы ФС РФ В.В. Жириновского о несогласии с приговором, возобновлении производства по делу.

Проведённой проверкой установлено, что действия Смирнова квалифицированы правильно.

Наказание назначено ему с учётом характера и степени общественной опасности преступле-

ния, конкретных обстоятельств дела и данных о личности.

Оснований для принесения надзорного представления на состоявшиеся судебные решения не усмотрено.

*И.о. прокурора Московской области,
Государственный советник юстиции 3 класса
А.Н. Игнатенко*

Пройдёт немного времени, и государственный советник пустится в бега. Игнатенко Александра Николаевича объявят в международный розыск. Он окажется главным фигурантом в громком уголовном деле о подпольных казино.

Наручники на беглого прокурора наденут в Польше, где он скрывался под чужой фамилией с паспортом гражданина Литвы.

И вот такие оборотни — даже страх берёт — решают наши судьбы.

Они окопались где возможно и погрязли во всех мыслимых грехах.

Они на каждом шагу подвергаются соблазнам и не могут устоять.

Они спят и видят, чтобы мы боялись своей тени, и липкий страх, подобно скотчу, склеивает многим людям рты.

Они не смутятся, если выяснится вдруг, что человек не виноват, не кинутся с извинениями, не поспешат освобождать; они пойдут на любые ухищрения, лишь бы довести дело до конца и спасти «честь» мундира.

Они должны бороться с преступностью, но покрывают преступников, сами совершают преступления, а чтобы создать видимость работы, сажают невиновных и бытовиков.

Они — правнуки тех, кто по ночам расстреливал людей в подвалах «чрезвычайки», кто в тюрьмы превращал монастыри; внуки тех, кто за решётку отправлял детей за подобранные на озябшем поле колоски... Господи, да всего не перечесать! И что можно ждать доброго от них?!

ГЛАВА 9

За время долгого сидения в тюрьме мне часто попадались на глаза религиозные журналы, и в них вкрапливались исповеди эзков, но ни разу, не сойти мне с места, не встречал я кающихся следователей, судей, прокуроров. Тут есть над чем задуматься и о чём поразмышлять.

Локальная зона огорожена забором четырёхметровой вышины, и поверх намотаны клубы колючей проволоки.

В длину локалка составляет сорок пять шагов.

Я мерил локалку шагами и помышлял о мести. Взвешивал свои возможности и шансы на успех. Жалел только о том, что на всех меня не хватит. Прокуратуру представлял как змеиное гнездо, и не терпелось мне прийти к ним среди бела дня и открыть огонь на поражение.

Ярость клокотала у меня в груди, как лава перед извержением вулкана, казалось сам Везувий был мне сводным братом. Я почти не сомневался, что точку в этой повести поставит пуля, даже где-то вычитал стихи: «Я стре-

ляю — и нет справедливости справедливее пули моей!»

Для борьбы нужно было копить силы, и я укреплял здоровье.

В пятьдесят с гаком подтягивался десять раз на турнике и, стоя на руках, вниз головой, отжимался в быстром темпе у стены.

Я не мог дождаться конца срока, а пока — писал. У меня накипело на душе, и жалобы были сродни пару, которому необходимо выйти из котла. Мне, пустившемуся во все тяжкие, не оставалось больше ничего, как послать письмо на имя президента. В ту пору возглавлял страну Д.А. Медведев. Я сомневался, что письмо уйдёт из стен колонии, но через три недели получил ответ.

...Сообщаем, что Ваше обращение, поступившее на имя Президента Российской Федерации в целях обеспечения Вашего Конституционного права на обращение в государственные органы, направлено на рассмотрение в Следственный комитет Российской Федерации в соответствии с компетенцией по разрешению поставленных в нем вопросов...

*Советник департамента
письменных обращений
граждан и организаций
А. Дозоров*

Я был в каком-то смысле обнадёжен — так, видимо, устроен человек, но скоро мне опять пришлось садиться за письмо.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Моё первое обращение на Ваше имя было направлено на рассмотрение в Следственный коми-

тет «в соответствии с компетенцией по разрешению поставленных в нем вопросов», как было сказано в ответе из департамента письменных обращений.

Однако, в Следственном комитете сочли, что вопросов, относящихся к компетенции Следственного комитета не имеется, и переслали жалобу в Генеральную прокуратуру.

А дальше всё вернулось на круги своя. Из Генеральной прокуратуры за подписью начальника Главного управления О.Т. Анкудинова в колонию пришло письмо: «Прошу объявить Смирнову Владимиру Олеговичу, что его обращение, поступившее из Администрации Президента Российской Федерации, рассмотрено.

Доказанность его вины никаких сомнений не вызывает. Выводы суда относительно того, что убийство совершил именно Смирнов, основаны на вполне достоверной совокупности доказательств. Заявление о фальсификации дела и т.п. голословны...»

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Действительно, и т.д. и т.п. получается. Я указываю конкретные факты подтасовки доказательств, а прокуратура их не проверяет, и облыжно утверждает, что заявления голословны.

Да побойтесь Бога! Как же голословны, когда одна экспертиза противоречит другой, а описания объектов исследования у экспертов не соответствуют друг другу, что прямо говорит о подмене образцов!

На второе обращение я не получил ответа. Вообще ни от кого.

ГЛАВА 10

После четвёртого-пятого года отсидки можно считать себя старым экзом.

Я всё больше ожесточался, и это мне давало силы жить, хотя великий Лао-цзы снисходительно учил: «Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твёрдого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равных».

Я пропитал себя возмездием, как горючей смесью, смаковал картины будущего, разрабатывал детально планы мести. Крамольные мысли в голове моей всегда жили где-то на отшибе, но иногда сходились вместе и занимали целиком мой ум.

План захвата городской прокуратуры у меня стоял на первом месте.

Главное, конечно, — не забыть оставить пулю для себя. Самоубийство — это грех; уйти из жизни — всё равно что с поля боя дезертировать, но когда воин, окружённый лютым врагом, оставляет пулю для себя, он не кончает жизнь самоубийством, а продолжает бой.

Терять мне было нечего. Я, можно сказать, прожил жизнь. Конечно, в свои пятьдесят с лишком чувствовал себя так, что далеко не каждый молодой мог со мной тягаться, но делать нечего. По мне лучше вовсе и не жить, чем жить под игом оборотней.

Иван Ильин в своей работе «О сопротивлении злу силой» справедливо полагал, что не сопротивляющийся злу сам разламывает стены своего духовного кремля.

Я знал, что проклятия возвращаются, но проклинал и думал: «Пусть сперва они настигнут тех, кого проклинаяю».

Волны ненависти исходили из меня и обрушивались на прокуратуру.

Я отдалялся, уходил от Бога, но поделаться с собой ничего не мог. Силы притяжения слабели, и ползком подкрадывался мрак.

...В конце тоннеля света не было. Я наткнулся на стену, но знал, что где-то тут должна быть потайная дверь. Для меня было загадкой, куда она ведёт, и я не отваживался начать поиски. Потом тихо повернулся и пошёл впотьмах назад.

Два существа во мне не оставляли спор:

— Тебе доставит удовольствие размозжить голову оборотню, который сфабриковал дело?

— Да, доставит удовольствие... большое... размозжить ему башку...

— Но за все удовольствия надо платить.

— За такое удовольствие я даже готов жизнью заплатить!

— А душой?

— Что душой?

— Душой расплачиваться ты согласен?

— Нет. При чем тут душа? С душой надо обходиться бережно, как с хрустальным кубком. Она принадлежит не мне, а Богу. Я её в аренду взял.

— Но за удовольствия такого рода платят именно душой.

— А ты откуда знаешь, кто ты такой?

— Знаю, раз говорю.

— Умный какой выискался...

— Не мстите за себя, но дайте место гневу Божьему.

— Я уже читал где-то эти слова.

— Их сказал Христос.

— Давай оставим этот разговор.

— До следующего раза?

Я прислушивался к голосам в себе, поёживался от невероятно ясного звучания и решительно не знал, к кому примкнуть.

Я не готов был идти против Бога. Он попустил мне много скорбей, но когда я выбивался из последних сил, удерживал в Своей ладони мою руку и от Себя на шаг не отпускал...

Я стал припоминать забытые молитвы.

Молитва — это волшебная палочка, с помощью которой можно творить чудеса, но для молитвы надобна душа. Молитва душу мнёт, как тесто. Бог — это Твердыня, на которую надо кидать все силы своей души. Молитва без души мертва и не будет никогда услышана.

Вот почему в Евангелии повторяются слова: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит...»

Я молился ежедневно, до упадка сил, до полубморочного состояния. А в тумбочке у меня хранились книги, и среди них любимая — «Огненный протопоп» Юрия Нагибина. Я стащил её в библиотеке, чтобы, как лекарство у больного, она была всё время под рукой.

Очарование страницами любимой книги не покидало меня много лет. Вождь староверов Аввакум и через несколько веков укреплял мой дух.

Я перечитывал страницы книги и щемяще понимал, что слово перевешивает пулю. Прав-

да, слово и отлить куда трудней. Каждое слово надо перебрать, брать двумя пальцами, держать на удалении от глаз и долго размышлять, куда и как приткнуть.

Никого не проклинал Христос со своего Креста, и Аввакум благословил стрелецкого десятника, который вёл его на казнь... О Вечный, Бесконечный Бог, я стою у Твоего порога и боюсь его переступить...

Я перечитывал Нагибина и ясно понимал, что мстить нельзя; но как же было тяжело отказываться мне от этих мыслей — я отрывал их от себя с кровью, как бинты. Зло надо развенчать, и когда поволокут в тюрьму, осенить себя, словно крестом, Аввакумовым речением: «К чему зверуете? С теми, что меч поднимают, мечом и деритесь, а тех, кто лишь слово имеет, словом же и побивайте. А коли сами в слово своё не верите, нет у вас правды».

ГЛАВА 11

Вертятся на языке, ворожат слова печальной песни Михаила Танича:

...А белый лебедь на пруду
 Качает павшую звезду
 На том пруду, куда тебя я приведу...

Песня-поводырь как будто за руку ведёт меня по шаткому мостку. Поэт и сам когда-то обретался там, где каждая пядь земли истоптана невольниками.

...Новый год. Куда ни кинь взгляд — всюду гирлянды из колючей проволоки.

Из однообразных дней плетётся паутина, и зэк запутывается с каждым годом всё сильнее.

После праздников, как запоздалые открытки, стали поступать отписки.

...Благодарю за обращение и доверие к моей деятельности.

Изучив Ваше письмо, сообщаю, что согласно ст. 7 Федерального закона от 8.05.1994 года №3 ФЗ... депутат не вправе вмешиваться в судебную практику.

Депутат Государственной Думы

А.Е. Хинштейн

...В Следственном комитете Российской Федерации рассмотрено Ваше обращение о неполучении ответов на ранее поданные заявления и по другим вопросам.

В целях оперативного реагирования на возможные нарушения закона обращение направлено в Главное следственное управление по Московской области.

Исполнение поручения контролируется.

*Старший инспектор первого зонального
отдела управления контроля*

за следственными органами А.Ю. Косихин

...Солнце не показывалось много дней, будто его не было в помине. И первые февральские дни выдались морозными, но сквозь этот короткий месяц уже можно было разглядеть весну.

...Прошу объявить Смирнову Владимиру Олеговичу, что его обращение рассмотрено.

Вина осуждённого доказана совокупностью

исследованных в судебном заседании доказательств.

Оснований для постановки вопроса о принесении надзорного представления не имеется.

И.о. начальника управления

И.Е. Шеин

...Голубое небо. Плывут большими ватными клоками облака. В кроне рослых берёз за колючим лагерным забором обустроили свою колонию грачи. Апрель.

...На обращение осуждённого Смирнова В.О., поступившее из Управления ФСБ России по Москве и Московской области разъясняю, ответы по результатам проверок даны ему неоднократно, в том числе и.о. прокурора области А.Н. Игнатенко.

В поступивших обращениях содержатся аналогичные доводы, не требующие проведения дополнительной проверки.

Начальник надзорного отдела,

младший советник юстиции

С.А. Александрова

Я долго не мог успокоиться и чертыхался на каждом шагу. Больше всего меня поражало то, что бывший прокурор А.Н. Игнатенко, на которого уже наручники надели, оставался для своих незыблемым авторитетом. На него ссылались, несмотря на то, что он ославился на целый мир.

...Лето выдалось диковинное, небо от жары испариной покрылось, и мир, казалось, был на волосок от светопреставления.

А на запретке красовалась сочная трава. Она была такой лакомой на вид, что хотелось встать

на четвереньки и ползти, щипать, жевать эту траву с набитым ртом.

...Ваша жалоба, адресованная Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, не может быть принята к рассмотрению...

Согласно ст. 3 Федерального конституционного закона «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, а не подменяет другие государственные органы, обеспечивающие защиту и восстановление прав и свобод.

Отказ в принятии жалобы к рассмотрению обжалованию не подлежит.

*И.о. начальника отдела защиты прав
человека*

в уголовном судопроизводстве

Н.И. Севастьянов

Институт уполномоченного по правам человека представлен широко, в каждом регионе. Пиши, пожалуйста, — не возбраняется. Но когда из недр тюрьмы вопят о помощи, уполномоченный разводит руками. Он помочь не в силах.

Жизнь подсказывает, что разумно вводить в штат уполномоченного не чиновников, а адвокатов. В этом случае защитный механизм начнёт работать, потому что через адвокатов можно на законном основании контролировать работу следствия или суда.

Стало быть, и адвокаты обретут сакральный смысл в своей работе и не будут играть с нами в подкидного дурака.

Сегодня бесплатных адвокатов выделяет государство, и с ними мало кто считается.

Бесплатных адвокатов называют «ментовскими адвокатами», и они дают повод так к себе относиться, потому что среди них много бывших работников прокуратуры и они часто ведут двойную игру: заслышав волчий зов, привычно трусят в свою стаю.

...И вот уже октябрь на излёте. Стоят в позолоте деревья на воле, а добрых вестей нет как нет.

Запахни свою душу, терпи и покорствуй, не лезь без нужды с разговорами.

Трудней всего преодолевать свой характер и сдерживать себя под уздцы.

ГЛАВА 12

В тюрьме я перестал бояться смерти. Я жду смерти с любопытством, как путешественник в начале своего пути ждёт встречи с неизвестным.

Смерть топчется возле меня всю жизнь.

Учёные рабовладельческому строю отвели несколько веков, но он не миновал. Люди по своей природе раболепны и сами влачат цепи за собой.

Наковальня духа не выдерживала сокрушительных ударов молота судьбы.

Пока рефери на ринге вёл отсчёт, я отдышал. В последнюю секунду поднимался и сходиллся в клинче или ввязывался в бой.

Марина Андреевна, начальник спецчасти, принимала мои нескончаемые жалобы и, не поднимая головы, вздыхала: «Вы думаете, им надоест давать отказы?»

Я молчал. Мне надо было беречь силы.

Сыт тюрьмой до тошноты, по горло, до икоты. Так тянет потрогать свободу рукой, так хочется дотронуться до воли. Но до Бога не докричатся.

А лукавый не дремал и тихой сапой подбирался.

...Прошу объявить Смирнову Владимиру Олеговичу, что его жалоба рассмотрена.

Прокуратурой Московской области в Президиум Московского областного суда принесено надзорное представление, в котором предложено приговор Сергиево-Посадского городского суда изменить: признать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание противоправность поведения потерпевших, явившегося поводом для преступления.

Назначенное Смирнову В.О. по ч. 1 ст. 105 УК РФ наказание снизить...

*И.о. заместителя прокурора
Московской области
Т.В. Шиширина*

Прокуратура искушала меня выйти раньше срока, и перед таким соблазном трудно было устоять.

Противоправность действий потерпевших позволяла снизить срок, и, если бы я проявил сговорчивость, они бы так и поступили. Им ничего не стоило сбавить три оставшихся мне года и показать, что всё у них в руках.

В обмен я зарекался с ними связываться. Это их устраивало, делало значительными в собственных глазах, и они пробовали меня приручить.

Они ставили на то, что я намучился в колонии, а свободой можно заманить, как калачом.

И я действительно устал, хронически устал от подневольной жизни. Ничего так не хотелось, как побыть одному, принять ванну, насладиться женщиной, побродить в лесу...

Перловка в рот не лезла. Душа просила каши гречневой, а на гарнир грибочков, жаренных с лучком. Просто, но со вкусом, по-домашнему. От этих мыслей даже слюньки потекли.

Душа просила, а сама противилась и на пятную не шла.

Как вериги ношу свою душу.

ГЛАВА 13

По надзорному представлению прокуратуры возбудили производство. Решение об этом вынесла судья Московского областного суда Патова Т.Н.

От участия в судебном заседании я отказался. Мне было не с кем оставить в бараке своего кота, да и нервы следовало поберечь: под лай собак этапы оборачивались нервотрёпкой.

Больно нужно суду любоваться на меня. Я всё на бумаге изложу, пусть взвешивают на своих весах, а если нет, то и моё присутствие мне не поможет — надуют прямо на глазах. Я уже с этим сталкивался.

Смею думать, что судье не обязательно знать назубок Уголовный кодекс. Важно иметь живой ум и какую-никакую совесть, а в свод законов всегда можно заглянуть.

За одно и то же деяние можно осудить и оправдать, и поступить при этом по закону, а вот поступить по совести в обоих случаях нельзя.

Господа присяжные заседатели! Дамы и господа!

Пора, пора вас посвятить в материалы дела. Вам нужно, наконец, составить своё мнение. Поэтому прошу вас набраться терпения, а ума вам не занимать.

Все люди — разные. Один, скажем, книго-чей, а другой в заслугу себе ставит, что он не читает книг, даже говорит об этом как о подвиге.

Жалоба в президиум Мособлсуда не выходила у меня короткой. Я писал как на духу и, как в чернильницу, макал перо прямо в свою душу.

В Президиум Московского областного суда

Надзорное представление заместителя прокурора Московской области Шишириной Т.В. было бы, возможно, справедливым при моей причастности к убийству, но я, слава Богу, никого не убивал, а дело против меня сфабриковали.

Уголовное дело против меня построили на фальсификации доказательств и на лжесвидетельских показаниях хронических алкоголиков, которые оговорили меня, чтобы самим уйти от ответственности за убийство своего собутыльника.

Позвольте изложить основные факты.

Первый приговор в отношении меня был вынесен 1 ноября 2007 года и отменён кассационным определением Московского областного суда 15 января 2008 года.

Отмена приговора, надо отдать должное профессионализму судей Зимина В.П. и Снегирёвой Е.В., мотивировалась следующими соображениями.

Первое. Это вопрос о месте причинения потерпевшему Греку Р.В. ножевого ранения. (Условимся пока рассматривать версию следствия о моей причастности к убийству потерпевшего Греку.)

В кассационном определении Московского областного суда от 15 января 2008 года отмечено, привожу дословно: «Если вторжение в квартиру Смирнова В.О. имело место, то у суда не было основания отрицать за подсудимым право на оборону».

Почему судебная коллегия Мособлсуда пришла к такому выводу?

Да потому что это прямо следовало из материалов дела.

Во-первых, свидетель защиты Мария Жарова показывала, что слышала шум в моей квартире.

Во-вторых, свидетель Жаров Александр показывал, что при встрече с ним, я говорил ему, что на меня напали.

В-третьих, сам я с первого дня следствия утверждал, что на меня напали.

В-четвёртых, в моей квартире была обнаружена кровь III группы, которая, согласно экспертизе, могла принадлежать потерпевшему Греку Р.В.

Сам потерпевший находился в состоянии тяжёлого алкогольного опьянения, что следовало из экспертизы, являлся лицом с асоциальным поведением, и трижды содержался в Московской об-

ластной психиатрической больницы №5, откуда характеризовался таким образом:

«В состоянии алкогольного опьянения становится злым, агрессивным, устраивает драки, постоянно конфликтует с матерью, нигде не работает, часто алкоголизуется... В отделении был груб, раздражителен, лжив, вспыльчив».

Справка из психиатрической больницы имеется в деле.

Исходя из всех этих очевидных и простых вещей, судебная коллегия пришла к логическому выводу.

Это один ключевой момент кассационного определения. Другой ключевой момент, по которому приговор был отменён, состоял в следующем. Я снова должен процитировать определение коллегии Мособлсуда. «Для разрешения данного дела также имеет важное значение вопрос о том, в какой последовательности были причинены смертельное ножевое ранение Греку и лёгкий вред здоровья потерпевшего Зуйкова». И далее: «Потерпевший Зуйков в принятых судом показаниях, утверждает, что Смирнов к ним в квартиру вошел уже с окровавленным ножом и со следами от вытирания ножа на своих брюках». Конец цитаты.

Вопрос этот, на самом деле, имел важное значение. И Зуйков действительно давал такие показания. «Я увидел на джинсах в области бедра на правой ноге след крови, как будто Смирнов об джинсы лезвие ножа вытер». Зуйков давал такие показания, как на следствии, так и в суде.

Что касается меня, то я с первого дня следствия утверждал, что испачкал брюки кровью,

когда оказывал помощь потерпевшему и укладывал его на диване. Я пояснил следователю, что кровь на одежде и на ноже принадлежит разным людям, что одежда испачкана кровью человека, которому я оказывал помощь, когда укладывал его на диване в кв. 61 после того, как по просьбе жильцов этой квартиры, вызвал скорую помощь.

И вот судебная коллегия Мособлсуда обоснованно решила, что этот спор имеет важное значение и потребовала его разрешить.

И это другой ключевой момент, по которому приговор был отменён.

Что еще хотелось бы добавить? О патологической лживости главного свидетеля обвинения Зуйкова А.В. говорит, помимо прочего, и следующий факт. На протяжении всего следствия и суда Зуйков выдавал себя за рабочего человека, станочника, и в качестве места работы указывал предприятие ЗОМЗ. Однако справка из отдела кадров ОАО ЗОМЗ (она по ходатайству защиты приобщена к делу) констатировала, что Зуйков на данном предприятии не работал. Суду это было известно, но, составляя свой бессмертный приговор, суд каждый раз указывал, что у суда «нет оснований не доверять показаниям Зуйкова».

Да, на первый взгляд, всё было против меня: и одежда у меня в крови, и дома у меня изъяли нож в крови, и свидетели валят на меня, а мои растерянные бормотания никого не могут убедить. Я это понимал. Но я надеялся, что разберутся. Я даже адвокатов в первые недели следствия не нанимал, считал, что моими адвокатами будут экспертизы. Но, оказывается, образцы исследова-

ния можно подменить и помешать этому никто не может.

Я прошу президиум Московского областного суда обратить внимание на время проведения первоочередных экспертиз. Например, экспертизы крови на лезвии ножа и экспертизы крови из моей квартиры. Они проведены почему-то, спустя полтора месяца, после происшествия и после изъятия образцов крови и ножа.

Не странно ли? Арестовали писателя, автора двух книг, он положительно характеризуется и божится, что не убивал. Вот бы сразу и назначить экспертизу, чтобы все поставить на места. Но почему-то медлят, не спешат. Так не бывает, и я убежден, что экспертизы были вовремя назначены, но результаты экспертиз ошеломили прокуроров. Выходило по всему, что я не виноват, а уже несколько недель сижу в тюрьме, и по убийству отчитались, что оно раскрыто. Как же быть? Признаться, что совершена ошибка и в тюрьме оказался невиновный человек? Для этого надо иметь мужество и совесть. А если их в помине нет, то можно подделать доказательства и ни за что не отвечать. Возможности для этого имеются, есть кровь убитого, она хранится в сухом виде. Кровь можно представить, как изъятую в моей квартире, можно нанести на лезвие ножа и назначить снова экспертизы...

Так и поступили. Они теперь готовы были мои действия расценивать как оборону, но я свою причастность к смерти потерпевшего не признавал, выглядел неблагодарным в их глазах, и поплатился. Дали 8 лет. А после отмены приговора снова прибегли к подтасовке, чтобы меня не выпускать,

поскольку в кассационном определении Мособлсуда было сказано, что за мной нельзя отрицать права на оборону. Кровь потерпевшего Греку Р.В., которая якобы была обнаружена в моей квартире, теперь стала им мешать, и Зуйкова принудили дать показания, что он якобы заходил в мою квартиру и смывал кровь с лица. После этого назначили новые экспертизы и кровь III группы стала кровью I группы. Снова провели подмену, только раньше орудовали скрытно, под покровом тайны следствия, а теперь фокус проделали открыто, на глазах.

Такая же картина с ножом. Нож почему-то больше месяца не отправляли на экспертизу. Потом дело передают другому следователю: Лавровой И.В. Она проводит осмотр вещественных доказательств, (получается, что больше месяца осмотр не проводили) в том числе ножа, и составляет описание: «На лезвии ножа имеются пятна в виде мазков бурого цвета». И сразу возникает вопрос: а кто нанес мазки? Мой адвокат, который 30 лет проработал криминалистом, возмущённо говорил, что горячая кровь не может оставаться в виде мазков, она должна распределиться по лезвию ножа равномерной плёнкой, но этим никого не пристыдил.

Нож отправляют на экспертизу. Эксперт Кочеткова Е.М. даёт заключение (№1156), согласно которому, кровь на лезвии ножа принадлежит потерпевшему Греку Р.В., но (!) при этом сама кровь с лезвия ножа полностью исчезла, нож становится стерильно чистым. Возможно ли такое, если при изъятии ножа лезвие было испачкано с двух сторон?

(Господа присяжные заседатели, далее я подробно излагал президиуму Мособлсуда, как после отмены первого приговора была назначена экспертиза по механизму образования пятна крови на моих брюках, которая подтвердила мои показания, что брюки испачканы от дивана, и какие выводы сделал суд. Надо ли повторяться? Я ведь уже писал про изворотливость судьи Сысоевой. Писал также о том, как кровь III группы превратилась чудным образом в кровь I группы, и только различия в описании объектов исследования были немymi свидетелями подмены образцов. В письме на имя Генерального прокурора, оно в книге представлено, это тоже всё изложено. Надо ли повторяться?)

Дамы и господа! Господа присяжные заседатели, я не буду больше испытывать ваше терпение, но для полноты картины набросаю еще несколько штрихов.)

Свидетель обвинения Люба Томаровская, хозяйка притона однажды всё-таки явилась в суд. Она долго смотрела на меня и потом сказала: «Смирнов не виноват. Он не убивал».

Тут как фурия вскочила с места государственный обвинитель, помощник прокурора Л.В. Баранова: «Она пьяная и не может давать показания!»

«Я с похмелья, это правда, но сегодня не пила», — твёрдо настояла Томаровская. Судья Сысоева вроде снизошла: «Давайте её послушаем».

«Нет! — сказала, как отрезала, Баранова. — Я возражаю».

И суд сник.

Судья сказала: «Я вам выпишу повестку на следующее заседание».

Томаровская в суд больше не пришла, и никаких мер по её доставке суд не принимал.

Следующий мазок к портрету правосудия.

Цитирую приговор суда: «Показания врача Кожинова, пояснившего, что присутствующие в квартире лица объяснили, что внесли Греку с лестничной площадки между этажами, являются неубедительными, так как очевидцы происшествия дали подробные показания по делу и их показания подтверждаются другими исследованными в судебном заседании доказательствами, обнаружением крови на лестничной площадке первого этажа около 61 квартиры, заключениями экспертизы».

Дайте дух перевести... Во-первых, какой смысл врачу Кожинову что-то выдумывать и врать! Во-вторых, очевидцы происшествия дают путаные показания. В-третьих, они неоднократно уличались во лжи, и непонятно, почему суду кажутся неубедительными показания врача, трезвого, порядочного человека и почему суд убеждают показания хронических алкоголиков и лжецов?

В-четвёртых, не ясно, какие другие доказательства, исследованные в судебном заседании, подтверждают показания лжецов? В-пятых, кровь, которая якобы обнаружена возле 61 квартиры, сама по себе никак не может свидетельствовать о том, что именно я затаскивал потерпевшего в квартиру. (Да и с кровью этой не все ладно).

Наконец, какие заключения и какие экспер-

тизы доказывают, что именно я затаскивал потерпевшего в квартиру, на что бойко ссылается суд?

Полное отсутствие малейшей логики и набор трескучих фраз.

И опять же, как не разразиться нервным смехом. Суд показания врача Кожина признал неубедительными, потому что они подтверждали мою правоту, а заместитель прокурора области невозмутимо уверял, что показания врача Кожина, напротив, мою вину доказывают... Помните письмо Вениамина Селифанова? И ведь государство платит им приличную зарплату за белиберду.

Господа присяжные заседатели! Дамы и господа!

Подхожу к финалу.

На десерт я приготовил уникальный документ. Он называется «кассационное представление». Представление было подано на приговор суда государственным обвинителем, помощником прокурора Л.В. Барановой.

...Считаю, что приговор суда является незаконным в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона.

В соответствии со ст. 307 УПК РФ описательно-мотивированная часть обвинительного приговора должна содержать, в том числе, доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

По настоящему уголовному делу осужденный Смирнов, излагая свою версию событий, неоднократно заявлял, что ножевое ранение он нанёс,

обороняясь от нападавшего. Установив место совершения убийства Греку Р.В. — лестничная площадка — суд не оценил в приговоре заявление Смирнова В.О. о нападении на него со стороны потерпевшего.

Кроме того, не дана оценка судом и заявлениям Смирнова В.О. о том, что ножевое ранение причинено им не Греку, а другому лицу. Такие заявления Смирнов делал и в ходе предварительного следствия, и в судебном заседании, поясняя, что на него напал не Греку Р.В., а какой-то другой человек, который впоследствии прошёл под окнами квартиры.

Не полное отражение доводов стороны защиты, отсутствие в приговоре мотивов, по которым суд не принял эти доводы, существенно снижает возможность участников уголовного судопроизводства со стороны защиты осуществлять свои процессуальные права.

На основании изложенного считаю, что приговор незаконен и подлежит отмене.

Руководствуясь ст. 379, 381, 386 УПК РФ прошу:

Приговор Сергиево-Посадского городского суда от 28.12.2008 года по уголовному делу по обвинению Смирнова В.О. отменить, уголовное дело направить на новое судебное разбирательство.

Государственный обвинитель, старший помощник

*Сергиево-Посадского городского прокурора,
юрист 2 класса*

Л.В. Баранова

Убойность документа состояла в том, что в судебных заседаниях Л.В. Баранова делала всё

для того, чтобы помешать объективному судебному разбирательству и не дать защите осуществлять свои процессуальные права.

Она выступала против вызова в суд эксперта, проводившего биологическую экспертизу, против запроса характеристики на Греку из психиатрической больницы; против допроса свидетеля Томаровской, которая заявила в суде о моей невиновности... Наконец, в прениях Баранова запросила для меня 13 лет лишения свободы! И вот не проходит две недели, она пишет представление и просит приговор в отношении меня, как незаконный, отменить.

Более удивительной была только позиция Московского областного суда. Судьи Маренкова В.П., Колесников А.З. и Тихонов В.Н. при рассмотрении кассационной жалобы закрыли глаза даже на то, что их коллеги один раз отменяли приговор, а нарушения не только не были устранены, но и усугубились новыми.

В конце жалобы я не просил, а заклинал президиум Мособлсуда принять справедливое решение, за которое потом не пришлось бы никогда краснеть.

ГЛАВА 14

Людям свойственно ошибаться. На ошибках люди учатся. И только судьи никогда не ошибаются и ошибок своих не признают.

Ромен Роллан, нобелевский лауреат, писал: «Судьи, все они на один покрой, раз вынесли приговор, скорее допустят, чтобы рухнул весь

мир, нежели признаются в совершённой ими ошибке. Это поистине страшное тщеславие глупцов и мерзавцев, более жестокое, нежели сама жестокость; закусив удила, они упорствуют в своей ошибке, в своём преступлении! И если существует преисподняя, им там уготовано почётное местечко».

Президиум Московского областного суда не внял ни совести, ни голосу рассудка и проштамповал постановление №505.

...Доводы осуждённого о том, что он не причастен к убийству Греку Р.В. тщательно проверены судом первой и кассационной инстанции и не нашли своего подтверждения. Вопреки утверждениям осуждённого суд принял все меры всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела.

Обвинительный приговор соответствует требованиям ст. 302 УПК РФ, в нём указаны обстоятельства, установленные судом, и мотивированы выводы относительно правильности квалификации преступления.

Однако при назначении Смирнову В.О. наказания судом не были выполнены в полной мере требования закона. В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие наказание.

Из материалов дела следует, что Греку Р.В. и другие лица нарушали общественный порядок и мешали отдыху Смирнова В.О. Согласно показаниям осуждённого противоправные действия лиц, проживающих в квартире №61, продолжались в

течении нескольких лет. Свидетели Герасимова Н.Е.; Жарова Т.М, проживающие в этом подъезде, пояснили, что в указанную квартиру постоянно приходили разные лица, злоупотребляющие спиртными напитками, в квартире слышался шум и ругань.

Кроме этого суд установил, и в приговоре указал, что лица, стучавшие в дверь квартиры Смирнова В.О., нарушали порядок в подъезде, мешали его отдыху, а последующие действия Смирнова В.О. носили ответный характер.

При таких обстоятельствах следует признать наличие смягчающего, наказания Смирнова В.О., обстоятельства, предусмотренного п.3, ч.1 ст. 61 УК РФ — противоправность поведения потерпевших явившееся поводом для преступления...

...Президиум Московского областного суда, словно в насмешку, скинул мне три месяца... Вывалили всё в словесной шелухе, и уже противно в руки брать бумаги из суда.

Я пробежал глазами фамилии судей, которые вынесли постановление: В.М. Волошин, Д.И. Балабан, А.М. Мезин, Л.А. Овчинников, С.В. Романовский, С.В. Соловьёва. К ним надо присовокупить судей Ропот В.И., Гавричкова В.В. и коллег из Верховного Суда: В.М. Лизунова, А.Я. Петроченкова, Н.Д. Каменева и В.Ф. Шишленникова.

Я хочу, чтобы их внуки знали, как они рассматривали жалобы. И когда однажды судьи попадут под юрисдикцию Высшего Суда, то моя повесть будет против них свидетельствовать.

Больше я не обращался в суд.

А преисподняя взаправду существует. Дани-

ил Андреев в «Розе мира» просвещал: «Механическая сторона действия Закона возмездия остается всегда и везде неизменной: она состоит в том, что нарушение нравственных законов влечёт за собой утяжеление эфирного тела совершившего. Пока он живёт, утяжелённое эфирное тело остаётся на поверхности трёхмерного мира; при этом физическое тело играет роль спасательного круга.

Но как только связь между ними разрывается смертью, эфирное тело погружается глубже и глубже, из слоя в слой, пока не достигнет равновесия с окружающей средой... В самое низшее и страшное чистилище попадают за осуждение невинных, мучение детей и терзания беззащитных».

ГЛАВА 15

Писать очень тяжело. Слова надо, как жемчуг, нанизать на нить рассказа и каждую страничку, как печатью, скрепить оттиском души.

Но жемчуг под ногами не лежит. «Для того чтобы отыскать жемчужину, надо нырнуть на самое дно океана. Мало пользы барахтаться в прибрежных волнах и клясться, что в океане нет никакого жемчуга и все рассказы — выдумка о нём» — учит Сатъя Саи.

Я мучительно искал слова. И доводы на самом деле получались выпуклыми. Даже, кажется, слепой мог бы водить пальцем по странице и читать свободно текст. Но жалобы безумно складывали в пыль архивов.

*Ю.Я. Чайке, Генеральному прокурору
Российской Федерации*

Уважаемый Юрий Яковлевич!

Президиум Московского областного суда Постановлением №505 отклонил все обоснованные доводы.

Жалобы в прокуратуру тоже много лет остаются, в сущности, без рассмотрения.

Но разве откровенная фальсификация доказательств не является основанием для принесения надзорного представления?

Разве прямое нарушение ст. 50 Конституции России, запрещающей использовать доказательства, полученные с нарушением закона, не является основанием для принесения надзорного представления?

А на чём основаны выводы суда о том, что конфликт произошел на лестничной площадке, если свидетелей конфликта нет, и шум никто не слышал? И почему суд не решил, что конфликт произошел на чердаке или в подвале?

В этой части выводы суда взяты с потолка и основаны на предположениях. Но разве статья 14 УПК РФ не запрещает строить приговор на предположениях? И разве это грубое нарушение не является основанием для принесения надзорного представления?!

Экспертиза №869 была специально назначена для разрешения спора между мной и свидетелем Зуйковым по механизму образования пятна крови на моих брюках. Экспертиза полностью подтвердила мои показания и опровергла домыслы Зуйкова. Однако выводы суда в этой части не соответствуют материалам дела.

Но разве несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела (ст. 379 УПК РФ) не является основанием для принесения надзорного представления?

На потерпевшего Греку Р.В. поступила из психиатрической больницы крайне отрицательная характеристика, где в числе прочего сказано, что потерпевший в алкогольном опьянении становится злым, агрессивным и устраивает драки, а суд, со слов родственника, брата потерпевшего, в приговоре указал, что потерпевший был спокойным, неконфликтным человеком, в драках не участвовал...

Но разве тенденциозное и предвзятое отношение суда к оценке фактов не лишает меня априори права на справедливое судебное разбирательство? И разве это не является основанием для принесения надзорного представления?

Убедительно прошу Вас принять меры в полном соответствии с законом.

Если системные и фундаментальные нарушения не только буквы, но и духа закона не дают основания для принесения надзорного представления, то, очевидно, беззаконие у нас возведено в ранг закона.

Я не сдерживал себя. Понимал, что нахожусь в пасти дракона и вроде был в своем уме, но инстинкт самосохранения, по-видимому, у меня довольно плохо развит.

На этот раз я удостоился ответа от самого Сабира Гаджиметовича Кехлерова. И уже по тону догадался, что писал сановник.

...Прошу объявить Смирнову Владимиру Олеговичу, осуждённому за умышленное убийство Греку, что его жалоба рассмотрена.

Выдвинутая заявителем версия о том, что происшествие имело место не на лестничной площадке у квартиры потерпевшего, а в его (Смирнова) жилище, в которое Греку незаконно ворвался, противоречит выводам молекулярно-генетической экспертизы, из которой следует, что обнаруженная в соскобе из подъезда дома кровь происходит от погибшего, а кровь, изъятая в квартире осужденного — от другого человека, а не от Греку.

Утверждения о фальсификации вещественных доказательств, в том числе о том, что представленные на молекулярно-генетическую экспертизу образцы не соответствуют тем, которые были изъяты с места преступления и исследованы при производстве судебно-биологической экспертизы, проверены путём допроса эксперта и мотивированно отвергнуты.

Несоответствие между выводами судебно-биологической (№976) и заключением молекулярно-генетической экспертиз не приняты судом во внимание, поскольку в результате биологических исследований принадлежность крови определяется с небольшой долей вероятности, а при молекулярно-генетических — с вероятностью 99,999%.

Кроме того версия осуждённого о самообороне опровергается и другими доказательствами, изложенными в приговоре, относимость, допустимость и достоверность которых им не оспаривается.

Оснований для принесения надзорного представления не нахожу.

*Заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации С.Г. Кехлеров*

Я находился в здравом уме и точно знал, что никого не убивал, а мне внушали, что моя вина доказана. Раньше я страшно злился, и это продолжалось долго, но потом, конечно, дурь прошла. Не зря, наверно, говорят, что за одного битого двух небитых дают. Я научился держать удар, и только нервный тик выдавал меня, хотя письмо заместителя генерального прокурора не оставляло никаких надежд. Я это понимал.

Уважаемый Сабир Гаджиметович!

Ваше письмо, к сожалению, не содержит ответов на поставленные вопросы и напоминает разговор глухого с немым.

*Так, например, Вы утверждаете, что несоответствие образцов для экспертизы «**проверялись путём допроса эксперта и мотивировано отвергнуты**».*

Но, в действительности, всё происходило с точностью до наоборот, то есть, суд отклонил ходатайство защиты и не вызвал на допрос эксперта-биолога, что можно легко установить, ознакомившись с протоколом суда от 26 сентября 2008 года.

Вы также поучаете меня, что молекулярно-генетическая экспертиза определяет принадлежность крови с вероятностью 99,999 процентов. Но помилуйте, это общеизвестно! Это прописные истины, и я не оспариваю возможности молекулярно-генетической экспертизы.

Речь в моих жалобах идёт о другом. Дай мне Бог терпения. Речь идёт о том, что сначала произвели подмену образцов, а потом назначили молекулярно-генетическую экспертизу.

Вы утверждаете, что происшествие имело

место на лестничной площадке «у квартиры потерпевшего», но будет Вам известно, что потерпевшему квартира никогда не принадлежала, он в ней не проживал, а только приходил и пьянствовал в этом притоне.

Вы так увлеклись составлением изящной формы и так любовались на себя со стороны, что потеряли чувство меры и несёте просто невесть что:

«Кроме того версия осужденного опровергается и другими доказательствами, изложенными в приговоре, относимость, допустимость и достоверность которых им не оспаривается».

Да как же Вам не стыдно это утверждать, когда я много лет только и делаю, что оспариваю доказательства и привожу примеры подтасовки дела от начала до конца?..

Эта жалоба была последней в Генеральную прокуратуру. Они даже отписками больше не хотели себя утруждать и прислали мне короткое уведомление.

...Прошу объявить Смирнову Владимиру Олеговичу, что его обращение рассмотрено.

Руководством прокуратуры Российской Федерации оснований для принесения надзорного представления на состоявшиеся судебные решения не найдено.

*Начальник отдела управления
В.А. Легецкая*

...Вот это самая В.А. Легецкая впервые появилась в моей повести, но индустрия составления отписок без неё будет далеко не полной.

В прокуратуре так и не нашлось ни одного стоящего человека. Да нет, конечно, кто-то

был, но без права принимать решения.

Ах, незабвенный Н.В. Гоголь! Ведь это он в «Мёртвых душах» написал: «...послали за доктором, чтобы пустить кровь, но увидели, что прокурор был уже одно бездыханное тело. Тогда только поняли, что у покойника была, точно, душа, хотя он, по скромности своей, никогда её не показывал».

Пройдёт ещё немного времени, и в «Новой газете» (№3 за 2014 год) я прочитаю статью о сыне Сабира Гаджиметовича. Мурад Кехлеров пошел, конечно, по стопам отца, семейственность в прокуратуре развита, подвязался работать начальником управления Московской транспортной прокуратуры и едва не погорел на взятке, но отделался испугом. Осудили его заместителя, однако заместитель, как и взяткодатель, в один голос утверждали, что пять миллионов рублей предназначались лично для Мурада Кехлерова...

На зоне «Новая газета» ходила по рукам и знающие зэки хмыкали: «Да при таком папике любой дурак отмажется».

Я часто вспоминаю своего отца, как он меня учил: «Главное в жизни — быть человеком».

Я откровенно не понимал, ни в детстве, ни потом. Я считал, что человеком я и так родился, а главное — достичь чего-то в жизни: стать учёным, например, или космонавтом. И только ближе к пятидесяти годам до меня дошло, что на самом деле главное — быть человеком, или хотя бы стараться им быть...

В нашей жизни лучше носить робу зэка, чем форму прокурора или мантию судьи. Выгод и

удобств, конечно, меньше, зато в скорбях польза для души.

И даже в завещании своем я укажу, чтобы меня похоронили в робе ээка.

ГЛАВА 16

Вы, конечно, знаете о феномене болгарской ясновидицы (ныне покойной) Ванги.

Она, несмотря на физическую слепоту, обладала духовным зрением, острота которого несоизмерима с зоркостью человеческих глаз, и благодаря этому общалась с душами умерших.

И это был не фокус, а реальное общение. Не зря Христос сказал: «Бог же не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы».

Это пока едва доступно нашему пониманию, но придёт время, оно не за горами, и будут разработаны «технологии», с помощью которых станут общаться с выбывшими в мир Иной людьми. И тогда убитого можно будет «вызвать» на допрос, и он даст обстоятельные показания и назовёт убийц.

Работа следователя станет анахронизмом, а тысячи людей придется оправдать. За невиновностью. И я буду одним из них.

...То ли в душу запала, то ли в зубах навязла, но много лет звучит во мне, не даёт покоя песня:

Где-то багульник на сопках цветёт,
Кедры вонзаются в небо.
Кажется, будто давно меня ждёт
Край, где ни разу я не был.

Это песня о несбыточном.

Не про каждого на зоне скажут, что он взял срок. Так говорят с оттенком уважения, как про чемпиона или про штангиста, когда он, перевозмогая себя, берёт вес.

За словом «взял» стоит признание заслуг.

Великий писатель Александр Солженицын срок не взял. Он выступал в художественной самодеятельности, потешал своих охранников, вымарался бригадирством и даже согласился быть осведомителем под агентурным именем «Ветров».

Достойно отсидеть свой срок трудней, чем быть писателем.

Сидел у нас на зоне Арвидас Вайчюнас из Литвы. Он попал за контрабанду. До этого набедокурил в европейских странах: в Чехии, в Голландии, в Германии, в Испании срок отбывал и не рвался никогда домой. А тут вдруг вспомнил, что он гражданин Литвы, и стал добиваться перевода на родину. Просьбу его после долгой волокиты удовлетворили, и Вайчюнас, собираясь на этап, говорил, что покидает ад.

А жизнь на зоне шла своим чередом.

...Базик отоварился в ларьке и чешет с сумкой через плац к себе в барак.

Из других локальных зон ему наперебой кричат:

— Братан, как долго я тебя искал!

— Брат, мы тебя заждались!

— Братан, надыбай что-нибудь, много ли нам, доходягам, надо!

— Базик, тусани конфеток, брата не забудь!

— Брат! — слышится со всех сторон, и кто-то уже распахнул объятия.

Базик улыбается во весь щербатый рот. Он знает, как отвадить.

— Пацаны, вы обознались! У меня нет братьев! Одни сёстры у меня в родне!

...Время близилось к отбою, а в барак не хотелось заходить. Тишина бывала только поздно ночью, когда барак угомонится и повально спит.

— Горын, ты кто по жизни? — каждый день орал Фома своему кенту. — Я, как посмотрю, так только мы одни воруем, а кругом все честные...

— Если бы я его грабил, то базара бы не было, мне трёшку дали за одну фамилию, — смеётся Юра Жуликов. С такой фамилией и впрямь решетки не избыть.

Картёжники перебираются играть в другое место.

— Я забрал «точковку» и ушёл!

— А где «пулемёт»?!

— На «катране» был. Нет? Кто взял?!

— У Хромого. Он уже свалил.

— А одеяло где?!

— На нём играют в зарики...

Триста шестьдесят пять дней в году, двадцать четыре часа в сутки зэк находится в гуще людей и годами терпит эту пытку.

В последний день каждого месяца на зоне ставили чифир и пили за здоровье воров в законе. Из общака выделяли чай и конфеты.

В середине месяца пили, по традиции, за упокой. Зачитывали поминальный список, в ко-

тором значились убитые воры. Своей смертью они умирали редко.

391825... Это почтовый индекс станции Калекотки Рязанской области, где я провел в колонии пять лет.

Сотрудники колонии, за редким исключением, старались быть людьми. Исключение составляли начальник отдела безопасности майор Геннадий Алексеевич Кирилов и мой однофамилец, заместитель начальника колонии Максим Вячеславович Смирнов. Но про Максима Вячеславовича разговор отдельный, а Геннадий Алексеевич не тянет на отдельный разговор. Под тяжестью задницы он при ходьбе заметно приседал и походил на ящера, который за собой с трудом волочит зад.

Почтовый индекс я запомнил наизусть, а на зоне одичал и отвык от жизни.

Правда, нашёл дело для души и каждый день кормил в колонии котов.

Люди по своей природе делятся на тех, в ком есть потребность о других заботиться, и тех, кто думает только о себе.

У меня кормилось полтора десятка кошек и котов. Кто-то из них выживал, кто-то погибал, кого-то забирали домой зэки, но кошки обзаводились котятами, и среднее число не убывало.

Моя давняя мечта создать приют для братьев наших меньших причудливо осуществилась, но я не сразу догадался Бога поблагодарить.

Среди зэков находились люди, с которыми у меня из-за кошек доходило чуть ли не до драки. Но удивительное дело: проходило время, и они

сами начинали подкармливать или даже заводили котов и больше меня не задевали.

Я не пропустил ни одного дня и ходил в столовую весь срок, даже когда у меня было что поесть и вылезать из барака не хотелось.

Из столовой носил рыбу, молоко и кашу с мясом, хотя мяса там, конечно, было кот наплакал.

Иные зэки, что работали в столовой, исподволь старались насолить и остатки пищи, мне назло, выкидывали в бак с отходами. На этой почве вспыхивали перебранки, и однажды рапорт накатали на меня из-за повара Буторкина. Я как увидел у него на бирке конец срока, так за голову схватился и сказал, что он не доживёт. Он пожаловался, что я угрожал. А я не представлял, как вернусь в барак с пустыми руками и буду смотреть котам в глаза. Они ждали меня в локальной зоне.

Я кормил котов не только тем, что доставал в столовой. В каждой посылке мне высылали сухой корм, и корм для кошек составлял мало что не половину всей посылки.

За своих питомцев я болел душой и был счастлив, если удавалось вкусно накормить.

...Как свет от потухшей звезды доходит до нас через много лет, так память о первой любви сопровождает нас годы.

Самым светлым чувством на земле является любовь — любовь к близким, к женщине, к природе, к братьям нашим меньшим... Без этого мы были бы несчастными людьми.

ГЛАВА 17

Катится тележно время, помаленьку скрипит срок, движется к финалу. Незаметно я «разбил» последний год. Срок мой близился к финалу.

Осень была слякотной. Дождь шёл и шёл, как перед потопом. Небо словно бы оплакивало землю.

Последний год я добивал с трудом. Лицо было искривлено усталостью, и роба зэка уже как бы шла к лицу.

Мне трижды предлагали стать библиотекарем. Место это было выгодным и давало шансы на досрочное освобождение, выйти по УДО, но, как остерегал Даниил Андреев, нельзя душу сохранить, обменяв божественное первородство на чечевичную похлебку.

Я побоялся душу потерять и не согласился. Но каждый раз, когда заглядывал в библиотеку менять книги, то, как воздух, втягивал в себя уют и представлял, как здорово тут было бы работать.

Один из моих следователей, пока я был в колонии, попал в тюрьму, а другой немного позже стал судьёй, но, конечно, выбор не был predetermined и они могли поменяться местами.

Последний Новый год в колонии я не встречал. Думал, что по случаю того, что он последний, буду до утра не спать, но сон сморил меня на подступах к полночи.

2014 год должен был мне принести освобождение.

Куда я только не писал. Пустая трата нервов,

времени, душевных сил. За годы переписки до меня дошло, что я живу в пустыне и барханы равнодушия погребли давно всё под собой.

Люди не были вершителями судеб, и даже самый властный среди них только блефовал. Вот он, свиток судьбы, надпись в углу: «Быть посему», и разборчивая подпись Бога.

Но держаться следовало до последних сил. Воин без веры в победу куда более слаб и уязвим, чем монах, не верующий в Бога. И я не оставлял попыток, словно бы не жалобы писал, а швырял гранаты.

...Нахожусь в местах лишения свободы восьмой год и в этом году (осенью) освобождаюсь, но я не причастен к преступлению, по которому был осуждён, и не могу смириться с произволом...

С крыш бараков уже капали сосульки, а по голубому небу перпендикулярно каплям плыли облака.

Законы вечности не упраздняли время.

...В Следственном комитете Российской Федерации рассмотрено Ваше обращение от 03.04.2014 года о фальсификации доказательств по уголовному делу и иным вопросам.

Поскольку по изложенным в обращении доводам руководителями нижестоящего следственного управления решения не принимались, обращение направлено в СУ СК России по Московской области.

О результатах рассмотрения и принятом решении Вы будете уведомлены указанным управлением.

*Старший инспектор
первого зонального отдела Ю.В. Иванов*

Я уже оскомину набил от таких ответов. Из следственного управления по Московской области сообщили, что заявление направили в Сергиев Посад. Уведомил меня об этом старший инспектор А.С. Ильичёв. Новостью оказалось только то, что начальник следственного отдела в Сергиевом Посаде поменялся. Старого, наверно, вытурили, но я не испытывал злорадства и на нового надежд не возлагал. И ответа от него, к слову, не дождался.

Больше я писать не стал. Выйду на свободу, видно будет.

ГЛАВА 18

Было время — считал годы, потом месяцы считал, когда «разбил» последний год, и вот настало время считать дни.

До свободы оставались считанные дни, и день окончания срока притягивал мои мысли, как магнит.

...И вот я на свободе... 24 ноября... Наконец-то этот долгожданный день настал. Эту дату каждый год буду отмечать как День зэка.

А воздух-то, воздух, ах ты Господи ты мой, ведь не выразишь словами... И не стоит даже начинать.

Кто-то внутри меня ликовал. Мы с ним были шапочно знакомы: он себя редко проявлял.

Зэк свои первые шаги делает на воле, как ребёнок. Он отвык самостоятельно ходить.

За ворота колонии я выходил с большой корбкой, куда запихал троих котов.

Выносил драчливого, матёрого кота Рыжика, почти слепого от болезни глаз; молоденькую, ещё не познавшую радость и заботы материнства кошку Ладу, она у меня была брюнетка, чёрная как смоль, только глазки жёлтые горели, как фонарики; и котёнка, которого за масть — масть эту не спутаешь ни с какой другой — прозвал Волчонком.

Они составляли всё мое богатство.

Добирался я до дома на машине и едва шею не свернул, разглядывая лес деревьев по обочинам.

При виде берёз я немею от восторга и всё готов поочерёдно перецеловать. Если бы я был один, то не удержался бы и вышел из машины в глухом месте, углубился бы, замороженный, в лес, но коты связывали по рукам и по ногам. Им в коробке не сиделось, и домой доставить братьев меньших следовало побыстрей.

...На свободе осмотрелся и узнал, что многие из тех, кто затолкал меня в тюрьму, сделали карьеру. Они повязаны участием в сфабрикованных делах, прошли проверку на отсутствие стыда, и это им открыло путь наверх.

Но как они живут, как детей своих воспитывают, как им лезет кусок в горло?

Душу жгла обида, как крапива.

Новым начальником следственного отдела по городу Сергиев Посад оказался бывший судья Селезов В.А. Он мне как-то продлевал арест. А бывший следователь стал судьёй. Карты перетасовали, но колода оставалась прежней, и садиться с ними за игру было нельзя, как нельзя

было избавиться от ощущения, что правосудие приватизировали.

Начальник следственного отдела долго отговаривал меня: «Сколько лет прошло? Вы сколько жалоб написали? Что это вам дало?» Он боялся впутываться в дело и взваливать чужую ношу на себя. Но я всё-таки оставил у него заявление о преступлении, зарегистрировал в приёмной у секретаря.

Месяц назад я освободился из мест заключения, где провёл почти восемь лет, не совершив никакого преступления. Уголовное дело сфабриковала прокуратура Сергиева Посада при соучастии городского суда. Я готов пройти психофизиологическую экспертизу, то есть проверку на полиграфе, на так называемом детекторе лжи... При этом, убеждён, что свидетели обвинения, а это сплошь хронические алкоголики, проверку на полиграфе не пройдут, у прибора просто полетят предохранители от нагромождений лжи...

Далее я излагал, уже в который раз все факты самых очевидных нарушений в моем уголовном деле, а в конце заявления подчеркивал, что я не употребляю наркотики и не собираюсь ими торговать, что у меня нет оружия и нет патронов, они мне даром не нужны, следовательно, у меня при обыске не могут быть обнаружены ни наркотики, ни патроны, поскольку я законопослушный гражданин и даже улицу перехожу исключительно на зелёный свет.

Вечером обзванивал друзей, повествовал про свой визит. Они переполошились. Заклинали, чтобы я не связывался, уверяли, что меня убьют или снова за решетку упекут. «Или ты не

понял ничего?» — спрашивали у меня, и в голосах звучало раздражение.

Реакция друзей смутила. Они были не из робкого десятка, далёкие от криминала и не привлекались никогда к суду. Жизнь у каждого была устроена. Но вот что они думали, какую правду сведали и не советовали мне испытывать судьбу.

Ворох мыслей на меня посыпался, и обрывки мыслей было не связать в прямую нить.

Я тоже, честно говоря, побаивался, что не завершу дела. Но книга уже написана, слово уже сказано, и на этом слове до скончания они будут жариться, как на медленном огне. Думали, сотрут меня в лагерную пыль, но я притулился к Богу и стал вдесятеро против прежнего сильней. Я им не уступлю Россию. На моём участке фронта оборотни не пройдут. Разве что через мой труп, но я готов поставить свою жизнь во славу Божию, как свечку.

...Письмо из Сергиевого Посада пришло за подписью заместителя руководителя отдела А.В. Еремеева.

...Настоящим сообщая, что Ваше обращение от 18.12.2014, поступившее в следственный отдел по гор. Сергиев Посад Главного следственного управления следственного комитета РФ по Московской области о фальсификации материалов уголовного дела №14871, о вынесении экспертами по данному уголовному делу заведомо ложных заключений, рассмотрено.

Согласно ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следова-

телем, дознавателем без дополнительной проверки.

В соответствии с п. 20 Инструкции о порядке приёма, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утверждённой приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 11.10.2012 №72, поступившие в следственный орган СК России сообщения, заявления, обращения, в которых заявители выражают несогласие с решениями, принятыми судьями, прокурорами, руководителями следственных органов, следователями или иными сотрудниками следственных органов, высказывают предположение о совершении действиями указанных лиц должностного преступления и ставят в связи с этим вопрос о привлечении этих лиц к уголовной ответственности, не подлежат регистрации в книге регистрации сообщений о преступлениях и не требуют проверки в порядке, предусмотренном ст. 144–145 УПК РФ...

Начальник следственного отдела сам, наверно, постеснялся отвечать. И можно ещё двадцать лет писать и не дожидаться отклика души. Вокруг каждого из нас очерчен круг. А тишина полна звучания, но звуки эти трудно разобрать.

Вокруг меня на вбитых в землю колышках, как суслики на задних лапах, поднялись таблички «Осторожно, мины». Оборотни караулят каждый шаг. Но у меня нет страха перед ними и нет ненависти к ним. Жалость и брезгливость делят мои чувства пополам.

Господа присяжные заседатели! Дамы и господа!

Свою книгу я однажды подарю президенту страны и подпишу: «Не было в истории такого, чтобы судмедэксперты высшей категории, со стажем работы 25 лет ошибались при определении группы крови, причём в двух случаях из четырёх. Спросите, у кого хотите...»

Я надеюсь, президент поймёт, пригласит к себе руководителей суда, прокуратуры, следственного комитета, спросит купно с них. Но ещё не наступили сроки.

**РАССКАЗЫ,
НАПИСАННЫЕ
НА СВОБОДЕ**

Героиня моего рассказа

Ладу я привез из колонии строгого режима. Она была юная, чёрная как смоль, только глазки жёлтые горели, как фонарики. Кошку я держал в колонии не для забавы, поэтому, когда освобождался, взял с собой. Мы вместе к вольной жизни привыкали.

Рядом с домом у меня росли деревья. Лада их обнюхивала, словно как прислушивалась к ним, и отходила, точно сторонилась. Раньше ей не приходилось никогда карабкаться на них: в колонии деревьев не было. Котёнком Лада скидывалась на столбы, но железо и бетон только стачивали коготки. Этот жизненный опыт она крепко намотала на усы и теперь стволы деревьев принимала за столбы. Я брал Ладу на руки, подносил к стволу или подсаживал на ветки дерева, но она не выпускала коготки и жалась доверительно ко мне.

Прошла неделя, прежде чем она освоилась, прытко забиралась на деревья и не оставляла без внимания ни одно из них.

По своей природе Лада была любопытной. Дома шкаф нельзя было ни на минуту оставлять открытым. Она шустро свой порядок наведет, пошурудит, покопошится и назад не хочет выходить. Приходилось Ладу извлекать, стыдить, и однажды любопытство с ней сыграло злую шутку.

Как-то поутру, опаздывая по делам, доставал спросонку что-то из одежды и в спешке проглядел, как Лада прошмыгнула в шкаф.

Домой вернулся вечером. Первым делом кинулся кормить своих питомцев, у меня, помимо Лады, были ещё два кота; смотрю, они на месте, а любимицы своей не досчитался.

Я живу на первом этаже и на балконе для своих питомцев приспособил лаз. Они вольны выходить самостоятельно, когда им вздумается, и потом свободно попадать домой. Поэтому решил, что кошка где-нибудь на улице и с мину-

ты на минуту прибежит. Она определяла как-то безошибочно, когда я дома, и приносилась почти вслед за мной.

Но прошло, наверно, часа два, я стал беспокоиться и пошел искать. Облазил все места, где она бывала, звал поминутно, озирался и во все глаза смотрел по сторонам. Раньше было то от гаражей бежит стремглав, то из подвала выскочит, то выбирается, потягиваясь, из кустов, то с дерева, где птиц подкарауливала, спустится, а тут я обыскался. Всю округу обошёл. Расстроился, и ничего хорошего на ум не приходило.

Дома до глубокой ночи Ладу подждал. Она любила у меня возле головы устроиться, мурлыкала под ухом, пока мы вместе не уснём, а сейчас и сон не шёл.

Утром собирался на работу, погано было на душе. Полез в шкаф, а из него внезапно выскочила Лада. Хвост подняла, как по ветру парус распустила, и на кухню понеслась. Проголодалась. Сутки провела в шкафу. В полной тишине. Знает ведь, что лазить в шкаф нельзя, за это я ругаю, поэтому молчала, не мяукала и не шкреблась. Она всё понимает, совсем как человек, только в другом облиии.

На еду набросилась, почти не пережёвывала и глотала, но при этом успевала спинку выгибать, мурлыкать и тереться возле моих ног.

И что вы думаете? Перестала она после этого прятаться в шкафу? Как бы не так! Только случая и ждёт. Поэтому приходится всегда быть начеку и смотреть за Ладой в оба.

* * *

Хожу в храм и стою на службе до тех пор, пока слёзы на глазах не выступят.

Выезжаю на природу. Немаркими просёлками, которые не закатали под асфальт и когда они в грязи не тонут, я могу идти часами.

На спине горбится рюкзак, пальцы рук просуну за брючный ремень и топаю себе, не сбиваясь с хода. И хочется мне иногда, чтобы дороге не было конца.

...Дуб кряжистый у развилки двух дорог играет мускулами узловатых веток... Примечаю... Говорливая речушка словно наперегонки бежит со мной. Вода плещется между камней, булькает, бормочет, а я вслушиваюсь и никак не разберу, что она мне говорит-пророчит...

Вокруг всё зелено, но такое множество оттенков, что зелёной краской можно целый мир изобразить.

Метрах в пятнадцати от дороги, словно на другой планете, пасутся несколько коров. Я не могу сдержаться себя от наплыва радости и протяжно мычу: «Му-у-у!» Ближние коровки повертели на меня рога, посмотрели большими, волоокими глазами, и, признав во мне баловника, снова принялись за травку.

Отдушина

С приходом весны душа расправляет крылья, начинает чистить перья. Прихорашивается. Она готовится встречать перелётных птиц.

С последним теплом, поздно осенью, душа

впадает в спячку, чтобы перезимовать, а по весне стряхивает с себя морок.

Апрель. Первая декада. Прошлогодняя трава вылежала, как положено, под снегом. Иду обширным полем, приближаюсь к лесу, и хочется лесной массив заключить в объятия.

Лес почти избавился от снега, но ещё как будто не пришёл в себя. В лесу наткнулся на дорогу, которой пользовались очень редко или, может быть, давно не пользовались, но раньше, если брать по колее, тут громоздкая ходила техника и человек вёл наступление на лес... Тишину на этом месте я застал врасплох... По обочинам дороги жались жёлтые цветочки мать-и-мачехи. Они только вылупились из своих бутонов, как из скорлупы. Жёлтые цветы всегда первыми появляются весной, потому что жёлтый цвет дает тепло, в него можно кутаться как в шубу. Мать-и-мачеха им согревается, а кроты вокруг прокладывают борозды и накидывают бугорки земли.

А через день заколошматил град. Посыпал землю крупной солью, которую почти что следом смыло ледяным дождём. Весна в апреле очень ломкая.

Пошёл проведать цветы мать-и-мачехи и радостно увидел, что они целы. Залюбовался ими. Самого себя и мир вокруг себя воспринимал как одно целое...

Вот и смастерил рассказ. Вынашивал его в себе, а теперь он пустил корни и живёт уже отдельно от меня.

ПАСХА И ПОБЕДА

Я жил затворником в деревне на краю Московской области и в храм пошёл пешком. Идти надо было полем, потом через лес — в один конец почти четыре километра. Местные отнекивались, говорили, что не ближний свет. Но душа, напав на след, буквально рвалась из меня, и я прибавил шаг. Пасха в этом году выпала на первый майский день.

Пасхальное богослужение чарует. Горний мир на Пасху позволяет нам ступить на свой порог. Сам себя не помню и делаю всё по наитию души. Как Бог на душу положит.

После службы возле храма вскинул голову и обомлел. Небо я таким ещё не видел никогда, оно словно бисером всё было вышито, и салютовали, складывались во всю ширь слова: **ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ! ВОСКРЕСЕНИЕ ТВОЁ, ХРИСТЕ СПАСЕ, АНГЕЛИ ПОЮТ НА НЕБЕСЕХ!**

Победа над фашизмом — это тоже Воскресение, поэтому прийти она должна была весной.

Идти, однако, ночью через лес поёживался. Днём идёшь, и сердце радуется, а сейчас темно, хоть выколи глаза, и без птичьих голосов тихо, как на кладбище. В деревню я притопал ближе к четырём часам утра и был встречен криком петуха, которому в такую рань не спалось...

Дорога

Лужи всюду как в своей тарелке. На лесной дороге они занимают много места, и приходится отыскивать лазейки среди них.

Но стоит только выбраться из леса, и мир как будто раздвигается вширь. Правда, одичалые поля не красят местность; молодые деревца, чахлые кустарники да сорная трава словно в точности воспроизводят жизнь, что начиналась в незапамятные времена в одном из уголков планеты.

Дальше дорогу с двух сторон обрамлял живой забор из высокого борщевика, выше человеческого роста; громоздился он на добрых четверть километра и не позволял сойти с пути.

За поворотом, словно как на брюхе, подбегается к дороге, скрадывает расстояние болото. Стволы берёз без листьев и без веток разбросались по болоту, как обглоданные кости. Тряси-на высосала из деревьев соки, но они ещё держались на корню, хотя это было делом времени.

Игнатий Брянчанинов утверждал, что ад находится в недрах земли: «Там тьма кромешная, там тартар, там скрежет зубов, там червь неусыпающий, там плач без утешения, напрасный».

Пора осмелиться и вслух произнести, что попадают в ад через болота. В этом древнее предназначение болот, и ведь не зря же на болотах, в топях нечисть всякая облюбовала для себя пристанища.

Человек может внешность изменить, может поменять фамилию, но душа останется при нём, и в горнем мире его опознают.

За болотом начинается деревня. Осоловелые дачники, отрешившись от столичной суеты, копошатся кое-где на грядках.

На лавочке, возле калитки, одинокий дед, как чётки на руках, перебирал неспешно что-то в памяти. Дом неказистый за его спиной утопал в сирени, только чердачное окно да угол крыши выставили себя, словно напоказ, а дед — едва ли не последний местный житель, кто живёт в деревне круглый год.

На ладан дышат все окрестные деревни, а ведь это роднички, которые питали исстари Россию. Иссякают роднички, и мелеет на глазах Россия...

За ягодой

Каждый шаг сопровождается чавканьем трясины; ногу надо вырывать с усилием и стараться после ставить так, чтобы не увязла.

Болото держит человека в напряжении. Он не должен забывать, что с ним затеяли опасную игру и хляби могут поглотить любого.

За черникой можно ходить через дачные посёлки, но это больше километра, а напрямик, через болото — метров двести, правда, пока этот путь пройдёшь, семь потов с тебя сойдёт.

Наконец я выбрался на сухое место.

Природе понадобилось очень мало красок, чтобы написать чудесную картину мира: голубое небо, белые облака, тёмно-зелёная хвоя под сводами лесного храма, коричневые стволы сосен и жёлто-салатовый мох, по которому ступаешь, будто в мягкой обуви.

Тучные облака, как по лугу, разбрелись по голубому небу. Их не так уж много, и они ленивы.

Первые кусты черники ощипали до меня, но с ними возвращается земная твердь.

Начало августа... Сосновый лес... Черничник... Царство комариное... Ещё десять дней назад черники в лесу было пропасть. Можно было без труда набрести на куст, усыпанный ягодами, сесть возле него на поваленное дерево и, не поднимаясь с места, за один присест наполнить туесок.

Теперь за черникой надо именно ходить, низко кланяться при этом каждой ягодке, поштучно, в три погибели согнувшись, собирать... Люди обобрали лес до нитки.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Первый раз дар ясновидения я у себя обнаружил в школе, в восьмом классе.

Однажды на перемене во время шумной возни обратил внимание на мальчика, он был из параллельного класса.

Меня в нём поразила бледность. Она была необычной, словно лицо покрывала вуаль.

Я удивился. Растерянно смотрел по сторонам, безгласно призывая сверстников в свидетели, но все были заняты игрой и ничего не замечали.

Меня это смутило. Я ещё раз пристально, с недоумением взглянул на мальчика и обмер: смертный саван покрывал лицо. Мне это вдруг

открылось в озарении, и я был не в силах отвести глаза, словно на меня напал столбняк.

А саван терпеливо ждал. Он был неподвижным и чем-то напоминал паутину, выхваченную из чердачного полумрака тонким пыльным солнечным лучом.

Мне ничего не померещилось. Саван был живым, хотя и не подавал признаков жизни.

Меня взяла оторопь. Я точно онемел и во все глаза таращился на мальчика.

А он был увлечён игрой и явно не подозревал о том, что никому не видимая пелена задрапировала юное лицо от остального мира, будто бы незримый кто-то взял и вычленил его из жизни раз и навсегда.

Мальчику всё было невдомек. Он дурачился, как мог, был полон сил, энергии, задора.

Я тихо отошел в сторонку и запомнил на всю жизнь тот безотчётный страх.

Тогда я никому ни слова не сказал. Это было бесполезно. Меня бы все подняли только на смех и подумали бы про себя, что чокнулся.

Я промолчал.

А на другой день мальчика не стало. Он разбился насмерть, катаясь на мотоцикле своего отца.

Бедовый был мальчишка, и девчонки от него были без ума.

Так ненароком я узнал, что в мире существует Нечто, перед которым мы — ничто, ничтожества, то бишь песчинки, пыль дорожная, и больше ничего.

Потом дар ясновидения проявлялся у меня неоднократно, но с годами потускнел, поблёк —

толком ничего не разберёшь, как через мутное стекло, — и, наконец, исчез, будто его не было в помине. Я словно как ослеп и остался без поводыря.

Шанс

Галине Ворониной

Сказ свой поведу от фотографии. Она памятна, представьте, для меня. 29 октября 2009 года. День был пасмурным. Воздух пропитался влагой так, что без дождя можно было отсыреть.

В этот день директор ФСИН Александр Реймер нагрянул к нам в колонию. Он давно тянул с поездкой по Рязанской области.

Справа от директора начальник областного управления полковник Зеленьяк, слева держится приземистый хозяин зоны.

Образцово-показательной колония была, а это значит, что сидеть в такой колонии куда

трудней. Даже в самый жаркий день выходить на улицу, в локалку, можно было только в чёрной феске с козырьком, под которой стриженная голова потела.

Летом из бараков не выходил почти никто.

«Но что такое ФСИН? — наморщит лоб неискущённый рядовой читатель. — И почему от слова будто псиной отдаёт?» Я с пониманием кивну. ФСИН — это Федеральная служба исполнения наказаний, а псиной пахнет потому, что под лай собак людей сопровождают.

Помните, как в знаменитой песне Юза Алешковского:

Стой! Стреляю! — воскликнул конвойный,
Злобный пёс разодрал мой бушлат...

Надо сказать, что название у ведомства за последние сто лет менялось многократно, но подходящего пока что так и не нашлось.

Но вернёмся к фотографии. Полковник Зеленьяк — обратите на него внимание — смотрит в сторону, и видно по нему, что взглядом он кого-то, кажется, готов испепелить. Это на меня он обратил свой взор. Никого в локалке больше не было. Никто из зэков носа из бараков не смел высунуть, пока высокое начальство водили по колонии, показывали клумбы, баню, клуб... Такой был заведён порядок.

Я нарушил правило.

Завхоз барака побоялся выходить и окликнул меня из подъезда:

— Позвонили с вахты, чтобы ты зашёл в барак.

Я окинул его смачным взглядом, промолчал и только видом показал, что не подумая послушаться.

— Ну смотри, — предрёк завхоз, — потом на себя пеняй...

Я не дослышал до конца, что он сказал. Мы с ним как будто находились в разных измерениях.

Хозяин — тот умней, меня давно приметил, не таким он был, чтобы что-то ускользнуло от него, глаз-то ещё как намётан. Но он понял, что сейчас крик поднимать не следует и лучше меня не заметить, поэтому он перевёл себе под ноги недовольный взгляд.

А что до Реймера, то он не притворяется. Колоний у него до чёртиков, и одинокий зэк — не в счёт. В шероховатых складках коры дерева пронырливого муравья трудно различить.

По зоне они пронеслись, точно рысаки в одной упряжке.

Зэки не в обиде, думаю, на Реймера, он для них что был, что его не было, а вот начальники в колониях боялись генерала как огня, самый ушлый перед ним стоял ни жив ни мёртв.

Реймер часто совершал поездки. Свиту его составляли журналисты. Он любил играть на публику. Редкая его поездка обходилась без того, чтобы он кого-нибудь не снял с работы. При нём многие лишились своих мест, и это ему даром не прошло.

Другая фотография довершит мой сказ. На ней запечатлён осунувшийся генерал-полковник Реймер. Он мало на себя похож. Подневольный человек, которого доставили в судебный зал и поместили в клетку...

Старый зэк Махорка, как узнал об этом, торкнул себя в горло двумя пальцами — указательным и средним: «Вилы...» — только что и произнёс... Реймер, очевидно, смят и никак не соберётся с мыслями. По первости мне тоже было невдомёк, что Бог даёт нам шанс подумать о душе, но выбор оставляет всё равно за нами.

Россия

Это была молодая женщина, лет 35. Она жила возле станции. Составы тут простаивали долго, и у местных жителей вошло в обычай ходить через пути. Они в щебне даже выбили мазутную тропу.

Когда она спрыгнула с платформы и нырнула под вагон, дрожь с лязгом прокатилась по всему составу, и товарный поезд тронулся. Что-

то властное толкнуло её в бок, опрокинуло на рельсы, и накатливое колесо цепко ухватило за край куртки.

Крики многих людей, на глазах у которых всё произошло, словно посекали осколками разбившегося с грохотом стекла.

Она сразу поняла, что не успеет высвободиться, судорожные попытки ни к чему не приведут, только помешают ей сосредоточиться, но на чём сосредоточиться — сознание запнулось. Мысли надо было подбирать, примерно как ключи.

Мозг попал в ловушку и, как метроном, отстукивал последние мгновения.

Привычная покорность помогла ей овладеть собой. Ей стало неловко за себя, за то, что заголились ноги, и мимолетно вспомнились слова, какими часто провожала мать: «Ты юбку-то не задирай так высоко, а то мужики глаза сломают».

Она виноватила себя, и хватило мига для того, чтобы сложить в уме вину. Вину перед матерью и дочкой, которых оставляла жить одних, вину за то, что растянулась на виду у всех, за то, что столько теперь за неё будет у людей хлопот...

«Что я наделала?» — она душу вынула как будто из себя и сложила к Божьему Престолу.

Колесная пара переехала живот. Поезд вздрогнул и не поперхнулся, но остановил свой ход.

Женщину из-под состава извлекли, уложили на платформе, и зевакам больше всего делалось не по себе от улыбки на её лице. Виноватая

улыбка была как посмертная награда, какую, может быть, дают за покаяние...

ОДНОКЛАССНИКИ

Гоша — это Игорь Голиков. Он сидел со мной в тюрьме за какое-то нелепое убийство. У него была не первая судимость.

Гоша часто вспоминал, как учился в одном классе с Алексеем Улюкаевым в Люберцах, в школе №43. Гоша с грехом пополам окончил восемь классов и ушел в ГПТУ, а будущий министр и банкир продолжал учебу. Они учились вместе восемь лет.

Жизнь у Гоши не сложилась, но, знай наших, он гордился одноклассником и не без зазнайства говорил: «Улюкаев учился хорошо. Мы росли шпаной, а он был толстеньким, в очках, каким-то неуклюжим, больше с книжками, чем с ребятами дружил, сторонился как-то, может быть стеснялся, но его не трогали, потому что всем он безотказно помогал.

После школы я с ним изредка встречался. Один раз в метро, когда он уже был студентом. Я ему тогда сказал: «Большим человеком, Лёша, станешь, поможешь, если обращусь?» Он сказал: «Обязательно помогу». Он был очень целеустремлённым человеком.

А потом, наверное, в 2002 году увидел я его по телевизору. Он был заместителем министра финансов.

Я подъехал к министерству, узнал, где находится, зашёл в холл, охранник мне культурнень-

ко так объяснил, как его разыскать. Я позвонил секретарю, сказал, что одноклассник, что по личному вопросу.

Я ни в чём не нуждался, никаких просьб у меня не было, нужды не было, просто порадоваться хотел, что человек, мой одноклассник, добился чего-то в жизни.

Секретарша у меня выпытывала, где я с ним учился, по какому вопросу пришел. Я сказал, что увидеться и водки выпить. Я уже бухой был.

Так он и не позвонил. Я секретарше телефон оставил. И на этом всё заглохло. Я подумал, занят человек, некогда ему, и не стал больше беспокоить».

...Долго я держал этот рассказ про запас. Мне казалось, что чего-то в нем недостаёт. И вот жизнь сама всё дописала.

Министр Улюкаев арестован. Встреча бывших одноклассников теперь может состояться где-нибудь на пересылке, и для обоих она станет радостной. В тюрьме нетрудно быть великодушным.

Междугородный разговор

— Братуха, вот выйду, приедешь ко мне погостить. У меня дом на берегу моря стоит, всего сто метров до моря идти...

Далеко загадывал Генка Дизель. Когда я освобождался, ему оставалось еще восемь лет сидеть, а он уже приглашал меня в гости.

На Чёрном море Генка вырос и после срочной службы в армии дом свой на Кубани ни-

когда не покидал, никуда его не тянуло. А вот после приговора помотало по стране: сперва на Урал отправили, потом в Коми перевели, а после уже к нам — на край Рязанской области, впритык к мордовским лагерям. Девять месяцев этапами гоняли.

Срок у Генки составлял тринадцать лет, и на зоне не было, пожалуй, человека, кому он не рассказывал свою судьбу: «Как с бабой поругался — она у меня была татарка — и стал жить один, так шаромыги со всего района стали собираться у меня. Я называл их киззяками, какие они, на хрен, казаки. Как чувствовал, что плохо кончится, когда они повадились ко мне ходить, и чуйка, как всегда, не подвела. На веранде у меня бодяжили, все были в хлам, попойка началась с утра. Меня днём от жары сморило, я едва держался на ногах, но дошёл до комнаты и на диване отключился.

Проснулся, уже были сумерки, никого нет дома, тихо. На веранду сунулся, там свет горел, и чуть на труп не наступил. Лужа крови натекла, и рядом нож лежит, будто прилип к полу. Я сразу очумел. В мусарню позвонил, а кто квасил у меня, не помню. Голова у самого гудит.

Мусора приехали, без интереса потолкались, пошушукались и говорят: «Нам проще найти крайнего, а ты потом сам с дружками разбирайся, кто убил...»»

На этом месте Генка прерывал всегда рассказ. Ему как будто не хватало воздуха. Он заново переживал и долго приходил в себя.

Во время следствия и на суде Генка бился за свою свободу: взывал к совести и костерил,

голодовку объявлял и жалобы писал, но ничего не помогало. Денег, чтобы откупиться, не было, хлопотала за него одна старушка-мать, но где было ей тягаться с ними. Так и затянуло Генку, как под лёд.

Задним умом понял, наконец, что ничего на самом деле доказать нельзя, раз попал к ним в лапы, надо соглашаться, кивать гривой, брать убийство на себя, тогда, смотришь, дали бы поменьше, пять или шесть лет, а так они нарочно накрутили, чтобы сроком, как плитой могильной, придавить.

Зол был Генка на весь мир. В колонии не сдерживал себя и лез на нервах в драки. Мы тоже с ним сцепились один раз, а потом уже поладили. Вот он и приглашал меня.

На свободе я забыл про Генку Дизеля, он не входил в круг близких мне людей, а с ними я не порывал и после своего освобождения. Мы созванивались, и однажды, года два прошло, ингуш Рустам, между прочим, у меня спросил: «Ты помнишь Генку Дизеля?»

— Ну да... — я удивился. Как не помнить человека, который на тебя полез с ножом?

— Он лежит в санчасти. Ноги у него отказывают. Говорят, на нервной почве. Выпишут в барак, через неделю снова забирают, и так уже целый год. На больничку никуда не отправляют.

Мне захотелось с Дизелем поговорить. Рустам пообещал устроить. Позвонил он вечером, на следующий день, сказал, что находится сейчас в санчасти, даст трубку Дизелю, но долго попросил не говорить, смена была плохая.

Дизель, кажется, сгорал от нетерпения.

— Братуха, как я рад, что не забыл меня! Как ты там? Я, блядь, опять в санчасти, ноги у меня отказывают. Мусора, паскуды, думают, что я не доживу, только рано радуются, на карачках приползу, а замочу кого-нибудь...

Генка говорить мог, как строчить из пулемета. Я это знал за ним и перебил:

— Гена, не гони порожняки! Держи себя в руках и нервы береги. Помнишь, как я в умывальнике водой холодной обливался из ведра?

— Да, братуха, помню, да.

— Вот и ты так делай! Каждый день! Только в этом у тебя спасение, тебе это надо, а не мусорам!

— Ага, братуха, да!

— Мать жива?

— Матушка живая, слава Богу, но совсем плохая, боится, что не дождётся меня.

— Вот видишь, Гена! Береги себя. Тебе надо выйти на свободу, мать увидеть!

— Ага, братуха, ага...

Не хотелось прерывать наш разговор, но время поджимало. Рустам в санчасти каждую минуту рисковал.

— Слушай, Гена, если будет в чём нужда — чай, конфеты, сигареты, ты к Рустаму обращайся, он поможет, я его попрошу.

— Ага, братуха, да, спасибо, что не забыл.

— Ну, бывай, пока. Дай Рустаму трубку.

Я попросил Рустама присмотреть за Дизелем, и он мне обещал. Он был тогда смотрящим за баракком.

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ
ЧАСТЬ МОИХ
ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ**

...А тяжба моя продолжалась. Подключился председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев, написал письмо в защиту моих интересов.

*Главе Следственного комитета
Российской Федерации
Александру Ивановичу БАСТРЫКИНУ*

Уважаемый Александр Иванович!

В Союзе писателей России серьезно озабочены судьбой члена Союза писателей России Владимира Смирнова. Ко мне обращаются писатели с предложением составить коллективное письмо на имя президента страны.

У всех, кто читал повесть Владимира Смирнова «Судный день», складывается твёрдое убеждение в том, что уголовное дело против Смирнова В.О. сфабриковали.

Лично я тоже откровенно не понимаю, как эксперты высшей категории, со стажем работы 25 лет, могли ошибиться, причём дважды, при определении группы крови. Это же, как говорится, курам на смех.

Я твёрдо рассчитываю на Вашу мудрость и думаю, Вам будет по плечу принять трудное, но справедливое решение, поручить проверку фактов, ибо речь, по-моему, идет о преступлении...

Из Следственного комитета в конце марта сообщили:

Уважаемый Валерий Николаевич!

По поручению Председателя Следственного комитета Российской Федерации рассмотрено Ваше обращение в связи с заявлением члена Союза писателей России Смирнова В.О. о фальсификации доказательств по уголовному делу №1-85/08...

...Учитывая, что обжалование судебных решений относится к полномочиям прокурора, обращения направлены в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

О результатах рассмотрения Вы будете уведомлены исполнителем.

*Помощник Председателя Следственного комитета Российской Федерации
В.В. ДЕРЕБЕЗОВ*

Ответ из Генеральной прокуратуры на обращение председателя Союза писателей России ничем не отличался от отписок, которые мне поступали много лет в колонию. Я думал, со свободы будет легче добиваться пересмотра дела, но ничего не поменялось, и действительность смеялась мне в лицо.

...Прошло три года после моего освобождения, и прямо дома у себя я решил прибегнуть к голодовке. Надеялся, что привлеку внимание и общественное мнение сыграет свою роль. В интернете каждый день выкладывал свои посты.

Первый день голодовки. Организм интенсивно очищается, в голову бьёт муть, а общее со-

стояние — сонливое... Буду кратко описывать каждый день голодовки, мы даже точно узнаем, сколько дней без пищи человек живет.

Второй день голодовки. Жив-здоров и даже духом бодр, я ведь злостный голодовщик, в латвийской тюрьме дважды голодал и в российской, в следственном изоляторе Сергиева Посада, двадцать восемь суток не принимал пищу, после чего меня кормили принудительно. Приговор тогда в отношении меня отменили и торговались со мной открыто, как на рынке, предлагали поменять статью на самооборону, чтобы я взамен взял труп на себя, так как за преступление уже отчитались, что оно раскрыто и виновный установлен, но торг между нами не состоялся.

Третий день голодовки. И странное дело, есть почти не хочется... Дух горит, как будто в груди кто-то руку с факелом поднял, а желудок почти голоса не подает.

Наверное, вода очень помогает. Воду-то пью не простую, а святую, из Троице-Сергиевой Лавры, спутница жизни каждый день привозит, прямо из часовни... Вода эта очень сытная и притупляет чувство голода...

Четвёртый день голодовки. И ничего страшного. Иногда накатывает волной слабость, иногда берёт за горло тошнота, но для мужика вполне терпимо. Можно жить, движений только резких надо избегать.

Главные сражения будут впереди. Пока Дух с плотью только примеряются друг к другу.

Голодовка — это медленное самосожжение, и на голодовку, как на акт самосожжения, идут

только от отчаяния, от чудовищной несправедливости, от избытка чувств и душевной боли.

Пятый день голодовки. Мало-помалу плоть сдаёт свои позиции, но цепко держит оборону. А иной раз лёгкость появляется такая, что прямо тянет подойти вдруг к турнику и подтянуться...

Голодом свалить с ног человека трудно. Это дело затяжное.

Но куда трудней было в тюрьме. В СИЗО Сергиева Посада голодовку держал двадцать восемь дней, потом начали водить в санчасть и кормили принудительно. Ровно две недели.

По инструкции подследственного, отказавшегося от приёма пищи, должны переводить на одиночное содержание, но инструкцию в России всегда можно обойти.

Начальник изолятора мне заявил, что у него свободных камер нет, и я дышал табачным чадом в общей камере, а врач меня предупреждал или стращал, что ослабший организм не устоит против чахотки... Обошлось... Слава тебе, Господи, за всё!

Шестой день голодовки. Сегодня любовался хлебом. Моя спутница жизни принесла из магазина для себя. Хлеб был таким красивым, что не любоваться им было нельзя.

Я взял хлеб в руки, вдыхал запах с наслаждением, подносил прямо к лицу. «Хлеб всему голова» — вспомнил кто-то поощрительно, может быть, внутри меня...

Да, помню, на первых порах голодовки хлеб больше всего вызывает аппетит, никакое мясо не полезет в рот, от него просто стошнит. А вот хлеб — другое дело.

Я знаю себя: искушению не взять верх надо мной, и смотрю на хлеб, пожалуй, как ценитель, как большой знаток искусства.

Мне кажется, что с этими воспоминаниями я сегодня отойду ко сну и сон мой будет сладким.

Седьмой день голодовки. Что интересно? Культ еды у всех народов возведён на пьедестал. Программы телевидения, книги и журналы посвящаются изыскам пищи. Полки магазинов ломаются от разной снеди... Но на седьмой день голодовки душа просит... отварной картошки. Не сухой, конечно, чтобы во рту не застревала, приправленной немного зеленью, и ломтик хлеба.

Почему-то организм во время долгой голодовки никогда не вспоминает мяса, и изыски всего мира организму даром не нужны.

Восьмой день голодовки. Голод тяжело переносить. Попробуйте хотя бы один день ничего не есть... Во время голодовки каждый день приходится брать с боем.

Ну а если тяжело, значит, далеко не каждому по силам, как не каждому дано быть альпинистом и взбираться на вершины.

Голодовщик — это тот же альпинист, но взбирается он на вершины духа. Кроме того, голодовщик, как и альпинист, никогда не корчит из себя героя, ему просто не до жиру, быть бы живу.

Самое страшное в голодовке — это точка невозврата. Она индивидуальна и у каждого своя.

Не знаю, как точку невозврата объясняет медицина, но, по моему разумению, точка не-

возврата — это состояние, при котором человеку лучше вообще без еды, чем когда он принимает пищу.

Девятый день голодовки. В 1996 году в лиепайской тюрьме (Латвия) даже после тридцати дней голодовки я передвигался на своих двоих, правда держался одной рукой за стенку. И было куда страшней.

Примешивался холод, донимал чувствительно. Меня содержали в карцере... А сейчас чего не голодать? В тепле? В своей квартире?

Десятый день голодовки. Умом понимаю, что этого не бывает, но чувство такое, что голова у меня стала больше и кожа теперь с трудом обтягивает череп.

Тело высохло так, что кажется, если поднести спичку, то кожа вспыхнет, как пергамент. Как тростник.

Впрочем, что мы всё о грустном?

Полгода назад сделал открытие. Ходил на приём к врачу. Терапевт обследовал меня, сказал:

— Для вашего возраста у вас пониженное давление.

Из любопытства поинтересовался:

— А для какого возраста оно нормальное?

— Для восемнадцати лет, — уточнил врач.

И тут меня как будто осенило. Я сказал:

— Доктор, в душе мне восемнадцать лет, поэтому давление соответствует норме, тонометр показывает правильно.

Да, готов побиться об заклад, что тонометр фиксирует не физиологическую составляющую человека, а состояние его души. Наука скоро к

этому придёт, и сенсация, по-моему, уже не за горами!!!

Одиннадцатый день голодовки. Кто готов отсидеть восемь лет без вины и потом молчать в тряпочку?

Нет, не станете молчать, будете жалобы писать?

Пишите. Но то ли потому, что жалобы не читают, то ли потому, что вся система работает на один результат, получать будете пустопорожные отписки.

Вы точно знаете, что преступления не совершали, а вас будут методично уверять, что «вина ваша доказана совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств».

Нет доказательств? Суд придумает их на ходу (см. главу 2).

Вы надеетесь, что экспертизы подтвердят вашу правоту? Не надейтесь. Образцы для исследования подменяют, назначат новые экспертизы, и новые экспертизы, в отличие от прежних, будут свидетельствовать уже против вас. Или кто-то из нормальных людей поверит в то, что судмедэксперты высшей категории, со стажем работы двадцать пять лет, ошибаются при определении группы крови, причём в двух случаях из четырёх?

Вы надеетесь на своих адвокатов? Но работу адвокатов заблокируют и все ходатайства защиты отклонят, оставят без удовлетворения.

Вы можете многократно уличать свидетеля обвинения во лжи: он хронический алкоголик и на самом деле является патологическим лжецом. Но в итоге всё равно окажется, что «у суда

нет оснований не доверять показаниям свидетеля». Вы это своими глазами прочитаете в приговоре, и глаза ваши полезут из орбит.

Предвзятость и тенденциозность суда будет зашкаливать, но на ваши жалобы монотонно станут отвечать, что «в ходе объективного рассмотрения в судебном заседании... совокупностью исследованных доказательств...» установлено, что вы верблюд и вам теперь необходимо доказать обратное... И так по всему периметру уголовного дела, и потом этот периметр превратится для вас в колючий лагерный забор.

Оставь надежду, всяк в СУДЫ входящий!

Запомните! Система поступила со мной так не потому, что я какой-то выродок, а потому, что сама система выродилась и готова таким образом поступать с любым... Но по мне так лучше вовсе и не жить, чем жить под игом оборотней.

Двенадцатый день голодовки. Живу сейчас в очень простой системе координат, которая состоит из двух прямых: одна, по вертикали, — это дух; вторая, по горизонтали, — воля.

Самое печальное, что лишился удовольствия подолгу в ванной отмокать, потому что сердце от тёплой воды как-то стало расширяться.

Тринадцатый день голодовки. Моя высота — это лобное место, где проводят казнь.

...Для тех, кто собирается защищать диссертацию по голодовке и влиянию голодовки на организм, сообщаю такие детали.

Сердце чаще начинает прижигать огнем. И что-то давит иногда, звон стоит в ушах.

Не знаю, общие это симптомы для всех или

у каждого они свои, но если раньше, примерно на седьмой день голодовки, возникало чувство, что голова стала большой и кожа с трудом обтягивает череп, то теперь, наоборот, такое ощущение, что голова стала мало-помалу сжиматься в кулачок.

А что просит душа после двухнедельной голодовки? Зелёного горошка, томатной пасты, именно пасты, а не помидоров, немного фасоли и отварной картошки.

Четырнадцатый день голодовки.

...Какая глупость и какая малость,
Когда, быть может, всё, что вам осталось,
Вы не сумели бросить на весы.

Сергей Каревский

Пятнадцатый день голодовки. Сила покинула руки, и они теперь как плети. Это, конечно, удручает, потому что привык себя держать в форме. Делал зарядку по утрам. Приседал и следом, за один присест, от пола отжимался несколько десятков раз. Растягивал эспандер, выбегал на улицу, на спортивный городок к турнику и брусьям...

Мышцы ноют, словно бы оплакивают тело. Но вот духом только укрепился. Слабость — это признак малодушия.

Жизнь наша, как вода, течёт между высоких берегов во Времени. Время занимает собой всё, а мы вытекаем из него и в него впадаем...

Шестнадцатый день голодовки. Никто меня не сковырнёт с моего пути...

Помню, люди, выросшие в детском доме

и попавшие в тюрьму, утверждали, что им всё знакомо, потому что детский дом напоминал тюрьму. А на зоне матерились через слово самые неряшливые, мат и приставал к ним, словно грязь.

В колонии я отказался от работы. На все разговоры отвечал, что посадили меня без вины, поэтому работать не пойду, пускай хоть рубят на куски. И ни одного дня не работал, на промышленную зону за все восемь лет не выходил. Меня сперва пугали, потом увещевали, и сам я понимал, что, отказываясь от работы, лишаю себя возможности выйти раньше срока и буду сидеть до звонка, но никакие доводы и никакие силы не могли меня заставить изменить решение. Теперь, спустя много лет, я в глубине души горжусь своим упрямством.

Семнадцатый день голодовки. Знобит. Слово костёр внутри меня погас и больше не даёт тепла. А возле духа своего, как возле вечного огня, можно погреть только руки.

Теперь, наверно, организм перейдёт на автономное питание и начнет расходовать себя.

Восемнадцатый день голодовки. За два дня до начала голодовки вечерял в буфете ЦДЛ с двумя друзьями. Потом провожал домой писателя Владимира Личутина. Он знал, что я пойду на голодовку, и, когда прощались, он, ни слова не сказав, перекрестил меня. Дал своё благословение.

От него я ничего другого и не ждал.

Мне было суждено пройти через такие испытания: увидеть, как сварганят дело, именем Российской Федерации вынесут неправосудный приговор и отправят, невиновного, на зону.

...Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Ахматовские строчки конвоировали меня на этапах и как будто стерегли за лагерным забором. Мне нужно было через эти испытания пройти и после не забиться в конуру и не скулить там, как побитая собака.

В этом, может быть, и состоит писательство. Не знаю. Не берусь судить. Но точно знаю, что писательство не в том, чтобы щёки надувать, жадно перечитывать хвалебные рецензии и премии как можно чаще получать. Писателем нельзя самоназваться. Время отбракует самозванцев.

Писатель должен окормлять, а не скармливать фастфуд и не травить баланду.

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письма.

Иван Бунин

Кого можно называть писателем? Писателем можно называть только того, кто прошёл через сито времени.

Писательское звание освящено такими именами, что многим хочется поставить себя с ними в один ряд. Но из тысяч пишущих переживают своё время единицы, и только их по праву можно называть писателями.

Все остальные, пока живы, учатся писать. Исключения, конечно, есть, но только подтверждают правила.

Девятнадцатый день голодовки. В понедельник, 7 ноября, ко мне приедет фотограф. Самый лучший фотограф Москвы. Фаиль Хабибрахманов. У него своя студия, а я живу на отшибе, и ему ко мне добираться без малого три часа.

Но вот вам свежий анекдот. Из жизни.

Захожу на кухню за водой, а спутница жизни делает варенье.

После девятнадцати дней голодовки чувство голода отсутствует. Сейчас на любое блюдо буду смотреть равнодушными глазами, но помню, что варенье всё-таки любил, и спрашиваю:

— Много банок наготовила?

Верная подруга поджигает губы.

— А тебе это зачем? Ты ведь умирать собрался?

Сделал умное лицо, пословица на ум пришла, и выкрутился:

— Умирать думай, а поле сей...

Двадцатый день голодовки. На коленях у меня лежит Волчок, я его привез котёнком из колонии. Мне кажется, что он переживает за меня.

Двадцать дней — это экватор или где-то уже очень близко к нему.

Иногда мне кажется, что я зашёл очень далеко, но всё равно как от погони ухожу, пробираюсь через топкое болото, промеряю глубину перед собой с шестом в руках.

Двадцать первый день голодовки. Холодно. Мёрзну. Даже под толстым одеялом толком не согреешься.

А чувства голода нет. Почти совсем. Зато было откровение, которое приходит, когда от человека остаются мощи.

Записывайте. Берёте изюм, урюк, чернослив, финики, косточки предварительно удаляете, пропускаете через мясорубку. Получается живительная смесь. Накладывать надо на хлеб с мёдом и покрошить сверху грецкий орех, одного ореха достаточно.

Это не прихоть желудка, не плод умствования и не каприз души. Это космический продукт. Пища богов. Она питательна, целебна и полезна.

Ешьте на здоровье! Каждый день! И не забудьте бутерброд назвать «смирновским».

Примечание: переедать нельзя, хорошего понемножку.

Двадцать второй день голодовки. Жизнь становится скучной. Почти всё время провожу в постели. Сегодня у меня случился обморок.

Двадцать третий день голодовки. Какие впечатления у меня остались от суда?

Это было что угодно, но не суд. Больше всего напоминало лобное место, на котором возвели помост, прохаживался по нему палач, привычно поджидая свою жертву.

Так, наверно, с этим мерзким чувством и умру...

Двадцать четвёртый день голодовки. Помню, что за день до голодовки потянуло меня на природу. После лагерных барачков одним хочется нажраться, а другим для забвения нужны безлюд-ные места.

Шёл перелесками, потом фермерской доро-гой, через картофельное поле, обширное, как океан... Дня не хватит, чтобы его обойти.

Как островки, на поле возвышались неболь-шие рощицы. Осень к середине октября на сла-ву постаралась, и каждый такой островок мож-но было бы назвать островом сокровищ.

...Сейчас, когда землю покрыл снег, я вспо-минаю эти рощицы как букет, который кто-то мне поставил прямо в душу...

Двадцать пятый день голодовки. Теперь это кажется смешным, а тогда было не до смеха.

Жили мы в бараке одно время на ножах и едва не каждый под подушкой у себя держал заточку.

Именно тогда я для себя открыл, что живём мы только для того, чтобы достойно принять смерть. Она может нагрянуть внезапно. В по-следний миг заглядывает каждому в глаза и ред-ко когда в них не видит страха.

Я не был до конца спокоен за себя и мо-

лился Богу, чтобы смерть меня не взяла на испуг.

А сейчас я для себя открыл, что после долгой голодовки человек теряет всякий страх, даже тот, что у него сидит в затылке...

Двадцать шестой день голодовки. Сегодня ко мне приезжала журналистка из крупной газеты.

Долго разговаривали. Напоследок я сказал: «Вот, как ваша статья выйдет, голодовку прекращу, чтобы не выглядело как шантаж. Я добился своего, привлёк внимание... Впрочем, больше ничего сегодня не скажу. Устал, как собака».

Двадцать седьмой день голодовки. Потрескавшаяся земля, высохшие водоёмы, обмелевшие ручьи да редкие колючие кустарники — вот что отличает сейчас местность, в которой я живу.

Голод словно обхватил меня за голову, и мозг сохнет прямо на глазах.

Двадцать восьмой день голодовки. Помню, я шёл, как во сне или будто в невесомом состоянии, и держался одной рукой стенки.

Сопровождавший меня надзиратель плёлся рядом и не требовал взять руки за спину.

В санчасти было тесно. В приёмной громоздились старший лейтенант из режимной части и мордovorот в камуфляжной форме. Они подмяли под себя топчан.

Я шагнул через проём к врачу. Она сидела словно на иголках и сразу взяла меня в оборот: «Ну что, я вас предупреждала, что, будем кормить принудительно?»

...Десять, почти десять лет прошло, но не выйти мне никак за красные флажки, не выбраться из круга.

Двадцать девятый день голодовки. Чувствую, что у меня в запасе где-то полторы недели, но иногда мне кажется, что я забрёл так далеко, что мне назад не выбраться...

Тридцатый день голодовки. Однажды поздним летом находился за грибами так, что не ноги под конец несли меня, а я с трудом волок их за собой. И помню: где-то высоко, но рядом приступил к работе дятел. Я так и представил себе плотника: как он оседлал, зажал коленями бревно, держит во рту гвоздики, достает по одному и тюкает, заколачивает основательно и с толком... По этой части дятел большой дока.

...Пора выходить из голодовки, ещё день надо или два, чтобы душу привести в порядок. Голодовка в некоторых случаях — это инстинкт самосохранения. Например, тяжело больной человек ничего не будет есть, и это для него спасение.

Шайка оборотней-прокуроров и судей орудовала в моем деле так, точно знала наперёд, что никто не будет проверять, и не заботилась о том, чтобы не оставлять следов.

Шайка крупно наследила.

Тридцать первый день... ДАВНЫМ-ДАВНО ЭТО БЫЛО... Так давно, что кажется теперь неправдой.

Мама пичкала меня манной кашкой, мучилась со мной, ей надо было выкормить детёныша.

Потом в тюрьме, после долгой голодовки, в добровольно-принудительном порядке, чтобы не вливали через зонд, пил эту кашку через край, прямо из стеклянной банки.

Кашка была жидкой, подслащенной и на молоке; сверху на плаву держался кругляшок из сливочного масла.

И вот теперь я сам, своей рукой пихаю манку в рот, и она впервые в жизни кажется мне вкусной.

РАССКАЗ-БЫЛЬ

...Прошло много лет после моего ареста. Позади неправый суд, восемь лет колонии, освобождение, попытки найти правду на свободе. Адвокаты именитые были мне не по карману, а поиски правозащитников ни к чему не привели, но надо было идти дальше. Я легонько тронул пятками свои бока и скомандовал себе негромко: «Трогай!» Конечно, это всё в моем воображении.

В апреле 2018 года «Литературная газета» (№14) опубликовала открытое письмо на имя Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки.

Уважаемый Юрий Яковлевич!

Мы обращаемся к Вам с открытым письмом и надеемся, что голос писательского сообщества будет Вами услышан. Убедительно просим Вас провести проверку материалов уголовного дела в отношении члена Союза писателей России Владимира Смирнова.

На наш взгляд, при производстве уголовного дела были допущены такие нарушения, что можно только удивляться, как надзорные инстанции могли закрывать на них глаза. Так, например, в

деле имеются две биологические экспертизы, которые дают взаимоисключающие заключения. Экспертиза №976 установила, что из квартиры Смирнова изъяты образцы крови III группы, а экспертиза №2716, спустя полтора года, эти же самые образцы, других в деле просто нет, определила, как кровь I группы.

Но это абсолютно невозможно! Невозможно, чтобы одни и те же образцы исследования фигурировали в деле сначала, как кровь III группы, а спустя полтора года, как кровь I группы. Это совершенно очевидно! Ведь исследования проводили эксперты высшей категории, со стажем работы в 25 лет! Как же они могли ошибиться при решении такой простой задачи?

Или другой факт. В суд на потерпевшего Р. Греку поступает характеристика из Московской областной психиатрической больницы №5, где потерпевший трижды находился на стационарном лечении. В характеристике сказано: в состоянии алкогольного опьянения становится злобным, агрессивным, устраивает драки, постоянно конфликтует с матерью, нигде не работает, часто алкоголизируется... в отделении был груб, раздражителен, лжив, вспыльчив.

Конец цитаты. Суд напрочь игнорирует объективную характеристику специалистов, берет за истину показания близкого родственника, брата потерпевшего, и указывает в приговоре, что потерпевший Греку был "спокойным, неконфликтным человеком, в драках не участвовал".

И это не единственный пример, когда выводы суда не соответствуют материалам дела и противоречат фактам.

...Свидетелями и потерпевшими по уголовному делу выступали лица с асоциальным поведением, которые злоупотребляли алкоголем, нигде не работали, находились на момент событий в состоянии тяжелого опьянения, но при этом дали одинаковые, словно под копирку, показания. Смирнов был готов пройти психофизиологическую экспертизу, проверку на полиграфе, но суд отклонил ходатайство защиты о проведении такой экспертизы.

Уважаемый Юрий Яковлевич! Владимир Смирнов уже давно отбыл срок заключения, но продолжает искать правду, и мы надеемся, что правду можно найти с Вашей помощью. Просим изучить материалы дела и принять по нему законное и справедливое решение.

Письмо подписали пятьдесят семь литераторов, в числе которых были: Михаил Ножкин, поэт, народный артист РСФСР; Николай Иванов, писатель, Владимир Личутин, писатель, лауреат Государственной премии России, Анатолий Парпара, поэт, лауреат Государственной премии РСФСР, Валерий Ганичев, председатель Высшего творческого совета Союза писателей России, Ямил Мустафин, прозаик, переводчик, кавалер орденов «Дружба» и «Знак Почёта»; Виктор Есипов, старший научный сотрудник Института мировой литературы; Марина Кудимова, член исполкома Русского ПЕН-центра; Юрий Лощиц, лауреат Патриаршей литературной премии; Марина Зубавина, заслуженный работник культуры РФ; Геннадий Иванов, первый секретарь Союза писателей России; Евгений Шишкин, писатель, лауреат премии им. Салтыкова-Щедрина, Григорий

Блехман, поэт, прозаик, публицист; Максим Замшев, главный редактор «Литературной газеты»; Игорь Тюленев, секретарь Союза писателей России; Владимир Илляшевич, секретарь Союза писателей России; Ольга Волгина, член Союза переводчиков; Александр Бологов, писатель, лауреат литературных премий, Магомед Ахмедов, народный поэт Республики Дагестан.

И это далеко не полный перечень имен. Ответ на обращение писателей пришел на имя главного редактора «Литературной газеты» Максима Замшева.

Ваше обращение и коллективное письмо писателей, направленные в защиту интересов Смирнова В.О., рассмотрены...

Доказанность вины осужденного в содеянном сомнений не вызывает. Сам Смирнов не отрицал, что удар ножом потерпевшему нанес именно он...

Руководством прокуратуры Российской Федерации в принесении представления в вышестоящие судебные инстанции на состоявшиеся в отношении Смирнова судебные решения отказано.

Начальник отдела управления В.А. Легецкая

Ни генеральный прокурор, ни заместители генерального прокурора не заметили письмо, подписанное писателями, книги которых стоят на полках почти всех библиотек страны. А начальник отдела управления В.А. Легецкая давала мне отписки, когда я ещё сидел в колонии, но тут, она, пожалуй, превзошла себя и в своём ответе утверждала: «Сам Смирнов не отрицал, что удар ножом потерпевшему нанес именно он».

В трафаретном «творчестве» прокуратуры это было что-то новое. И тут как раз по всем

каналам телевидения рекламировали широко прямую линию с президентом страны. Мне было нечего терять и я решил попытаться. На электронную почту прямой линии отправил со своего телефона письмо.

Уважаемый Владимир Владимирович!

...Пишу уже много лет обоснованные и аргументированные жалобы, но надзорные инстанции, по сути, не работают, не рассматривают жалобы по существу, ответ дают, что называется, от фонаря.

Вот самый свежий и наглядный пример. В защиту моих интересов в «Литературной газете» было напечатано открытое письмо на имя Генерального прокурора страны. Ответ пришёл за подписью начальника отдела управления В.А. Легецкой. Приведу только одну строчку из этого глумливого, по-другому не назвать, ответа: «Сам Смирнов не отрицал, что удар ножом потерпевшему нанес именно он».

Но дело в том, что «сам Смирнов», то есть я, никогда свою причастность к смерти потерпевшего не признавал. И в приговоре суда это четко зафиксировано: «Допрошенный в судебном заседании подсудимый Смирнов вину в совершении убийства не признал».

Почему же прокурор Легецкая грубо искажает факты? Потому что знает, что управы на неё не найти. Обычной стала практика отписок, когда людей берут просто на измор в расчёте на то, что человеку надоест писать.

Уважаемый господин президент!

Христом Богом прошу Вас поручить проверку фактов и материалов уголовного дела, по которо-

му я был именем Российской Федерации незаконно и несправедливо осуждён. Следовательно, прокурор или судья, попирающие совесть и закон, таят страшную угрозу для страны. Они, как древесные жучки, поедают изнутри и превращают в труху ствол дерева.

...Моё письмо, как водится, переслали в Генпрокуратуру, а там давно набили руку и настрочили ответ прямо на ходу.

Ваша жалоба, поступившая из Администрации Президента Российской Федерации, рассмотрена.

Её содержание не требует дополнительной проверки. О позиции руководства прокуратуры Российской Федерации по уголовному делу вам сообщалось. Она не изменилась.

Разъясняю, что в случае поступления повторного обращения, которое не будет содержать доводов, переписка с вами может быть прекращена.

Начальник отдела управления В.А. Легецкая

Вот уже который год этот ответ, как пуля, у меня сидит под сердцем. Жалуешься на Легецкую и ответ на жалобу придет за подписью Легецкой... Дальше уже некуда идти. От многолетнего общения с прокуратурой остались только шрамы на душе.

Очень не хотелось отвлекать от дел главного редактора «Литературной газеты» Максима Замшева, но он всё-таки был членом Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека, поэтому я надеялся, что ему постесняются давать отписки.

В России к тому времени сменился генеральный прокурор, и главный редактор газеты написал письмо на имя нового генпрокурора страны Игоря Викторовича Краснова. Ответ пришёл за подписью начальника кассационно-надзорного управления Генеральной прокуратуры И.В. Барилова. Вслед за приснопамятной В.А. Легецкой начальник управления Барилов утверждал, что «сам Смирнов не отрицал факта нанесения ножевого ранения гражданину Р.В. Греку».

Таким ответом возмущился уже сам Максим Замшев и отправил новое письмо, непосредственно И.В. Барилкову.

...Вопреки Вашим утверждениям, Смирнов, напротив, отрицал всегда факт нанесения ножевого ранения гражданину Р.В. Греку. Вам нужны убедительные доказательства? Тогда, пожалуйста, ознакомьтесь с кассационным представлением государственного обвинителя, старшего помощника прокурора Сергеева Посада Л.В. Барановой. Представление было подано на приговор суда от 23 декабря 2008 года, что называется, по горячим следам. Позволю себе процитировать: «...Кроме того, не дана оценка судом и заявлениям Смирнова В.О. о том, что ножевое ранение причинено им не Греку, а другому лицу. Такие заявления Смирнов делал и в ходе предварительного следствия, и в судебном заседании, поясняя, что на него напал не Греку Р.В., а какой-то другой человек, который впоследствии прошел под окнами его квартиры...» Конец цитаты. На каком же основании Вы утверждаете, что сам Смирнов не отрицал факта нанесения ножевого ранения гражданину Греку?

Можно сказать, что главный редактор «Литературной газеты» припёр к стенке начальника кассационно-надзорного управления Генеральной прокуратуры, но, по заведённому порядку, начальник управления за свои слова не отвечал. Эстафету лживых утверждений принимали у него старшие по должности.

...Обращение по делу Смирнова В. О. от 01.10.2021 года, поступившее в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, рассмотрено.

Приговор Сергиево-Посадского суда Московской области, согласно которому Смирнов осуждён за умышленное убийство Греку, постановлен в соответствии с требованиями закона.

Утверждения о том, что смерть Греку наступила от действия иного лица, опровергаются показаниями самого осуждённого, который не отрицал, что нанес Греку удар ножом...

За этой бесконечно повторяющейся ложью стояла подпись нового действующего лица — А.С. Бажутова, начальника Главного уголовно-судебного управления Генпрокуратуры. Но для меня уже они все были на одно лицо. За много лет из отписного ведомства ничего мне не ответили по существу.

При этом каждая отписка была похоронкой, потому что хоронила заживо надежду, хоронила человека. Впрочем, что там человека?! Всю Россию можно под отписками похоронить.

...Книгу я свою заканчивал в 2022 году. Ничего уже нельзя было добавить к сказанному... Выдалась пасхальная неделя, и трезвонили колокола. Колокол — непостижимый музыкаль-

ный инструмент, без усилителей и звуковых колонок, а слышно его за версту, и до небес звон колокольный достает.

В России отмечали триста лет создания прокуратуры. На торжественном собрании выступал с докладом Генеральный прокурор страны Игорь Викторович Краснов. Он отмечал, что число жалоб в органы прокуратуры увеличилось, и на этом основании поспешно делал выводы, что доверие к прокуратуре возросло. Я желчно думал про себя: «Конечно, многие надеялись, что при новом Генеральном прокуроре жалобы начнут рассматривать по существу, но надеялись, как показала жизнь, напрасно.»

Сама система не способна себя изменить. Необходимы политические воля и решения. У нас уже уходит время из-под ног.

Сколько один только я извел бумаги, бесконечно отправляя жалобы? А таким, как я, несть числа в России. Люди пишут без конца, годами и не могут ничего добиться. Людей, как и саму страну, заживо хоронят под отписками. С этим надо что-то делать! Возможно, у себя создать аналог Европейского Суда. В порядке того же импортозамещения. Это тоже будет в духе времени.

Чем ещё ознаменован юбилейный год прокуратуры? В 2022 году передали в суд уголовное дело Николая Кондрата. Это сын бывшего заместителя генерального прокурора страны Ивана Николаевича Кондрата. Прокурорский отпрыск обвиняется в убийстве и в покушении на несколько убийств. В кого он только такой уродился?..

Про сына другого заместителя генпрокурора, С.Г. Кехлерова, я уже писал в этой книге, как и про бывшего прокурора Московской области А. Н. Игнатенко, который был объявлен в розыск, кинулся в бега и скрывался под чужой фамилией... Попади к таким вот в руки... Мне ещё, пожалуй, надо поблагодарить судьбу, что жив остался... Но от беспримерной подлости не исцеляет даже время. Жизнь не отпускает на побывку, и всегда, когда я слышу звуки скрипки, возникает чувство, что смычок распиливает душу пополам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(НЕКОТОРЫЕ ОБРАЗЦЫ ДОКУМЕНТОВ И ОТПИСОК)

**Федеральная служба
Исполнения наказаний**
Управление
по Московской области
Федеральное государственное учреждение
Следственный изолятор № 8
(ФГУ ИЗ-50/8 УФСИН России по Московской
области)

141300, Московская область, г. Сергиев Посад,
пр. Красной Армии, д. 58

14.06.2008 № 51/44-2001

на № _____

✓ Председателю Сергиево-Посадского
городского суда Московской области
А.С.Богунову

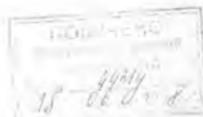
И.о. Сергиево-Посадского городского
прокурора младшему советнику юстиции
И.Б.Сергееву

Настоящим сообщая Вам о том, что СМИРНОВ Владимир Олегович,
1955г. рождения, числящийся за Сергиево-Посадским городским судом
Московской обл. за преступление, предусмотренное ст.105ч.1 УК РФ, с
17.06.2008г. объявил голодовку, в связи с фальсификацией доказательств по
уголовному делу.

Начальник
подполковник внутренней службы

Л.Н.Силивестров

Исп. Александрова С.А.
Тел./факс 8 (496) 540-43-63

КОПИЯ

1. 86/05 227
Приложение 52

Постановление
о признании и приобщении к уголовному делу вещественных
доказательств
20 марта 2007 г.
г. Сергиев Посад

Следователь по ОВД Сергиево-Посадской горпрокуратуры юрист 1-го
класса Лаврова И.В., рассмотрев материалы уголовного дела № 14871,

установил:

Сергиево-Посадской горпрокуратурой 25.02.07 года возбуждено
уголовное дело №14871 по признакам преступления предусмотренного
ч. 1 ст. 105 УК РФ

В ходе предварительного следствия было установлено, что
Смирнов В.О. в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных
отношений в подъезде д. № 2 по ул. Дружбы г. Сергиев Посад нанес
удар ножом Греку Р.В., от которого потерпевший скончался.

В ходе осмотра места происшествия, в квартире Смирнова В.О.
был изъят нож в ножнах, смыв с раковины, при личном обыске Смирнова
В.О. у него были изъяты джинсы с пятном, похожим на кровь, толстовка.
Из морга Сергиева-Посада была изъята одежда потерпевшего Греку Р.В.:
пуловер, футболка и кожный лоскут с раны, в ходе осмотра места
происшествия были изъяты: три смыва, простыня, коврик.

Все указанные предметы были осмотрены и они имеют
доказательственное значение для уголовного дела, в связи с чем
подлежат приобщению к уголовному делу в качестве вещественных
доказательств.

На основании изложенного и руководствуясь ст.81, 82 и 84 УПК
РФ,

постановил:

Признать и приобщить к уголовному делу №14871 в качестве
вещественных доказательств: 4 смыва, коврик, простыню, джинсы,
толстовку, пуловер, футболку, кожный лоскут, нож в ножнах.

4 смыва, коврик, простыню, джинсы, толстовку, пуловер,
футболку, кожный лоскут, нож в ножнах хранить при уголовном деле.

Следователь

Копия

Смирнов В.О.

Постановление
о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания

г.Сергиев Посад, "26" ноября 2007 года

Судья Сергиево-Посадского городского суда Московской области Аминова Е.Г., рассмотрев замечания на протоколы судебных заседаний содержащиеся в кассационной жалобе осужденного Смирнова В.О. по уголовному делу в отношении Смирнова В.О. по ст. 105 ч.1 и др. УК РФ,

установил:

На протоколы судебных заседаний по уголовному делу осужденным Смирновым В.О. поданы письменные замечания, которые ранее рассмотрены судом. В кассационных жалобах Смирнова В.О. поданных им 14.16 и 19.11.2007 года содержится изложение показаний потерпевших и свидетелей, подсудимого Смирнова, которые судья рассматривает как замечания на протокол судебного заседания. Частично данные замечания были рассмотрены ранее постановлениями судьи и являются повторными, в связи с чем повторному рассмотрению не подлежат. Так же дополнительно в кассационных жалобах Смирнов В.О. указывает, что в протоколе судебного заседания не нашло отражения, что когда Греку схватил его за шею и душил, он (Смирнов) звал на помощь. Он такого и не говорил, хотя данный факт отражен в приговоре суда.

В связи с этим судья считает необходимым удовлетворить их в той части, что подсудимый Смирнов 25.10.2007 года в судебном заседании на вопрос гособвинителя Барановой: «Звал ли он на помощь когда его душил Греку?» ответил: да, что нашло свое отражение в его показаниях изложенных в приговоре суда. Замечания на протокол судебного заседания от 30.10.2007 года рассмотрены отдельным постановлением суда и подлежат удовлетворению в части установленной данным постановлением. В остальной части суд считает замечания не подлежащими удовлетворению как не соответствующие действительности.

На основании изложенного и руководствуясь ст.260 УПК РФ,
постановил:

Замечания Смирнова В.О. на протокол судебного заседания содержащиеся в его кассационных жалобах удовлетворить в части не отражения в протоколе судебного заседания от 25.10.2007 года вопроса гособвинителя к Смирнову! Звал ли он на помощь когда его душил Греку? и ответа Смирнова: Да.

Удовлетворить замечания Смирнова В.О. на протокол судебного заседания от 30.10.2007 года в части ранее удовлетворенной постановлением от 20.11.2007 года. В остальной части замечания отклонить.

Постановление обжалованию не подлежит.

Председательствующий *подпись*

судья Аминова Е.Г.

Копия верна

Белкина
вс. вс.

Судья:
Смирнов

Смирнов В.О.
26.11.07

Генеральная прокуратура
Российской Федерации

ул. Б. Дмитрова, 15а
Москва, Россия, ГСП-3, 125993

26.09.2008, № 12-212.09.07

На № _____

на свидании
Начальнику ФБУ ИЗ-50/8

г. Сергиев-Посад,
Московская область

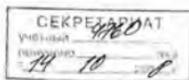
Прошу объявить Смирнову Владимиру Олеговичу, что его жалоба рассмотрена.

Разъясняю, что рассмотрение сообщения о преступлении и, при необходимости организация проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ, относится к компетенции Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, куда осужденный вправе обратиться с соответствующим заявлением.

При этом, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

И. о. начальника отдела управления по
обеспечению участия прокуроров
в надзорной стадии уголовного
судопроизводства

Н.Н. Кальчук

АН № 065913

Генеральная прокуратура
Российской Федерации
№079-122/3-61 762-08/132815

40

Прокуратура Российской Федерации

Прокуратура
Московской области

Милый Кисельный пер.2, д.5,
г. Москва, Россия, ГСП-6, 107996

02.2012 № 12-13764-2007

Начальнику ФКУ ИК-5 УФСИН
России по Рязанской области

(для объявления осужденному
Смирнову Владимиру Олеговичу)

ст. Клекотки, Скопинский район,
Рязанская область, 391825

Прокуратурой области рассмотрены обращения осужденного Смирнова В.О., в том числе, поступившее из Управления ФСБ России по г. Москве и Московской области, о фальсификации доказательств по уголовному делу, проведении проверки, по другим вопросам.

Обращения не содержат данных, свидетельствующих о необходимости проведения проверки в порядке ст. ст. 144 - 145 УПК Российской Федерации.

Выводы суда о виновности Смирнова В.О. мотивированы, обоснованы совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств, соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

На основании показаний потерпевших, свидетелей Кожинова В.М. и Важенковой Е.В., заключений биологической и генетической экспертиз, других доказательств суд мотивированно счёл, что ссора между осужденным и Греку Р.В. произошла на лестничной площадке, где Смирнов В.О. нанес потерпевшему удар ножом.

Версия осужденного о фальсификации дополнительной биологической экспертизы, подмене образцов судом проверена и признана несостоятельной. В результате проведенных молекулярно-генетических экспертиз сделаны более точные выводы о происхождении следов крови в подъезде, ванной комнате осужденного.

Отказ суда в удовлетворении ходатайства Смирнова В.О. о допросе эксперта Ванкович В.А., проводившей первичное биологическое исследование, не повлиял на полноту судебного следствия.

Заключение трасологической экспертизы № 869 о контактном механизме образования следов крови на джинсах Смирнова В.О. и образовании следов жидкости бурого цвета в ванной комнате под действием артериального давления и встряхивании окровавленного предмета не опровергает вину осужденного.

Действиям Смирнова В.О. дана верная юридическая оценка.

Сведения о личности потерпевшего Греку Р.В. в полной мере учтены судом надзорной инстанции. Президиум Московского областного суда

УК.С. ПО
1846

АБ № 206152

мотивированно признал поведение потерпевших противоправным и явившимся поводом для совершения преступлений, снизил Смирнову В.О. наказание.

Ответ, в том числе о доказанности вины осужденного, дан ему также и.о. прокурора области 09.10.2009.

Оснований для постановки вопроса о принесении надзорного представления на состоявшиеся судебные решения не установлено.

Порядок обжалования принятого прокуратурой области решения в ответе и.о. прокурора области изложен.

Приложение: копии заключений экспертиз, постановления суда надзорной инстанции, всего на 12 листах.

Заместитель прокурора области
старший советник юстиции

В.В. Селифанов

Прокуратура Российской Федерации

Прокуратура
Московской области

Малый Кисельный переулок, д.5,
г. Москва, Россия, ГСП-6, 107996

09/10.2009 № 12-1374-01

На № _____ от _____

Начальнику ФБУ ИК-2 УФСИН
России по Рязанской области

(для осужденного Смирнова
Владимира Олеговича)

ул. 1-ая Красная, д. 20,
г. Рязань, 390043

Прокуратурой Московской области рассмотрено заявление осужденного Смирнова В.О., поступившее с обращением заместителя Председателя Государственной Думы ФС РФ Жириновского В.В., о несогласии с приговором, возобновлении производства по уголовному делу.

Проведенной проверкой установлено, что вина Смирнова В.О. в совершении убийства, угрозе убийством, нанесении побоев установлена совокупностью полно и объективно исследованных в судебном заседании доказательств, которые изложены в приговоре.

Показания очевидцев событий Зуйкова А.В. и Поляковой К.Ю. о причастности Смирнова В.О. к преступлениям соответствуют как друг другу, так и иным доказательствам, в связи с чем суд обоснованно признал осужденного виновным.

Версия Смирнова В.О. о том, что он в своей квартире защищался от нападения Греку Р.В., судом проверена и мотивированно признана несостоятельной.

Противоречие между результатами первичной биологической экспертизы и выводами повторной биологической, молекулярно-генетической экспертиз судом исследовано и мотивированно устранено. Суд правильно счел, что молекулярно - генетическая экспертиза дает более точный ответ о происхождении крови, в данном случае с вероятностью не ниже 99,999 %.

Нарушений уголовного и уголовно - процессуального законов, влекущих отмену приговора, не имеется.

Сведений, свидетельствующих о фальсификации материалов дела, не установлено.

Достаточных данных для проведения проверки в порядке ст. ст. 144-145 УПК РФ в отношении должностных лиц, принимавших участие в расследовании и рассмотрении дела, в заявлении осужденного не содержится.

Каких-либо новых или вновь открывшихся обстоятельств, свидетельствующих о необходимости возобновления производства по уголовному делу, в заявлении Смирнова В.О. не приведено.

ФБУ ИК-2 УФСИН РОССИИ
ПО РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ
19 10 2009

АВ № 006276

Действия осужденного квалифицированы правильно. Наказание назначено ему с учетом характера и степени общественной опасности преступлений, конкретных обстоятельств дела и данных о личности.

Обоснованный и мотивированный ответ, в том числе о доказанности вины осужденному, дан заявителю заместителем прокурора области 23.09.2009.

Оснований для принесения надзорного представления на состоявшиеся судебные решения не усмотрено.

Данный ответ Смирнов В.О. вправе обжаловать в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Приложение: документы на 31 листе.

И.о. прокурора области

государственный советник
юстиции 3 класса

А.Н. Игнатенко

Следственный комитет
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Главное следственное управление
по Московской области
**СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ ПО
ГОРОДУ СЕРГИЕВ ПОСАД**

141300, г. Сергиев Посад,
ул. Пионерская, д. 9

22.12.2014 № 101-12-2014

Сергиев Посад,
ул. Дружбы, д. 2, кв. 64

Смирнову В.О.

Настоящим сообщаем, что Ваше обращение от 18.12.2014, поступившее в следственный отдел по гор. Сергиев Посад Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Московской области о фальсификации материалов уголовного дела № 14871, о вынесении экспертами по данному уголовному делу заведомо ложных заключений, рассмотрено.

В ходе рассмотрения обращения установлено, что по результатам рассмотрения уголовного дела № 14871 Сергиево-Посадским городским судом 23.12.2008 в отношении Смирнова В.О. вынесен обвинительный приговор по ст. 105 ч. 1, ст. 116 ч. 1, ст. 119 УК РФ. Постановлением президиума №505 от 16.11.2011 Московского областного суда приговор Сергиево-Посадского городского суда от 23.12.2008 изменен, Смирнов В.О. освобожден от наказания по ст.ст. 116 ч. 1 ст. 119 УК РФ, окончательное наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ назначено в виде 07 лет 09 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима. Данное постановление вступило в законную силу. При этом в ходе рассмотрения данного уголовного дела в судебных заседаниях в полном объеме проведена проверка и оценка имеющихся доказательств, в том числе показаний свидетелей и заключений судебных экспертиз, при этом у суда каких-либо сомнений в достоверности и допустимости, представленных следствием доказательств не возникло.

Согласно ст. 90 УПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

В соответствии с п. 20 Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утвержденной приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 11.10.2012 № 72, поступившие в следственный орган СК России сообщения, заявления, обращения, в которых заявители выражают несогласие в решениями, принятыми судьями, прокурорами, руководителями следственных органов, следователями или иными сотрудниками следственных органов, высказывают предположение о совершении обжалуемыми действиями указанных лиц должностного преступления и ставят в связи с этим вопрос о привлечении этих лиц к уголовной ответственности, не подлежат регистрации

в книге регистрации сообщений о преступлениях и не требуют проверки в порядке, предусмотренном ст. 144-145 УПК РФ.

Проверка законности и обоснованности решений, принятых должностными лицами при реализации имеющихся у них полномочий, осуществляется по правилам, установленным соответствующим процессуальным законодательством, и не может подменяться инициированием уголовного преследования в отношении должностных лиц, их принявших.

Учитывая вышеизложенное, Ваше обращение не требует проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ. Одновременно разъясняю, что в связи с несогласием с приговором Сергиево-Посадского городского суда от 23.12.2008, данное решение суда может быть обжаловано Вами в надзорной инстанции.

Одновременно разъясняю, что в случае несогласия с данным ответом Вы вправе его обжаловать руководителю следственного отдела по гор. Сергиев Посад ГСУ СК РФ по Московской области, прокурору либо в суд.

Заместитель руководителя
майор юстиции

А.В. Еремеев

**ВЕРХОВНЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Поварская ул., д. 15, Москва, 121260

14 апреля 2017 г. № 4-У16-1285

Председателю Союза писателей России
В.Н. ГАНИЧЕВУ
Комсомольский пр., 13,
г. Москва, 119992

На № _____ от _____

Уважаемый Валерий Николаевич!

В связи с Вашим письмом, а также поступившим от Вас обращением писателей России с просьбой о пересмотре приговора Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 23 декабря 2008 г. в отношении Смирнова Владимира Олеговича сообщая следующее.

Правовая оценка законности вступившего в законную силу приговора суда может быть дана Верховным Судом Российской Федерации только по правилам, установленным уголовно-процессуальным законодательством.

Непроцессуальные обращения, не отвечающие требованиям, установленным процессуальным законодательством, основанием для проверки законности судебного решения служить не могут.

Главой 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей пересмотр в кассационном порядке вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда, предусмотрено, что такой пересмотр может осуществляться лишь в связи с кассационными жалобами, с которыми вправе обращаться лица, указанные в части 1 статьи 401² названного Кодекса, а именно осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, потерпевший, частный обвинитель, их законные представители и представители, а также иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Гражданин истец, гражданин ответчик или их законные представители и представители вправе обжаловать судебное решение в части, касающейся гражданского иска.

С учетом изложенного Ваше обращение, а также поступившее от Вас обращение писателей России не могут служить основанием для проверки законности вступившего в законную силу приговора Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 23 декабря 2008 г. в отношении Смирнова В.О.

Одновременно сообщая, что надзорные жалобы Смирнова В.О. на вышеуказанный приговор были предметом рассмотрения в Верховном Суде

17/001/0303/001

Российской Федерации.

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2008 г. в удовлетворении надзорной жалобы Смирнова В.О. было отказано.

Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев надзорную жалобу Смирнова В.О., согласился с постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации, о чем заявителю было сообщено письмом от 19 ноября 2009 г.

Приложение: на 4 листах и газета.

Начальник Управления по организационному
обеспечению рассмотрения обращений

О.А. Маркина

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(СК РОССИИ)

Технический пер., д. 2,
г. Москва, Россия, 105005

Председателю правления
Союза писателей России

Ганичеву В.Н.
119992, г. Москва,
Комсомольский пр-т, 13

30.03.2017 № ДМК-102-14262-
117/25/16

на № _____ от _____

Уважаемый Валерий Николаевич!

По поручению Председателя Следственного комитета Российской Федерации рассмотрено Ваше обращение в связи с заявлением члена Союза писателей России Смирнова В.О. о фальсификации доказательств по уголовному делу № 1-85/08.

Установлено, что вступившим в законную силу приговором Сергиево-Посадского городского суда от 23.12.2008 Смирнов В.О. признан виновным по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) и ему назначено наказание в виде 7,9 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Учитывая, что в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и уголовно-процессуальным законодательством обжалование судебных решений относится к полномочиям прокурора, обращения направлены в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

В случае направления органами прокуратуры в Следственный комитет Российской Федерации материалов для решения вопроса об уголовном преследовании, необходимые меры в рамках имеющейся компетенции будут приняты.

О результатах рассмотрения Вы будете уведомлены исполнителем.

Помощник Председателя
Следственного комитета
Российской Федерации

В.В. Дерезов

**Генеральная прокуратура
Российской Федерации**

ул. Б. Дмитровка, 15а
Москва, Россия, ГСП-5, 125993

Смирнову В.О.
aski55@mail.ru

13.06.2018 № 12-21269-07

На № _____

Ваша жалоба, поступившая из Администрации Президента Российской Федерации, рассмотрена.

Ее содержание не требует дополнительной проверки.

О позиции руководства прокуратуры Российской Федерации по уголовному делу Вам сообщалось. Она не изменилась.

Разъясняю, что в случае поступления повторного обращения, которое не будет содержать доводов, переписка с Вами по поводу законности приговора Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 23.12.2008 и последующих судебных постановлений может быть прекращена в соответствии с п. 4.12 Инструкции от 30.01.2013 № 45 (в редакции от 07.03.2018) «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации».

Начальник отдела управления
по обеспечению участия прокуроров
в кассационной и надзорной стадиях
уголовного судопроизводства

В.А. Легецкая

АУ № 074442

Генеральная прокуратура Российской
Федерации
№12-21269-007/СД04591-18

127
Судья Аминова Е.Г.

Дело № 22-5564/132

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г.Красногорск

15 января 2008 года

Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда в составе
председательствующего Маренковой В.П.
и судей Зиминой В.П., Снегиревой Е.В.

рассмотрела в судебном заседании от 15 января 2008 года кассационные жалобы осужденного Смирнова В.О., адвоката Беляйкина В.В., кассационное представление государственного обвинителя Сергеево-Посадского горпрокуроратуры Плыгач Е.А. на приговор Сергеево-Посадского городского суда Московской области от 1 ноября 2007 года, которым СМИРНОВ ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ, 16 октября 1955 года рождения, уроженец п.Новый Афон, Гудаутского района, Республики Абхазия, неустановленный, осужден к лишению свободы по ст.105 ч.1 УК РФ на 8 лет, по ст.119 УК РФ на 6 месяцев, по ст.116 ч.1 УК РФ к штрафу в размере 2500 руб. в доход государства. На основании ст.69 ч.3 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний окончательно назначено Смирнову В.О. наказание виде лишения свободы сроком на 8 лет 2 месяца и штрафа в размере 2500 рублей в доход государства с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Постановлено взыскать со Смирнова В.О. в пользу потерпевшего Лоскутова Д.А. в возмещение морального вреда 100 000 рублей.

Заслушав доклад судьи Маренковой В.П.,

Объяснение адвокатов Куракиной Н.В., Беляйкина В.В., поддерживавших доводы, изложенные в жалобах, потерпевшего Лоскутова Д.А., поддержавшего доводы кассационного представления,

мнение прокурора Ивановой Н.В., поддержавшей доводы кассационного представления в полном объеме,
судебная коллегия,

УСТАНОВИЛА:

Смирнов В.О. признан виновным в совершении убийства, то есть умышленного причинения смерти другому человеку, нанесении побоев, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий,

Генеральная прокуратура
Российской Федерации

Замшеву М.А.

ул. Е. Ульянова, 15а
Москва, Россия, ГСП-5, 125993

24 05.2021 № 12-21269-07

ИД № _____

Ваше повторное обращение в защиту интересов Смирнова В.О. рассмотрено.

Мотивы, по которым Ваши доводы о незаконности состоявшихся в отношении Смирнова судебных решений признаны необоснованными, изложены в оспариваемом ответе от 28.04.2018.

Вопреки Вашему утверждению, ответы должностных лиц Генеральной прокуратуры Российской Федерации, направленные Вам, председателю Союза писателей России Гавичеву В.И. и осужденному Смирнову, сведений о признании последним своей вины в убийстве Греку, не содержат.

Вместе с тем, как следует из приговора от 23.12.2008 и протокола судебного заседания, Смирнов не отрицал факта нанесения Греку ножевого ранения, выдвигая при этом различные версии произошедшего, в том числе о самообороне, которые проверены судом первой инстанции и мотивированно отвергнуты в приговоре.

Руководством прокуратуры Российской Федерации по результатам рассмотрения жалоб самого осужденного оснований для принятия мер прокурорского реагирования не усмотрено.

Жалоба оставлена без удовлетворения, что не препятствует Вам вновь обратиться в Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Начальник кассационно-
надзорного управления

И.В. Баридов

АХ № 673382

Генеральная прокуратура Российской Федерации
№ 12-21269-2007-Обс1764-1

СОДЕРЖАНИЕ

Отзывы о книге	5
Террорист	
Исповедь экс-террориста	16
Разговор по душам	32
Сон и явь.....	34
Бог милостив.....	36
Прописка.....	37
Кому тюрьма, а кому мать родна.....	39
Наседка.....	41
Братка	42
Эхо	43
Под залог души.....	45
Мразота	46
Заказчик	48
Интервью со смертником	51
Грех.....	60
Кумовья	61
Государство зэков.....	62
Исповедь	66
Дубрик.....	69
Курс лечения.....	70
Основной инстинкт.....	72
Ссылка.....	75
Аборигены государства зэков.....	77
Оговорка.....	81
Крокодил.....	82
Шнырь.....	84
Качок.....	86
Воспитатель.....	88
Уркаган.....	89
Крепостной	91

Преодоление	92
Капитал	95
Спецэтап.....	97

Багульник

Я у времени привратник,.....	99
Я, одетый в чёрный ватник,.....	99
Буду длиться, длиться, длиться —	99
Без конца за вас молиться,.....	99
Не имеющих лица.	99
Валентин Соколов.....	99
Вечная память.....	101
Первый день	108
Миша	109
Молебен.....	111
Под спудом	113
Борька-Морячок	117
Любовь-морковь.....	119
Юродивый.....	120
Общая камера	123
Алё-малё	131
Грев.....	132
Дружба народов	133
Ботаник	133
Погоняло	135
Разлука.....	136
Загадка.....	137
Крест.....	137
Джунгли.....	138
Толян	139
Хохмач	142
Путь на зону.....	143
Ритуал	145
Киргиз	145

Эпиграф.....	149
На вечной мерзлоте.....	157
Митяй	159
Соперник.....	160
Кучум.....	162
Барыга.....	162
Погорелец.....	164
Чемпион	165
Марочкин.....	168
Гнилая опора	169
Однофамилец.....	169
Луч света	173
Боль	175
Дело случая	177
Отрава.....	179
Каиново семя.....	180
Увечная правда	181
Трифон	186
Старичок-боровичок.....	188
Самоубийцы.....	189
Ара	192

Судный день. Повесть

Глава 1	197
Глава 2	208
Глава 3	214
Глава 4	216
Глава 5	218
Глава 6	221
Глава 7	227
Глава 8	231
Глава 9	235
Глава 10	238
Глава 11	241

Глава 12	245
Глава 13	247
Глава 14	258
Глава 15	261
Глава 16	268
Глава 17	273
Глава 18	275

Рассказы, написанные на свободе

Героиня моего рассказа	283
Отдушина	286
Пасха и Победа.....	288
Дорога.....	289
За ягодой	290
За семью печатями	291
Шанс.....	293
Россия.....	296
Одноклассники	298
Междугородный разговор	299

Заключительная часть моих злоключений

Рассказ-быль	303
Рассказ-быль	321

Приложения

(некоторые образцы документов и отписок) ..	331
---	-----

Владимир Смирнов

Багульник

Корректор Галина Воронина
Технический редактор Никита Иванов
Верстка Максим Горшков

ISBN 978-5-89097-108-1

Подписано в печать 09.11.2023. Формат 84×108/32.
Гарнитура Times Cyrillic. Печ. л. 11.
Тираж 1000 экз.